

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2017

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 13.01.2017 № 6) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Метафізика ідеальнага прэступлення: возможности и действительность.....	5
Наливайко И.М. Повседневные практики: игры памяти и становление идентичности.....	11
Иванчина О.Н. Религиозная безопасность в современном мире: философско-юридический аспект.....	16
Люкевіч У.П. Фарміраванне навукі пра спорт у XX стагоддзі: галоўныя мэты і задачы.....	29
Маруховская-Картунова О.А. Актуализация философских идей о «вечном мире» мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени.....	36
Шатерник М.Г. Сравнение философско-этических концепций дискурса М. Фуко и Ю. Хабермаса.....	47
Жук Е.И. Проблема молчания в феноменологии языка Мориса Мерло-Понти.....	53
Кватания А. Пространственность субъекта как предмет неклассической философии.....	59
Ермолович Ю.Н. Роль цивилизационной принадлежности в межкультурных коммуникациях.....	66

ПАЛІТАЛОГІЯ

Северин Э.Н. Теоретические аспекты прав человека.....	73
Левчук Н.Н. Концептуализация сетевого влияния в системе массовых коммуникаций.....	81
Посталовская О.А. Экологические проблемы и современная мировая политика: аспекты взаимосвязи.....	86
Васильева Е.И. Влияние этнических стереотипов на формирование конструкта «медиаимидж Республики Беларусь» (по материалам «The New York Times»).....	91
Лазуткин А.В. Правовое регулирование деятельности общественных объединений как фактор становления партийной системы в Республике Беларусь.....	99

САЦЫЯЛОГІЯ

Смирнова Р.А. К вопросу методологии изучения социально-классовой структуры белорусского общества.....	107
Скакун Е.В., Кавецкий С.Т. Историографические проблемы среднего класса в теориях индустриального и постиндустриального общества.....	113
Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Велосипеды и велосипедисты в городском интерьере: социологический анализ.....	121
Смирнов В.Э. Социально-классовая структура через призму индивидуалистической методологии: критический анализ.....	128
Кузьменко Т.В. Повседневные практики взаимодействия как источник солидарности в сельском сообществе.....	134

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanav

V.M. Vatyl

A.N. Grigorovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2017

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 13, 2017 № 6) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Metaphysics of Perfect Crime: Possibilities and Reality.....	5
Nalivaiko I.M. Everyday Practices: the Play of Memory and Forming of Identity	11
Ivanchina O.N. Religious Security in Contemporary World: Philosophical and Juridical Aspect.....	16
Lukievic U.P. Formation of Sport Science in the 20th Century: Main Objectives and Tasks	29
Marukhovska-Kartunova O.A. Actualization of Philosophical Ideas about «Perpetual Peace» of the Thinkers of the Renaissance and Modern Times	36
Shatsernik M.G. A Comparative Analysis of the Philosophical and Ethical Theory of Discourse by M. Foucault and J. Habermas.....	47
Zhuk K.I. The Problem of Silence in Merleau-Ponty's Phenomenology of Language	53
Kvatania A. Master's Degree in Philosophy, Postgraduate Student the Spatiality of the Subject as the Problem of Non-classical Philosophy	59
Ermolovich Yu.N. The Role of Civilizational Identity in Intercultural Communication.....	66

POLITOLOGY

Severin E.N. Theoretical Aspects of Human Rights	73
Levchuk N.N. Conceptualization of Network Influence in System of Mass Communications	81
Postalovskaya O.A. Environmental Issues in Contemporary International Politics	86
Vasilyeva A.I. The Influence on the Ethnic Stereotypes on the Construct «Image of the Republic of Belarus» (by the Materials of «The New York Times»)	91
Lazutkin A.V. Legal Regulation of the Activity of Public Associations as the Factor of Formation of the Party System in the Republic of Belarus	99

SOCIOLOGY

Smirnova R.A. To the Question of Methodology of Study of Social-class Structure of the Belarusian Society	107
Skakun E.V., Kavetski S.T. Historiographical Challenges of the Middle Class in the Theories of Industrial and Postindustrial Societies	113
Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Bicycles and Bicycle Riders in Urban Interior: Sociological Analysis	121
Smirnov V.E. Social-Class Structure Through the Prism of Individualistic Methodology: a Critical Analysis.....	128
Kuzmenko T.V. Everyday Practices of Interaction as a Source of Solidarity in a Rural Community.....	134

ФІЛАСОФІЯ

УДК 343.23

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

МЕТАФИЗИКА ИДЕАЛЬНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается дефиниция «идеального преступления», характеризуются его (понятия) существенные признаки. На ряде примеров, прежде всего, из детективной литературы, анализируются возможности осуществления идеального преступления, его сущность (криминалистическая, метафизическая), рассматриваются различные интерпретации идеального преступления. Формулируются выводы о том, что идеальное преступление не может быть рассмотрено в апологетическом контексте даже в том случае, если нет жертвы и правоохранительные органы не преследуют (по тем или иным основаниям, чаще всего ложным) преступника. Метафизика идеального преступления рассматривается и в аспекте диалектики его возможности и реального осуществления.

Введение

Идеальное преступление – это деяние, соответствующее в основном двум требованиям: оно достигло своей цели, и виновные лица не понесли наказания. Кроме того, это противозаконный акт, который целенаправленно готовится и замысел которого отработывается не один день и даже месяц. Но к определению термина мы вернёмся ниже, пока же отметим возникающий здесь своего рода парадокс. Идеальное преступление – то, которое не раскрыто. Если оно раскрыто, то о каком идеале преступного замысла и воплощения вообще может идти речь? Но если это так, то фактически налицо проблема предмета исследования: говорить об идеальных преступлениях мы не можем, поскольку они существуют «в себе», их фактически нет для любого человека, обратившегося к этой проблеме. Однако предмет всё же существует, и связано это как минимум с двумя факторами. Во-первых, история человеческого общества даёт нам массу примеров нераскрытых преступлений, причём самого разного характера, которые могут претендовать на статус «идеальных». Скотланд-Ярд так и не нашёл серийного убийцу Джека Потрошителя; ещё в СССР были убиты (а убийцы не найдены) священник А. Мень, актриса З. Фёдорова. Этот скорбный список достаточно велик. Во-вторых, мы вправе обратиться к идеальному преступлению не только «по факту» (оно состоялось и осталось нераскрытым), но и «по замыслу». Каким образом формируется деяние такого рода, какие ресурсы привлекаются для его осуществления и т.д.?

Причём нас будут интересовать в этом контексте различные аспекты проблемы, прежде всего метафизический и формально-логический. Кроме того, будет обращено внимание и на мистические, интуитивные, в целом внерациональные составляющие идеальных преступлений. Основные вопросы можно обозначить так: в чём специфика идеального преступления с точки зрения его рационального (прежде всего) осмысления и возможно ли в этой связи идеальное преступление в принципе; какие формально-логические инструменты привлекаются для формирования и осуществления идеального преступления и какова их иерархия с точки зрения предпочтений людей, осуществляющих противозаконную деятельность; каким образом идеальное преступление интерпретируется, в частности, в детективной литературе и что думают по этому поводу классики жанра.

И ещё одно «вводное» замечание, которое объясняет смысл обращения к данной постановке проблемы. Дело в том, что стремление осуществить «идеальное» преступ-

ление – из разряда вечных. Нас в этом аспекте не интересует мотивация, средства достижения цели, важно констатировать главное: преступление (как социальный феномен) в принципе неустранимо из нашей жизни, а идеальное преступление в этом контексте представляет своего рода его «высшую» ступень. Спонтанные, немотивированные преступления, преступления на бытовой почве, те, которые рождаются и заканчиваются «на улице», также представляют значительный интерес для исследователя. Однако есть смысл сосредоточиться именно на идеальных преступлениях, которые не просто содержат в себе набор метафизических, формально-логических мыслительных инструментов, но и представляют собой целую философию, философию преступления.

И первый вопрос, который требует ответа, может звучать так: каково же определение «идеального преступления»? Общепринятого ответа нет. Мало того, нет и более или менее признанных вариантов ответа на этот вопрос. Хотя само словосочетание встречается достаточно часто, например, в кинематографических произведениях («идеальное убийство»), литературных произведениях (об этом далее мы будем говорить подробнее), в иных транскрипциях (философские интерпретации, публицистические варианты, постмодернистские изыски). Один из популярных ответов может звучать так: идеальное преступление – это то, которое совершено, а его исполнитель остался неизвестным. Но это определение вряд ли нас удовлетворит и главным образом в связи с тем, что исполнитель преступного замысла достаточно часто желает, чтобы о его преступлении знали. И что в основе этого желания: болезненное честолюбие, жажда славы, уверенность в собственной исключительности или что-то иное – дело в данном случае второстепенное. Заметим, как этот мотив обыгрывается в известном романе А. Кристи «Десять негрятят». Главный герой, судья, замысливший и осуществивший идеальное (с его точки зрения) преступление, всё же не прошёл испытания неизвестностью и поведал миру о своей попытке наказать тех людей, которые, по его мнению, были преступниками, избежавшими наказания. Здесь есть и иной нюанс, методологического характера: если мы ничего не знаем (не узнаем) о совершённом преступлении, то каким образом можем его интерпретировать, осмыслить?

Иной вариант ответа может быть связан с переносом, экстраполяцией вины с подлинного преступника на человека, который оказался не в то время и не в том месте. Т.е. идеальное преступление есть то, в котором осуждён невиновный; более того, судебная система и общественность уверены в справедливости следствия и судебного воздаяния. У Ж. Сименона есть роман «Цена головы», который начинается с искусственно устроенного комиссаром Мегрэ побега заключённого, приговорённого к высшей мере наказания за совершённые им убийства. Мегрэ уверен в том, что осуждённый не убийца и потому идёт на смелый и опасный для своей карьеры эксперимент. В итоге он оказался прав, доказав, что убийства совершил совсем иной человек. Более того, настоящий преступник уверен, что задумал и осуществил именно идеальное преступление, но сам провоцирует комиссара полиции на интерес к своей персоне. Зачем – это уже вопросы не криминального, а психологического характера. Мы же пока фиксируем такую существенную черту идеального убийства, как сознательное обвинение невиновного, причём успешное обвинение невиновного.

Среди существенных черт понятия «идеальное преступление» есть и иные. Например, его элитарный характер (или претензия на такой характер). Суть этой констатации в том, что идеальное преступление – это как правило продуманное преступление, рациональное преступление, требующее хотя бы минимума знаний, в том числе и в области формальной логики. Элитарный характер идеального преступления плохо увязывается с «преступлениями улицы», т.е. с такими поступками, которые связаны с живым движением социума, с живыми отношениями людей, здесь требуется обдумывание,

проработка деталей от мотива до алиби. В этой связи в идеальном преступлении нет фигуры детектива-боевика, который вначале бьёт, а потом думает. Здесь присутствует рафинированный мыслитель, которому знакомо и слово «метод», и хитросплетения психологических нюансов. Скажем, в романах Ж. Сименона при всех их несомненных высоких достоинствах идеальное преступление фигурирует лишь однажды, в названном выше романе, и это закономерно. Дело в том, что сам Жюль Мегрэ отрицает ненужные умствования, претензии на интеллектуализм ему чужды, для него на первом месте всегда факт, от которого можно оттолкнуться и сформировать версию. Важнее всего черновая работа сыщика: встречи, беседы, собирание всей мыслимой информации, и здесь, скорее, мы можем вспомнить метод Вильгельма Дильтея, его «вживание» (в среду, в мир преступления, в ценности данного круга людей), нежели абстрактное теоретизирование. Но это вовсе не значит, что элитарный характер преступления в принципе исключён. В романах А. Кристи, особенно в тех, где фигурирует сыщик Э. Пуаро, всё решают именно «серые клеточки», возможности человеческого разума. Разве метод аналогии является ключевым в расследованиях мисс Марпл? Всем памятен и дедуктивный метод Ш. Холмса, но этот метод необходимо не только сформулировать применительно к конкретным фактам, надо понять связь между методом и возможностью разгадки того или иного загадочного случая. А это далеко не так элементарно, как любит говорить детектив своему другу и биографу Ватсону. В целом можно констатировать, что хвалебные слова, которые Холмс в ряде случаев адресует Ватсону («Вы вполне овладели моим дедуктивным методом, мой друг») для читателя не всегда понятны. Метод дедукции как инструмент «прописан» нечётко. Попробуйте использовать его в учебных аудиториях для тех же студентов юридического факультета – трудности возникнут ощутимые.

Таким образом, категория «идеальное преступление» обладает такими признаками, как сугубая рациональность мышления (и преступника, и сыщика); это элитарный характер мышления (если под элитарностью понимать некий определённый уровень теоретических знаний); это обязательное присутствие детектива, для которого приоритетными являются не бицепсы и физическая энергия, а возможности человеческого разума; это, как правило, то преступление, которое или не раскрыто вовсе, или виновником искусственно «назначен» некто, не имеющий к преступлению никакого отношения. Конечно, всё сказанное вовсе не значит, что тот или иной из названных признаков не может быть применён (проявлен) в рамках иных жанров, иных подходов. В качестве примера можно обратиться к романам такого замечательного автора, как Дик Фрэнсис. До сих пор спорят, как же назвать произведения о преступлениях, о которых он пишет: элементами приключенческой прозы, «чистого» детектива или социальных романов. Здесь много проблем: в его текстах нет интеллектуала-сыщика, да и вообще часто нет сыщика. У него отсутствует выстроенность текста на классических основах, скажем, как у А. Кристи, где всегда присутствует субъект (детектив), криминальная загадка, неторопливый и понятный читателю ход повествования. Назвать те преступления, которые расследуют герои Д. Фрэнсиса, «идеальными» нельзя, да и сам человек, вовлечённый в приключенческую сферу, не претендует на «элитарность», более того, ему чужды такие категории. Но вот что важно: в текстах Д. Фрэнсиса действует страдающий, думающий человек, человек, готовый к поступку. Но это именно думающий человек, для которого действие как правило вторично по отношению к мысли.

Элементы идеального преступления можно встретить во многих произведениях. Приведём два из них, которые, возможно, покажутся нетипичными. Первый пример – сюжет известного советского фильма, кинокомедии «Старики-разбойники». При всей «вторичности» детективной линии (кража из музея полотна кисти Рембрандта) само по себе похищение воспринимается как идеальное. Здесь есть замысел, достаточно про-

фессиональный. Есть исполнение – удачное, т.е. цель достигнута. Есть «перевод стрелок» на совершенно иной объект («картина на реставрации») и т.д. Нечто похожее можно обнаружить и в романе В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Та сюжетная линия, которая связана с приходом «дикой охоты» и которая составляет смысловую ось повествования, может быть охарактеризована при помощи определения «идеальная». «Охота» опирается на умело используемую легенду, находящую отклик и понимание в умах и сердцах всех участников драмы. Она вполне могла бы завершиться полным успехом, а именно, смертью героини романа, если бы не появился герой, который разрушил преступные замыслы. В романе «прописаны» не только рационалистические элементы, но и легендарный, мистический контекст, который играет важную роль в развитии сюжета, но не в реализации замыслов.

Особо необходимо остановиться на формально-логическом контексте идеальных преступлений. Понятно почему: говорить об идеальном преступлении вне основополагающих категорий аристотелевской силлогистики достаточно сложно. Один из важнейших сегментов здесь – формулировка названий романов, иных произведений. Обращаем внимание: авторы, дистанцирующиеся от «идеальности», формулируют названия своих произведений достаточно ясно, прозрачно, лапидарно. Тот же Д. Фрэнсис: «Фаворит», «Игра без козырей», «Последний барьер» и иные. В этих названиях никаких двусмысленностей и загадок. Далее, Рекс Статут и его замечательные герои Ниро Вульф и Арчи Гудвин: «Красная шкатулка», «Чёрные орхидеи», «Слишком много женщин». А вот в качестве сравнения работы Буало-Нарсежака (Том Буало и Пьер Эро): «Смерть сказала: может быть», «Человек-шарада» и иные. Французские авторы включают в текст мистический компонент, однако лишь затем, чтобы в конце повествования представить сугубо рационалистическую разгадку происходящего. Иной подход, представленный в романах Буало-Нарсежака, связан с изменением субъекта повествования: мы слышим «голос» не сыщика, детектива, но жертвы. Такие повороты в подходах позволили не просто выстроить некую новую линию изложения материала. Перед нами и иные формы выстраивания «идеального преступления», основанные на сочетании компонентов мистического и формально-логического. Скажем, в романе «Та, которой не стало» рассказывается, как муж убил жену (утопил её в ванне), а когда пришёл унести труп и спрятать его, то обнаружил, что труп исчез. А далее «мёртвая» обращается к нему, подталкивая к принятию решения в свою пользу (речь идёт о страховке уже в связи с его собственной смертью). И речь, конечно, не только о работах французских мастеров жанра. Джулиан Саймонс пишет романы, многие названия которых могут быть интерпретированы в неклассическом ключе. Достаточно сказать, что первый из своих романов, который писался в соавторстве, позже был назван «Имматериальное убийство». Тем не менее Саймонс не реформатор детективного жанра, он в плену тех же классических традиций, в том числе и в части идеального преступления.

Один из классических вариантов идеального преступления представлен в романе Д. Уэстлейка «Полицейские и воры», в котором рассказывается о том, что двое полицейских задумывают аферу, в результате которой они могли бы получить от преступников значительную сумму денег. Разрабатывается план операции, изучаются все возможные препятствия и пути их преодоления. Их попытка незаконно обогатиться заканчивается полным успехом, они получают свои деньги. Незаконные деньги, преступные деньги. Отсюда непростой вопрос о моральной ответственности авторов подобных произведений, поскольку читателю предлагается стандарт «успешного преступления». Но может ли вообще преступление быть успешным? Может ли вообще преступление называться «идеальным»? Ответ очевиден: нет, не может.

В сущности, интерпретаций категории «идеальное преступление» может быть достаточно много, и часто исследователь затрудняется каким-то образом классифици-

ровать то или иное незаконное деяние. Вот типичный пример из практики российских правоохранительных органов. Совершено преступление: украден новорождённый ребёнок (ситуация зимы 2015 г.). Его ищут годы, вся страна, но поиск безуспешен. И вдруг оказалось, что ребёнок счастливо живёт в семье, у него любящие родители. Суть: одна женщина отказалась от новорождённого в роддоме, а другая в это же время потеряла ребёнка. И та, которая потеряла дитя, крадёт малыша и выдаёт за своего ребёнка. Идеальное преступление, хотя замысел его созрел, очевидно, спонтанно. Каким-то образом через годы всё это вышло наружу, и налицо драма. Правовой коллизии не существует: ребёнка забирают из новой и счастливой семьи; женщину, укравшую дитя, ждёт суд и наказание; ребёнка отдают в детдом, и его ждёт новая процедура усыновления или содержания в приюте. Тот же факт, что малыш плачет и зовёт маму и папу, рассматривается должностными лицами «во-вторых». Главенствует право, побеждает формальный подход, апелляция принадлежности к соответствующей правовой семье, где главенствует Его Величество закон. Перед нами достаточно старый спор между теми, кто ставит на первое место закон, и теми, для кого приоритетна справедливость. Здесь нет и не может быть однозначного ответа, кто прав, а кто нет, но вот что важно: если общество убеждено, что существует необходимость коррекции тех или иных положений нормативного правового акта, то эта коррекция должна иметь место.

И эта точка зрения не является доминирующей. У Грегори Макдональдса есть серия очень хороших детективов, где главным героем выступает журналист по имени Флетч, специализирующийся на криминальных расследованиях. В одном из романов есть замечательный диалог между Флетчем и юной наркоманкой. Передаю его в свободной форме:

- Тебе сколько лет, Флетч, – спрашивает пятнадцатилетняя девица по имени Бобби.
- Двадцать шесть, – отвечает он.
- А мне, наверное, никогда не будет двадцати шести лет?
- Нет.
- И что я должна по этому поводу думать?
- Не знаю.
- И я тоже.

Здесь нет никаких нравучений, нет апелляций к обществу, к закону, есть факт и априорное согласие с фактом. Т.е. вот твой выбор – героин, твоя смерть рядом, но это констатации того же порядка, что «океан шумит» или «звёздное небо восхитительно». Идеальное отношение к происходящему, каким бы происходящее ни было. Наркоманы совершают преступления, занимаются проституцией, лишь бы найти деньги на «дозу». Но это их выбор, их судьба, и к этой судьбе необходимо относиться спокойно. Здесь, конечно, идеальное преступление теряет свою форму, превращаясь в социальное явление, однако суть в том, что одно от другого часто отличить нельзя.

Тот же Флетч в этом же романе незаконно получает три миллиона долларов и вывозит их из страны на частном самолёте. Это тоже вариант идеального преступления, ведь персонаж лично никого не убивал, и его не будут искать правоохранительные органы (сюжетную линию опускаем). Но это не его деньги, они принадлежат другим людям, он не может отчитаться за них ни перед полицией, ни перед налоговым ведомством. Но кого это волнует? Это жизнь, как обычно говорят пожившие на белом свете люди. А моральный контекст идеальных преступлений – это уже отдельная тема.

Заключение

Конечно, в некоторых аспектах термин «идеальное преступление» выглядит искусственным. Прежде всего, в том случае, когда речь идёт о строгих и общепризнанных признаках данной дефиниции. Но даже если и так, то это вовсе не снимает эвристиче-

ского интереса к самому явлению. И это первый вывод из сказанного. Как будут множиться попытки прийти к новым вариантам идеального преступления (а эти варианты всегда будут новыми), точно так же будут иметь место и попытки анатомии этого явления, этой острой социальной проблемы. И исходить здесь необходимо из того постулата, согласно которому идеальное преступление теоретически и практически возможно, однако на него распространяются все санкции, которые имеют место по отношению к любому преступлению. Маленький дьявол всё равно дьявол, и здесь нет альтернатив.

Метафизика идеального преступления – это, прежде всего, право выбора, в первую очередь, выбора моральных критериев собственных поступков. Причём это вовсе не обязательное требование, например, для прагматиков, разделяющих «целесообразный» подход. Они, не обременённые этикой, главное видят в ином – в успешной реализации замысла. Здесь, конечно, водораздел идёт по линии как цивилизационной, так и собственно философской, которые могут существовать априорно. Так, Эркюль Пуаро может признать целесообразность (в том числе и правовую) внесудебного наказания («Восточный экспресс»), и он же может воспротивиться такому наказанию. Далёко не случайно в книге Агаты Кристи сыщик соглашается с вердиктом простых граждан и совершением преступления со стороны пострадавших от преступника людей. А вот в фильме с Д. Суше в главной роли Пуаро категорически против такого решения. Показателен разнотой мнений: готового клише нет, нет готового решения, и каждый раз мы стоим перед выбором. Причём важно, что этот выбор может оказаться разным.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2016

Lepeshko B.M. Metaphysics of Perfect Crime: Possibilities and Reality

The definition of «a perfect crime» is discussed in the article; its essential features are characterized. The possibility of committing the perfect crime, its essence (forensic, metaphysical), and various interpretations of the perfect crime are explored in the article in the examples from detective fiction. The author comes to the conclusions about inability of the perfect crime to be considered in the apologetic context, even if there is no victim, and the police do not pursue the criminal for various reasons, often false. Metaphysics of the perfect crime is considered in the aspect of the dialectic of its possibilities and its actual implementation.

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ: ИГРЫ ПАМЯТИ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена проблеме соотносительности феноменов исторической памяти и идентичности в контексте повседневных практик. Аргументирована необходимость анализа повседневной жизни как реального «хронотопа» человеческого существования с целью выстраивания новой модели идентичности – способа нашего со-присутствия в мире. Весьма значимым и продуктивным представляется методологический подход, рассматривающий повседневность как сеть определенных практик, носящих тактический характер, в противовес «стратегиям» институциональных форм социальности.

Введение

Связка понятий «идентичность» и «память» стала уже совершенно привычной и легитимной для современного философского дискурса. Однако если проблема идентичности, неразрывно связанная с определением и самоопределением того или иного субъекта действия (отдельного человека, социальной группы, культурной общности), является своего рода вечной темой философского и в целом гуманитарного знания (хотя может принимать различные формы своей тематизации), то проблема социальной и исторической памяти актуализируется как следствие серьезных социокультурных сдвигов, определенных социальных и политических конфликтов. В наше время, отмеченное сложными миграционными процессами и обострением различного рода социальных конфликтов, тема памяти становится одной из приоритетных в гуманитарных науках. Это совершенно закономерно, так как память с неизбежностью вовлекается в стратегические игры власти, в спор социальных институтов и конфликтующих групп и как резервуар смыслов, и как «критерий истины», призванный подкрепить правоту той или иной стороны, и как набросок будущего. Возникает оправданный соблазн выстраивания стратегий исторической памяти, которые, в свою очередь, становятся определенным идеологическим ресурсом. Однако именно в такие переломные моменты происходит и качественный скачок в формировании и осмыслении национальной и культурной идентичности, что ярко демонстрирует тесную переплетенность идентичности и памяти. Вероятно, именно взаимосоотнесенное рассмотрение этих феноменов не только делает возможным приближение к пониманию сути каждого из них, но может внести существенные коррективы в актуальную социальную и культурную политику.

Однако ближайшее рассмотрение исследуемых феноменов диктует необходимость «смены фокуса». Отвлеченно-теоретическая трактовка идентичности и памяти, характерная для классической парадигмы, оказывается несостоятельной перед лицом вызовов современности. В силу этого представляется плодотворным взглянуть на процессы формирования идентичности в их подлинном жизненном контексте – пространстве повседневной жизни, где и разворачивается живая человеческая экзистенция.

Цель статьи – выявление роли исторической памяти в становлении идентичности в контексте повседневных практик. Реализация данной цели может быть достигнута через решение следующих задач: 1) определение специфики и «эвристической недостаточности» классической модели идентичности; 2) показ парадигмальных сдвигов в понимании феномена исторической памяти; 3) анализ повседневных практик как пространства становления идентичности.

Идентичность как тема классической философии

Если обратиться к классическому пониманию идентичности, то становится очевидным, что ее трактовка неразрывно связана с новоевропейской моделью субъективности. Эта модель, в пределе сводящая всякую субъективность к сущностным характеристикам субъекта познания как изолированного самовластного субъекта, на деле, как показывают М. Фуко и Ж. Делёз, является следствием определенных процессов субъективации, маркирующих историю европейской культуры. Субъект как наделенное способностью самосознания активное начало оказывается результатом воздействия внешних сил; форма субъективности есть результат сформованности, воздействия тех или иных властных стратегий. В качестве иллюстрации этого тезиса выступает концепция «складки» как эвристическая модель рождения субъективности в Древней Греции, где субъект, а вернее, форма субъективности, становится результатом удвоения-складки властных отношений. Искусство самоуправления, приводящее к рождению субъекта, оказывается следствием необходимости для всякого свободного научиться искусству управления. Как ни странно, но в пределе эта модель сводит субъекта к пространственным характеристикам, ибо форма есть своего рода внешняя граница, то, что может быть «ощупано» взглядом извне, что задано дистанцией, присущей стороннему наблюдателю [1, с. 58–60]. В новоевропейской философской традиции вследствие последовательного абстрагирования эта дистанция трансформируется в дистанцию рефлексии и саморефлексии, определяющую изолированного самовластного субъекта познания. Эта дистанция доводится до логического конца, модель субъективности, представляющая субъекта как некую заданную универсальную форму, абсолютизируется, и, как следствие, процесс субъективации (становление субъектом), с одной стороны, утаивается, выводится за скобки, а с другой – превращается, по словам Ж. Делёза, в субъекцию, т.е. в приведение, во всегда равную себе и узнаваемую форму идентичности на основе принуждения властью [2, с. 237].

Это, в свою очередь, приводит к тому, что в классической парадигме идентичность, как и сама субъективность, оказывается связана формой и границей. Она нацелена не только на обретение некой определенности, точки устойчивости, но и на дистанцирование, отделение от другого, чужого, на разделение и разграничение. Причем эта «топология», это разделение и разграничение заданы извне. Они являются результатом властных стратегий, чье влияние тем более действенно, чем больше завуалировано. В таком случае процесс самоидентификации сводится к принятию или отторжению этих положенных извне границ. Ярким примером тому служат разнообразные, иногда и разнонаправленные попытки национальной и культурной идентификации и самоидентификации на постсоветском пространстве. Так, например, согласно ряду исследований, в постсоветских странах Балтии старшее поколение граждан все еще стремится идентифицировать себя с национальной или этнической группой, в то время как молодые люди предпочитают видеть свою культурную идентичность в принадлежности к европейской общности как таковой. Однако такая социальная «топология», определенный извне «порядок мест» таит в себе существенный изъян. Кто бы ни занимал позицию наблюдателя, из какой бы точки ни исходили эти формирующие властные стратегии, в любом случае, это определенная локальная позиция. Но волевая экспансия, лежащая в сердцевине европейской культуры, неизбежно пытается абсолютизировать эту точку видения, превратить ее из локальной в универсальную. Пренебрегая своей темпоральной, конечной природой, человек (не важно, в лице индивида или социального института) тщится превратить свое видение в «глаз Бога», предъявляя тем самым претензию на абсолютность и незыблемость проложенных им границ.

Идентичность и историческая память

Вот здесь и берут свое начало достаточно опасные процессы, вовлекающие в свои игры и историческую память. Для подтверждения своей правоты, вернее, для манифестирования своей точки зрения как единственно возможной исторической «правды» те или иные социальные субъекты пытаются искусственно моделировать схемы исторической памяти, стремясь подогнать их под свои стратегические цели. Такие попытки базируются на классическом подходе к пониманию истории и феномена исторической памяти, где история замещается историографией, превращается в некую историческую «картографию» с заданной извне (с позиции историка-систематизатора) системой «готовых мест». Эти «готовые места» не только задают концептуальную рамку трактовки разрозненных исторических фактов, но и намечают границу культурной, национальной и т.д. идентичности посредством моделирования исторической памяти. В соответствии с пониманием идентичности как некой равной себе формы, определенности память рассматривается как реестр свершившихся фактов, как оплотнение смыслов, призванных подтвердить и удержать определенную историческую «правду». Причем сложная диалектика памяти и забвения, посредством которой память и становится феноменом живой человеческой экзистенции, сводится порой к примитивному нарочитому умалчиванию фактов и событий, не укладывающихся в заданную систему координат. Выстраиваются различные исторические мифы, которые иногда становятся катализаторами вполне реальных социальных конфликтов.

Память в повседневности

Построение вышеописанных моделей идентичности и исторической памяти становится возможным в результате изначально допущенной идеализации, которая позволила свести понимание человеческой субъективности к изолированной форме и границе, к точке самовластия и самостояния (которая на деле оказывается заданной извне). Изолированный самовластный субъект есть не что иное, как абстракция, не имеющая действительных экзистенциальных и исторических проекций. Именно поэтому неклассическая философия смещает акценты в понимании субъективности с эпистемологической в экзистенциально-онтологическую плоскость. Человек всегда находится в потоке времени и обстоятельств, его бытие по сути своей темпорально. Он всегда погружен в череду будней, в хитросплетение «здесь и сейчас», в сложную сеть взаимосвязей и взаимозависимостей с людьми и вещами – в то, что можно обозначить очень емким, но достаточно многозначным словом «повседневность». Классическая традиция практически вытеснила тему повседневности на периферию философского дискурса, поскольку сама повседневная жизнь как череда «серых будней» считалась неподлинной сферой человеческого существования, сферой, где рассеивается сознание и воление, а значит, исчезает и сам субъект. Представляется, что именно обращение к повседневности, ворвавшейся в предметный круг философии в XX в., позволяет не только преодолеть тупики, к которым приводит новоевропейская трактовка субъективности, но и скорректировать понимание идентичности и исторической памяти. При всем уничтожении, которому подвергалась повседневность в предшествующей культурной традиции, именно она и есть реальный «хронотоп» человеческого существования. Наше экзистенциальное время есть не что иное, как ежедневно проживаемое и ускользающее «сейчас», как живая связь прошлого и будущего, переживаемая в настоящем моменте. Строго говоря, как напоминает нам М. де Серто, примерно это древние греки и понимали под словом «память». Греческая *metis* – форма разума, «всегда погруженного в практику», есть специфическая рациональность повседневности. Это темпоральная практика, которая рассчитывает на благоприятный момент – *kairos*. Она неразрывно связана с особым знанием, или даже искусством, которое и является *памятью*. Серто напоми-

нает о том, что в античности память обозначала присутствие множественности времен и не ограничивалась только прошлым, связывая воедино уже произошедшие и возможные конкретные события. Но это никоим образом не коллекция готовых мест – «оттисков» событий, «память – это анти-музей» [3, с. 208], это средство изменять места. Таким образом, память связывает пространство и время, включая момент каузальности и спонтанности, в размеренную систему мест и изменяясь сама: «Подобно птицам, откладывающим свои яйца только в чужих гнездах, память что-то производит в том месте, которое не является ее собственным... Ее мобилизация неотделима от *искажения*. Происходит двойное искажение – памяти, которая работает только тогда, когда на нее оказывается воздействие, и ее объекта, который удерживается в памяти только когда он исчез. Когда эта способность утрачивается, память слабеет... Не будучи ни ковчегом, ни урной, в которой хранится прошлое, память живет за счет *веры* в возможности и неусыпно подстерегает их появление» [3, с. 178]. Именно память делает время «живым», связывая прошлое, настоящее и будущее и переворачивая стратегический порядок мест. Т.е. подлинная память не является ни реестром, ни каталогом, она не может быть собранием «готовых фактов», она «проживается», актуализируя забытое в зависимости от специфики переживаемого момента. В силу этого память не «слипается» с идентичностью как готовой формой и не формует ее, как ваятель глину. Память вплетена в сложные процессы идентификации, порожденные не в последнюю очередь повседневными практиками.

Повседневные практики и идентичность

Повседневные практики, прежде всего, темпоральны. Они основаны на проживании последовательно сменяющихся друг друга моментов, выборе удобного случая и возникающего в повторении различия. Но в них присутствует и мощный заряд пространственности, поскольку они телесно вплетают человека в окружающий мир, включая в сложные взаимодействия с материальными вещами и другими людьми, размывая устоявшиеся представления о границах и чеканность установленных форм. Самые обыденные и привычные практики обживания жилища, приготовления и потребления пищи, освоения городского пространства и т.д. дают нам множество примеров подобного взаимодействия человека с окружающим его предметным миром и другими людьми. В силу этого можно утверждать, что память также сплетается с нашим вотелесненным присутствием в мире, порождая сложные игры припоминания и забвения и приводя к возникновению идентичности как способа *со-присутствия* в мире. У каждого человека и у каждой культуры есть свое экзистенциальное время и свое пространство, в которые нельзя искусственно переместиться, но можно пережить опыт присутствия, если произойдет некое пересечение «хронотопов».

Однако анализ становления идентичности в сети повседневных практик будет неполным без обозначения специфики самих этих практик. Неклассическая философия отмечена не только проблематизацией повседневности, но и радикальным переосмыслением ее природы. Помимо утверждения множественного и многоуровневого характера повседневности (это не гомогенное образование, а сложная сеть различных практик), ряд мыслителей [3; 4] указывает на активный характер повседневности. Ей присущ специфический вид активности (ошибочно принимавшийся ранее за пассивное потребление приходящих извне продуктов производства, идеологии, политики и т.д.), противостоящий стратегической деятельности институализированных социальных субъектов. Эта активность носит тактический характер, она избирательна и изменчива, гибка и вариативна. Внутри магистральных линий, прочерченных властными стратегиями, она создает тончайшую разветвленную сеть потребления-сопротивления. Так пешеходы протаптывают удобные им тропинки среди прочерченных «стратегическим планом» со-

здателей городского ландшафта асфальтовых магистралей. Так живет обыденный язык, обеспечивающий реальное понимание зачастую вопреки четким официальным правилам литературного языка. Тактики связаны с упомянутой выше практической рациональностью, они избирательны и событийны, и именно поэтому они создают условия для рождения идентичности не как навязанной извне готовой формы, не как результата деятельности неких стратегических формирующих сил, а как подвижного живого образования, возникающего в сложных пространственно-временных взаимодействиях с миром, в «играх» памяти и забвения.

Заклучение

Таким образом, идентичность процессуальна и исторична, она возникает в сложной сети телесно-пространственных и темпоральных взаимосвязей человека с миром и укоренена в повседневных практиках. Соответственно, сознательно выстроенные стратегии формирования идентичности посредством апеллирования к исторической памяти и культивирования определенных коммеморативных практик могут привести к непредсказуемым последствиям, если они сбрасывают со счетов укорененность нашего индивидуального и культурного «я» в повседневности. Отсюда следует, что всякая культурная и национальная политика, направленная на формирование идентичности, может претендовать на эффективность только в том случае, если она принимает во внимание не только стратегическую канву официальной историографии, но и сложные многоуровневые процессы рождения и культивирования исторической памяти внутри повседневных практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nalivaika, I. Subjectivity / I. Nalivaika // Phenomenology of the Everyday / ed. I. Nalivaika, M. B. Tin. – Oslo : Novus Press, 2014. – P. 50–83.
2. Делёз, Ж. Складчатость, или внутренние мысли (субъективация) / Ж. Делёз // От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога ; науч. ред. А. А. Михайлов. – Минск : Менск, 1997. – С. 223–253.
3. Де Серто, М. Изобретение повседневности. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
4. Lefebvre, H. The Everyday and Everydayness / H. Lefebvre // Yale French Studies (73). – Yale, 1987. – P. 7–11.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2017

Nalivaiko I.M. Everyday Practices: the Play of Memory and Forming of Identity

The article is devoted to the problem of interrelationship between the phenomena of historical memory and identity in the context of everyday practices. The author argues that it is necessary to appeal to the analysis of everyday life as a real «kchronotop» of human existence in order to create a new model of identity based on a mode of our co-existence in the world. The most productive seems to be a methodological approach dealing with the everyday as a network of definite practices possessing tactical character in the contrast to the «strategies» of institutional forms of sociality.

УДК 2(476)(043.3):321(476)

О.Н. Иванчина

канд. филос. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: onivanchina@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются основные аспекты религиозной безопасности в современном мире, среди которых проблема духовной, мировоззренческой свободы; понятие деструктивного религиозного мировоззрения; основания для возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершённым на религиозной почве. На основании данных сектоведения сделан вывод о том, что постоянный мониторинг духовных учений и практик есть необходимое условие для защиты здоровья и жизни граждан, а также для безопасности и устойчивого развития государства.

Введение

Современная цивилизация вынуждена считаться с таким фактором формирования сознания, как религия. Именно этот фактор продолжает выступать одной из значимых причин терроризма, военных и межнациональных столкновений, так как религия является важнейшей основой для конституирования культуры – системы ценностей, права, политики, экономики и т.д. Современный мир не стал более безопасным для человека, чем предшествующие эпохи. Это произошло вследствие важнейших тенденций развития мирового сообщества, среди которых выделяются следующие:

1. Глобализация как унификация всего мира на экономическом, политическом и культурном (религиозном) уровнях. Мир как «глобальная деревня» породил глобальные по масштабам проблемы, принципиально неразрешимые усилиями одного государства.

2. Проблема нравственности и духовности в настоящее время является экзистенциальным вопросом безопасности и выживания биологического вида «Homo sapiens». Обсуждаемый во всём мире «кризис наказания» в уголовном праве параллельно с падением доверия к правоохранительным органам фиксируют конституирование новой мировоззренческой парадигмы, новой философии на макроуровне.

3. Увеличивается мобильность деятельности человека на фоне возросшей скорости передачи информации. Благодаря развитию средств массовой информации и коммуникации возникают и нарастают опасности для физического и духовного бытия человека.

4. Уход из реальности физического мира в реальность виртуальную, который сопровождается:

- 1) «перетеканием» преступности в киберпространство;
- 2) обострением «одиночества в толпе», десоциализации, исключённости из возможностей влиять на социальные процессы;
- 3) быстрым распространением деструктивной информации («информационные войны»).

Чтобы иметь адекватные возможности для реализации государственной безопасности, необходимо исследовать уголовно-правовые аспекты современной деструктивной религиозности, которая мотивирует человека на совершение преступлений. Все феномены, связанные с духовным миром человека, эксплицировать сложнее, чем всё то, что связано с его телесностью. Исходя из этого процессы духовного характера являются более сложными для коррекции, чем восстановление физического здоровья. Это говорит о том, что решение вопроса религиозной безопасности – это, в первую очередь,

осуществление превентивных мер, так как после воздействия некоторых сект полная реабилитация психики человека невозможна на протяжении всей последующей жизни.

Мировоззрение современного человека является полем битвы: различные виды идеологий и систем ценностей обрушиваются на него, заявляя, что каждая из них является истиной. Разные виды мировоззрений существовали всегда, но никогда ранее человек не сталкивался с таким огромным потоком информации, как в настоящее время. В современном мире, где существуют сотни и даже тысячи различных религиозных учений, непросто разобраться, что они представляют собой на самом деле в вероучительном, правовом и аксиологическом измерениях. Юридическое измерение религиозной безопасности человека является в настоящее время очень важным в системе законодательства, которая призвана охранять все конституционные права и свободы граждан. Ведь именно законы государства легитимизируют деятельность одних конфессий и запрещают регистрацию других объединений.

Целью статьи выступает философская и юридическая характеристика религиозной безопасности в настоящее время. Для её реализации необходимо решить следующие задачи:

- 1) раскрыть сущность современной деструктивной религиозности на философском и правовом уровнях;
- 2) эксплицировать основные аспекты религиозной безопасности в современном обществе;
- 3) предложить измерение индекса религиозной безопасности в отношении религии.

Для проведения исследования использовались следующие подходы и методы:

- *генетический подход*, позволяющий выявлять специфику интерпретации понятия «религиозная безопасность» в разные периоды истории;
- *герменевтический метод*, который представляет собой понимание и интерпретацию феномена религиозной безопасности в информационном обществе;
- *компаративный анализ*, позволяющий выявлять отличия в осмыслении понятия «религиозная безопасность» в различных странах мира.

Изучение проблемы религиозной безопасности имеет много аспектов. Так, российский учёный В.Ю. Гадаев отмечает взаимосвязь национальной, духовной и религиозной безопасности [1, с. 13–16]. Юридические аспекты реализации религиозной безопасности и пробелы российского законодательства в данной сфере исследовались в работах С.В. Козлова [2], Ю.В. Сластилиной [3], Е.С. Суловой [4], И.А. Тарасевич [5, с. 10–14], Е.М. Шевкопляс [6] и др. В Республике Беларусь политический аспект проблемы религиозной безопасности исследует А.В. Шерис [7], который подчёркивает, что в социальном пространстве религия является одним из факторов неопределённости и риска.

Преступления, совершаемые на религиозной почве, делают чрезвычайно актуальной проблему исследования религиозной безопасности человека и общества. Значительное число судебных процессов, связанных с деятельностью религиозных организаций и их адептов, также подтверждает необходимость выработки новых подходов к решению задачи обеспечения религиозной безопасности личности в эпоху глобализации. Поэтому, чтобы уменьшить фактор неопределённости и связанные с этим риски, мы предлагаем использование балльной классификации в отношении религиозных объединений.

Проблеме религиозной безопасности в современном мире посвящены многие научные исследования. Все авторы единодушны в том, что религия может выступать важнейшим фактором как стабилизации жизни общества, так и разрушения, агрессии. Религиозный терроризм всегда существовал в истории человечества, однако за последние десятилетия он стал настолько масштабным, что усилия по его предотвращению необ-

ходимо предпринимать уже на глобальном, международном уровне. Рисковый характер религиозного фактора национальной безопасности характеризуется такими чертами, как латентность, нелинейность, диффузность. Поэтому исследования религиозности более адекватны в рамках синергетического подхода, чем диалектического материализма.

Усилия по противодействию преступности в современном мире постоянно фиксируют появление всё новых и новых форм нарушения закона, которые нередко граничат с личными правами и свободами человека на самореализацию, саморазвитие, выбор собственного проекта существования. Поэтому их квалификация представляется особенно сложной: если не фиксировать наличия жертв, то нет и преступления. В то же время адепты деструктивных религиозных организаций не всегда могут адекватно оценить своё актуальное состояние, поэтому помощь им и оценка их психического и физического состояния зависит не только от них самих, но и от врачей, психологов, сектоведов. Здесь необходимо прибегать к судебной-психологической и судебной-психиатрической экспертизам. В случае пограничных состояний возможно проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Философский аспект религиозной безопасности

Обеспечение религиозной безопасности в настоящее время является функцией правотворческих и правоохранительных государственных органов, которые обеспечивают экспертизу религиозной/духовной деятельности отдельных граждан и их объединений. Сложности в данной работе обусловлены не только специфическими (религиоведческими, сектоведческими), но и общими проблемами, которые существуют на глобальном уровне во многих странах мира. Среди них можно выделить следующие:

- 1) использование правоохранительной и правотворческой систем в целях реализации амбиций политиков, а не принципа всеобщей пользы;
- 2) сложность идеологической конъюнктуры в условиях информационных войн и национализма (нациоцентризма);
- 3) поиск новой гуманитарной парадигмы, объединяющей всех людей независимо от расы, национальности, пола, культуры, религии;
- 4) кризис политики мультикультурализма в Западной Европе, существование множества философий и мировоззрений (особенно в области религии, мистики и суеверий);
- 5) опасность повторения опыта тоталитаризма;
- 6) поиск новых эффективных форм политического устройства общества;
- 7) выработка превентивных мер по противодействию преступности (особенно международного терроризма).

Важным социальным аспектом является взаимодействие религии и науки. В современном мире всё чаще научные исследования позитивно не только отзываются о социально значимых функциях религии и церкви, но и подтверждают истинность и полезность многих религиозных принципов, догматов, канонов, заповедей и запретов. Учёные признают, что невозможно игнорировать религию как важнейший культурообразующий и консолидирующий фактор. Потеря национальной идентичности во многих случаях связана с утратой конфессиональной идентичности. Поэтому вопрос сохранения нации часто становится вопросом религиозным.

Религиозная безопасность современного мира зиждется на принципе свободы совести и вероисповедания. Этот принцип, существовавший в Великом княжестве Литовском, а затем закреплённый в законодательстве Российской империи (1905 г.), позволил создать мировоззренческую систему, где свобода мышления, ценностей, веры стала краеугольным камнем религиозной безопасности личности, общества и государства. Тоталитарные режимы убедительно продемонстрировали, что подавление мировоззренческих свобод (мышления, слова, вероисповедания, печати, собраний, доступа

к информации и др.) не может стать прочным основанием для формирования устойчивого в духовном отношении общества. С другой стороны, общество массового потребления также не даёт человеку того духовного умиротворения и удовлетворения, которого он ищет всю свою жизнь. Различные политические режимы с помощью идеологии стремятся дать личности и обществу духовную пищу, разрешить неизбежную тягу к небесам, осуществить стремление к самосовершенствованию, обрести смысл бытия. Поэтому именно духовные потребности человека в настоящее время выступают объектом массивированной духовно-информационной атаки. Ведь именно духовность определяет все важнейшие стратегии экономики и политики.

Актуальными проблемами религиозной безопасности человека, а значит, и всего общества, выступают в настоящее время следующие:

1. Религиозный терроризм и экстремизм (на основе радикальных, фанатичных установок), который имеет место не только в исламе, но и в сатанизме, сайентологии, кришнаизме и др. конфессиях.

2. Распространение старых и появление новых религиозных движений (НРД), основанных на неприязни «чужих» людей, т.е. находящихся за пределами конкретной общины. Такое деление на «своих» и «чужих» предполагает не только неприязнь, но и разжигание вражды, ненависти со всеми вытекающими последствиями.

3. Снижение социального капитала (стремления к бескорыстной взаимопомощи и сотрудничеству) осуществляется искусственно при помощи СМИ, идеологии, политики, НРД. Такая разрушительная тенденция может привести к гибели всего человечества.

4. В системе современного образования всё меньше места остаётся для гуманитарного блока дисциплин, тех, которые делают человека Человеком. Философия, культурология, религиоведение, этика, эстетика и др. гуманитарные науки ушли на периферию современного высшего образования во многих странах мира. Такая тенденция ведёт к дегуманизации общества, росту потребительства, преступности, несвободы.

Очевидно, что уже недостаточно закрепления на законодательном уровне принципа свободы вероисповедания. Необходимо на уровне правительств проводить особую конфессиональную политику, которая должна быть комплексной и включать в себя различные аспекты (религиозный, образовательный, правовой, культурологический и др.).

В проблеме религиозной безопасности необходимо выделить ряд аспектов:

Проблема соблюдения прав человека как личности. Провозглашение соблюдения прав человека на законодательном уровне ещё не означает их фактического осуществления. Так, в СССР верующие были юридически уравнианы в правах с атеистами, но на практике они имели ряд дискриминаций (получение работы, повышение по службе, создании вокруг них негативного эмоционального фона и т.д.). Имели место многочисленные факты арестов и физического уничтожения верующих по ложному обвинению «участия в контрреволюционной деятельности», заговорах, шпионаже и т.д.

Уровни де-факто (фактический, реальный) и де-юре (юридический, документально закреплённый) всегда имеют место в жизни различных обществ, независимо от степени демократичности их политических систем.

Проблема свободы человека от общества и общества от человека. Человек вправе выбирать способы своего существования: либо в контексте общества и государства, пользуясь их благами, либо вне этого контекста. В первом случае он имеет большие гарантии и защиту его витальных потребностей, но меньше духовной свободы. В случае дезинтеграции человека от общества и государства всё наоборот: практически полная духовная свобода, но при этом нет никаких гарантий для осуществления его витальных потребностей. Эта дихотомия присутствует во всех обществах и государствах. Право на саморазвитие и свой образ жизни, отличный от общепринятых, человеку приходится отстаивать всегда.

Никакая религия не имеет права посягать на свободный выбор личности в рамках гражданской системы права, действующей в государстве. Свободный выбор личности зависит от *свободы информационной, экономической и психологической*. Только при наличии этих форм свободы человек может проявить подлинную свободу и гуманизм в отношении религии и атеизма. Человек, существующий в рамках национального государства, осуществляет свою свободу в выборе образования для себя и своих детей, в выборе потоков информации (СМИ, круг общения), в выборе профессии и деятельности. Эти виды свободы предполагают также свободу мировоззренческую, закреплённую законодательно в большинстве стран мира.

Сегодня уже развеян миф о «молодёжных религиях», «молодёжных сектах» [8]. Деструктивные тоталитарные секты многопланово представлены в возрастном и гендерном отношении. Многие последователи имеют высшее образование, чаще техническое. И молодёжь пополняет новые религиозные общины не только путём вербовки, но и путём естественного прироста населения в семьях адептов. И в этом случае возникает проблема: возможно ли религиозное воспитание и образование вопреки желанию несовершеннолетнего? В каждом государстве и в каждой конфессии этот вопрос решается по-разному и не всегда мирно.

Существует точка зрения, что деструктивные тоталитарные секты – это главная угроза в вопросе религиозной безопасности. При этом существует достаточное количество конфессий, которые определяются как деструктивные на законодательном уровне в одной стране и одновременно официально и которые регистрируют свою деятельность в другом государстве. Т.е. имеет место отсутствие чёткого деления конфессий на *культурообразующие* и *деструктивные* («новые религиозные движения»).

Помимо неопределённости в классификации религиозных объединений существует и проблема внутриконтрафессии сектанства. Так, в Русской православной церкви появилось движение ИНН-истов; апокалиптические настроения псевдоправославной секты «Горный Иерусалим» (так назвали её журналисты) в 2007 г. привели людей в подземные сооружения, искусственно ими созданные. Адепты были убеждены в необходимости спасения от скорого наступления конца света. Никакая традиционная религия не может застраховаться от фанатизма – потери человеколюбивого и терпимого отношения человека к человеку. Фанатизм и экстремизм в традиционных конфессиях возникают как уход от разума, уход от подлинной культуурообразующей веры, научающей любви и созиданию.

В этой ситуации и необходимо гуманитарное измерение как универсальное мерило для определения свободы человека в какой-либо конфессии. Чем выше уровень духовной свободы, тем более способен человек к аналитическому и критическому мышлению, тем более высок уровень любви, доброжелательности, терпимости к другому, т.е. социальный (человеческий) капитал.

Исходя из общемировой статистики (до 85% населения Земли – верующие люди) необходимо констатировать, что религиозная вера является одной из базовых потребностей человека. Даже её отсутствие у мыслящего человека обнаруживает всё те же духовные поиски высшей Истины. Деструктивные секты привлекают к себе людей, не нашедших позитивного ответа на вопрос «что есть Истина?». Поэтому осуществление религиозной безопасности – проблема глобальная, она касается всего человечества. Соответственно, меры должны приниматься на международном уровне. Иначе деструктивная религиозность сможет просто «переезжать» из страны в страну, вербуя всё новых и новых сторонников, что, в сущности, и происходит в настоящее время.

Современное религиоведение нередко просто описывает некоторые феномены религии, так как современная наука часто не может их эксплицировать. Наука не все-

сильна. Поэтому роль философии в формировании аналитического/критического, самостоятельного, подлинно гуманистического мировоззрения трудно переоценить.

Деструктивная религиозность: уголовно-правовой аспект

Правительства разных государств занимают неоднозначные позиции в вопросе о том, необходимо ли ограничивать деятельность религиозных конфессий. Так, в США могут официально регистрировать свою деятельность любые конфессии (включая сатанизм и иные демонические культы), а в ряде стран Европы (Франция, Германия, Республика Беларусь) существуют законодательные ограничения для некоторых конфессий. Эти две позиции можно дефинировать как *неограниченный* и *ограничительный принципы* в регистрации и деятельности религиозных конфессий. На наш взгляд, эти принципы выражают аналогичные подходы в определении статуса религиозных объединений, которые присутствуют у современных религиоведов: так, имеют место «*сектозащитники*» (неограниченный принцип) и «*антикультисты*» (ограничительный принцип). Сектозащитники считают, что любая религия – это нерациональное, вредное, ненаучное мировоззрение, а все религии искусственно созданы на основе страха, лжи и невежества. Поэтому делать различия между религиями – дело ненужное. Таким образом, обосновывается функционирование любых форм религиозности, поскольку они имеют популярность среди людей. Антикультисты считают необходимым делить все религии мира на две группы: культуuroобразующие и деструктивные. Поэтому, с их точки зрения, законодательно необходимо разрешать деятельность культуuroобразующих религий, выполняющих социально значимые функции, и запрещать деятельность деструктивных религий, разрушающих человека и общество.

Ограничительная конфессиональная политика может показаться не совсем демократичной, однако она основывается на конкретных следствиях деятельности некоторых объединений (совершение преступлений на религиозной почве; появление среди верующих людей с искаленной психикой, асоциальный образ жизни адептов и др.). Поэтому в Республике Беларусь произошёл отход от неограниченного принципа в конфессиональной политике 1990-х гг. к ограничительному принципу. Однако, на наш взгляд, ограничительная позиция в Республике Беларусь носит очень либеральный характер: по-прежнему свободно действуют зарегистрированные конфессии, которые серьёзно скомпрометировали себя в других странах мира. Так, в Республике Беларусь не существует никаких ограничений для деятельности кришнаитов (характерный вид преступления для адептов этой конфессии – педофилия), Свидетелей Иеговы (запрещают переливание больному крови, ранее был запрет на прививки, пересадку органов), неопятидесятников (убийство человека с целью изгнания бесов) [9, с. 324, 352, 149, 597]. Все указанные виды преступлений имели место в Российской Федерации и других странах на протяжении последних десятилетий. Поэтому имеет смысл принять превентивные меры для недопущения подобных фактов в Республике Беларусь.

Под «*деструктивной религиозностью*» в настоящее время принято понимать любые религиозные идеи, принципы, ценности, нормы и др., которые приводят человека к:

- 1) ухудшению его психического и/или физического здоровья;
- 2) ограничению его конституционных прав и свобод;
- 3) мотиву для совершения уголовного преступления.

Поэтому деструктивная религиозность может совпадать с определением конкретной конфессии (вероисповедания, общины), но может и не быть полностью ей комплементарной (например, в ситуации внеконфессиональной религиозности).

В термин «*преступления, совершённые на религиозной почве*», в настоящее время вкладывают следующее содержание: важнейшей (главной) составляющей мотива для совершения преступлений выступают религиозные идеи, принципы, ценности. Они

могут имплицитно присутствовать в вероучении и являются логическим выводом из установок религиозной веры [9, с. 163, 323].

В понятие «*основания для возбуждения уголовного дела в отношении деструктивных религиозных организаций*» необходимо вкладывать не только прямое нарушение статей Уголовного кодекса, но и различные виды морального и социального вреда, которые являются следствием деятельности религиозных организаций.

Среди сложно поддающихся квалификации преступлений – организация и деятельность религиозных или духовных (т.е. не всегда религиозных) движений, которые представляют собой деструктивные силы, разрушающие личность, семью, общество, государство. В настоящее время самой актуальной, на наш взгляд, является правовая квалификация подобной деятельности, так как только совершение явных криминальных действий (как правило, подпадающих под действие уголовного законодательства) становится основанием для запрещения деятельности таких организаций. Духовно-психологический, мировоззренческий вред, который они наносят адептам, оценить и квалифицировать весьма непросто. Экспертиза особых духовных, психических состояний не всегда является сферой действия права. Как доказать, что именно деятельность деструктивной секты стала основой для наступления/обострения шизофрении у человека? Как доказать, что именно данные тренинги стали мотивом самоубийства у стажёра? Однако единичные факты всё же группируются в статистические закономерности, которые специалисты в области психологии и медицины игнорировать уже не могут.

Система права, опираясь на исследования сектоведов и психологов, должна сформулировать правовое регулирование деятельности религиозных организаций, которое остаётся несовершенным. Так, в белорусском законодательстве никак не ограничивается деятельность многих организаций, скомпрометировавших себя в других странах мира. Это происходит вопреки тому, что сектоведы настойчиво подчёркивают: именно деструктивная религиозность становится причиной совершения многих видов уголовных преступлений!

Религия может выступать как источник рисков и угроз в любом государстве. Однако любой социальный процесс имеет свою историю. Поэтому для обеспечения безопасности личности и государства необходимо вовремя и адекватно реагировать на возникающие спорные аспекты деятельности неокультов. Слишком часто на деятельность деструктивных религиозных движений не обращают внимания, пока не наступают трагические последствия. Значит, есть необходимость проведения постоянного мониторинга их вероучения и религиозной практики. Как правило, это осуществляется только на этапе государственной регистрации конкретной конфессии. Кроме того, имеет место постоянное «отпадение» от традиционных конфессий небольших групп с изменённым от традиционного вероучения вероисповеданием. Данные процессы также необходимо отслеживать.

Актуальными проблемами взаимосвязи уголовного права и процесса в области свободы совести и деятельности религиозных организаций выступают следующие:

1. Отсутствие ограничения понятий «пожертвование» и «выманивание» денег и иных материальных ценностей в рамках исповедания какого-либо вероучения.

Нередко в неокультных новоиспечённый верующий «дарит» общине не только свою свободную волю, здоровье, свой труд, своё время, но и своё имущество (квартиру, автомобиль, земельный участок и др.). Такие «пожертвования» нередко осуществляются под влиянием психологического внушения, гипноза, манипуляции сознанием, т.е. мошенничества. Человек, разочаровавшийся в вероучении, фактически (и юридически) не имеет шансов вернуть свою собственность. После ухода из секты человеку порой просто некуда идти.

2. Привлечение к уголовной ответственности руководителей деструктивных тоталитарных сект имеет место только тогда, когда в результате их деятельности фиксируются жертвы среди адептов.

Многие лидеры деструктивных религиозных объединений лично совершают уголовные преступления [9, с. 242–243]. В этих случаях вопрос о привлечении их к ответственности не представляет правовых сложностей. Однако когда преступление совершено членом секты, привлечь её лидера к уголовной ответственности непросто.

Превентивные меры относительно деятельности неокультов проводить довольно сложно, ведь если преступление ещё не совершено, то и обвинять организацию не в чем. Фиксация же преступлений духовного/психологического характера чрезвычайно сложна, так как требует не только вмешательства профессионала, но и нередко признания пациентом себя пострадавшим (например, доведение до пограничных/особых психических состояний, провоцирование наступления или обострения психических заболеваний, доведение до состояния стойкой депрессии, искусственное создание суицидальных настроений, вредных пристрастий и др.) [9, с. 157–158, 187–189]. Во-первых, факт признания человеком себя пострадавшим от воздействия деструктивной секты чаще всего возможен лишь тогда, когда разочаровавшийся адепт находится на грани ухода из общины/вероисповедания. Во-вторых, многие бывшие члены деструктивных сект, осознав себя пострадавшими, не могут самостоятельно отстаивать свои интересы и вести борьбу с деструктивными культами по целому комплексу причин (необходимость практически все душевные силы тратить на восстановление психофизического здоровья; прессинг и угрозы со стороны секты; обрыв всех прежних социальных связей с родными, коллегами, друзьями и др.).

Таким образом, для возбуждения уголовного дела необходимы как медицинский диагноз (заключение специалиста-медика), так и признание человеком себя в качестве пострадавшего. На наш взгляд, для проведения расследования по деятельности религиозной общины достаточно одного фактора из двух (либо человек осознаёт себя пострадавшим, либо такое заключение о конкретном человеке дают специалисты). Речь идёт именно об одном человеке, так как массовое наличие пострадавших – это уже результат полного бездействия правоохранительных органов. К сожалению, даже констатация факта нескольких пострадавших не всегда может довести дело до суда и прекратить деятельность деструктивной религиозной организации.

Ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь [10] включает преследование за разжигание любых видов социальной вражды включая религиозную, расовую, национальную, языковую. Редакция данной статьи в 2016 г. предельно расширила сферу охвата (не только религиозная, но и общественная деятельность), оставив те же меры наказания, что были и ранее (штраф, или арест, или ограничение свободы на срок до пяти лет, или лишение свободы на тот же срок). Ч. 2 ст. 130 предусматривает лишение свободы на срок от трёх до десяти лет за совершение таких же преступлений, соединённых с насилием либо совершенных должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Ч. 3 ст. 130 фиксирует наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет за те же действия, если они осуществлены группой лиц либо привели по неосторожности к смерти человека либо иным тяжким последствиям. Закон предусматривает суровые меры наказания, поэтому все деструктивные религиозные объединения в случае критического изучения их деятельности и уголовного преследования ссылаются на нарушение свободы совести, конституционных прав человека и т.д.

Деструктивные религиозные организации приносят много социального вреда, который сложно измерить и просчитать [11, с. 201–204]. Однако необходимо вести постоянную работу по составлению статистики преступлений, совершённых на религиоз-

ной почве представителями конкретных конфессий, дефинировать и классифицировать религиозную мотивацию преступников.

В настоящее время только совершение тяжких уголовных преступлений на религиозной почве чаще всего становится основанием для запрещения деятельности деструктивных сект. Однако сама процедура доказывания того, что преступление совершено именно на религиозной почве, представляется довольно сложной.

1. Узнав о совершении преступления, религиозные общины и их лидеры тут же («задним числом») исключают из своих рядов адептов-преступников, заявляя: «Мы такому не учили! Их ценности и мотивы никак не связаны с нашим вероучением. Они сами захотели это совершить, и вообще они давно не являются членами нашей общины/вероисповедания!». Поэтому материалы допроса, заключение психолога и сектоведа должны содержать конкретные причины и мотивацию преступления. Это позволит учёным в исследовании любых феноменов религиозности ссылаться на данные правоохранительных органов, а законодатель сможет иметь обоснование для отказа в регистрации конкретной религиозной организации.

2. «Внутренняя», секретная сторона вероучения секты разглашается редко, но именно в ней присутствуют принципы, мотивирующие адептов на совершение преступных деяний. Например, принцип «настоящий христианин должен быть здоровым, богатым и успешным» у неопятидесятников рано или поздно приводит к негативному отношению к людям, имеющим проблемы со здоровьем. Иногда это приводит даже к убийствам. Преверженцы данного вероучения совершали уголовные преступления в России и Украине именно на религиозной почве.

3. Принцип аналогии в уголовном праве не работает. Если уголовное законодательство нарушено в одной стране, это не является основанием для запрещения секты в ином государстве. Даже если имели место массовые случаи деструктивного поведения адептов сект. Кроме того, деятельность некоторых общин одной конфессии может быть запрещена по решению суда, а другие общины этой же конфессии по-прежнему продолжают в этой же стране легально действовать. Такая ситуация в Российской Федерации имеет место с религиозным объединением «Свидетели Иеговы».

Поэтому даже единственное преступление, совершённое на основе деятельности религиозной организации, должно тщательно расследоваться и изучаться специалистами из различных областей знания (сектоведы, медики, психологи, юристы), чтобы предотвратить развитие социальных болезней и нарушение закона в будущем. В Республике Беларусь приняты достаточно эффективные меры по противодействию распространению деструктивных религиозных движений. Для этого используются хронологические и количественные ограничения в вопросе регистрации конфессий.

Хронологический аспект подразумевает сложности в процессе регистрации религиозной организации, которая присутствует на территории Республики Беларусь менее двадцати лет (ст. 15 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях») [12]. Количественный аспект предполагает определённый ценз в количестве верующих конкретной общины. В Республике Беларусь с 1992 г. согласно законодательству для регистрации общины необходимо было указать в списке членов общины паспортные данные не менее десяти верующих. В настоящее время нужно предоставить список уже не менее двадцати последователей конкретного вероучения (ст. 14 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях») [12]. Такое количественное ограничение принято для препятствия распространению импорта деструктивных религиозных вероучений. Руководить любой конфессией на территории Республики Беларусь имеет право только гражданин данной страны (ст. 13 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях») [12]. Ст. 17 указанного закона предписывает при регистрации организации, ранее не действовавшей

на территории Республики Беларусь, предоставлять вместе с заявлением сведения о вероучении и культовой практике краткую социальную концепцию данной конфессии. Для ранее неизвестных в стране конфессий назначается обязательная религиозно-экспертная экспертиза, которая проводится в течение шести месяцев.

Уполномоченный по делам религий и национальностей и представители его аппарата имеют право не только посещать любые мероприятия конкретной конфессии, но и инициировать проведение религиозно-экспертной экспертизы для уже зарегистрированной религиозной организации.

Для того чтобы анализировать и контролировать состояние религиозной безопасности, необходима легализация деятельности всех религиозных конфессий. Поэтому по требованию национального законодательства религиозные объединения должны обязательно регистрировать свою деятельность юридически. Какую бы модель взаимоотношений с религиозными организациями ни избрало государство (медиативную, сепарационную или кооперационную), оно обязано на законодательном уровне обеспечить религиозную безопасность населению страны.

Превентивные меры эффективной государственной политики по осуществлению религиозной безопасности

Религиозность как социальное явление подвержена постоянным изменениям. Поэтому необходим постоянный мониторинг её качественного и количественного состояния. Относительно «пограничных» конфессий (находящихся на границе между деструктивными и культуuroобразующими) мониторинг важно осуществлять более детально. Исследования обязательно должны включать в себя уровень агрессивности адептов по отношению к другим конфессиям [11, с. 201–204; 13, с. 168–169]. Это позволит предотвратить конфессионально-этнические конфликты, не довести их до социального взрыва.

Обучение основам религиозной безопасности должно включать в себя знания о техниках по манипуляции сознанием. Понимание механизмов воздействия на личность не позволит человеку стать лёгкой добычей для тоталитарных неокультов. С данной задачей под силу справиться светскому религиозно-экспертному образованию. Конфессиональное образование не всегда может быть адекватно вписано в конкретные социальные реалии. Нередки случаи, когда имеет место отказ от конфессионального религиозного образования по причине страха/опасения оскверниться от чужого вероучения, предать веру своих предков. Поэтому светское образование (академическое религиозно-экспертное) как нейтральный подход позволит узнать о чужих традициях, не умаляя своей. Как правило, светское общегуманитарное образование развивает толерантность, диалогичность, миролюбие, человечность. Поэтому значение социогуманитарного знания нельзя недооценивать. Граждане должны получать необходимые знания о деструктивной деятельности неокультов не только в рамках учебного курса «Религиозно-экспертное», но и на занятиях по специализированному курсу «Религиозные аспекты безопасности». Апробация данных курсов, например, в Российской Федерации демонстрирует их значимость и актуальность [14].

Социальная активность верующих растёт среди представителей любых конфессий. Однако именно грамотная политика властей определяет её границы и сферы влияния. Когда конфессия выполняет социально значимые функции (благотворительность, социальная защита и др.), необходимо поддерживать такие начинания. Однако, когда имеет место фальсификация полезной деятельности (например, мошенничество, обещание исцеления и т.д.), важно пресечь такую активность на административном уровне.

Культурообразующие религии благодаря своей морали могут противостоять негативным влияниям прогресса. Поэтому этот важный аспект влияния нельзя недооце-

нивать. Именно он может эффективно противостоять войнам, преступности, духовным пристрастиям человека. Религиозные ценности могут помочь культивировать экологические ценности в сознании человека, поставившего Землю на грань уничтожения.

Деструктивные религии используют базовые психологические потребности человека (в безопасности, в общении, в любви, в идентичности, в принадлежности к общине и др.). Поэтому важно создавать в культуре все условия для реализации этих потребностей в адекватных формах. Современный человек необычайно одинок, а это, согласно концепции Э. Дюркгейма, есть основание для того, чтобы, включиться в какую-либо социальную (религиозную) группу. Для нормального функционирования общества необходимо полноценное существование различных позитивных общностей (политических, культурных, религиозных и др.), способствующих актуализации и реализации каждой личности.

Феномен неокультов, Исламского Государства, преступлений и суицидов, совершённых на религиозной почве, демонстрирует недостаточную духовную «ментальную страховку», которую человек получает в процессе социализации. Традиционные конфессии и государственные идеологии не всегда способны защитить неподготовленную психику человека от массивного деструктивного влияния. Поэтому мы считаем необходимым обучать людей любого возраста важнейшим *принципам религиозной безопасности*, которые должны быть возведены в ранг государственной политики. Среди них выделим важнейшие.

1. Необходимо развитие и преумножение *социального капитала*. Это позволит снизить преступность в целом, создаст реальные условия для диалога и доверия между верующими любых конфессий на основе гуманитарного измерения. *Социальный капитал* предполагает солидарность, поэтому он невыгоден только лишь для тоталитарных/авторитарных режимов.

2. Необходимо рациональное измерение степени опасности любого религиозного мировоззрения. Мы предлагаем применить для этого *математическое измерение в балльной шкале* (от 0 до 100), выявляя различные аспекты вероучения и деятельности организации. Как основания для анализа могут быть выдвинуты следующие аспекты:

- 1) степень агрессивности по отношению к представителям других конфессий;
- 2) степень открытости для внешнего мира;
- 3) методы рекрутирования адептов (степень информирования новичка; степень использования базовых психологических потребностей человека; риск использования психотропных/наркотических веществ; использование техник гипноза и внушения и др.);
- 4) статистика по совершению адептами конкретных конфессий нарушения закона в административной, уголовной и других сферах;
- 5) индекс социальной напряжённости в отношениях паствы и руководителей, в отношениях общины и государства;
- 6) число позитивных и негативных упоминаний о ценности человеческой жизни (в некоторых сектах путём целенаправленного воздействия доводят человека до суицидального состояния);
- 7) индекс стереотипных поведенческих реакций для членов одной общины (в сектах вырабатывается единый психотип, стираются личностные особенности человека);
- 8) уровень свободы передвижений рядового адепта (часто свобода передвижения ограничивается местом дислокации конкретной общины);
- 9) степень свободы человека в сфере личной/интимной жизни (от полного воздержания до ритуальной проституции и группового секса);
- 10) уровень возможности для адепта подвергать критике деятельность руководства общины (степень соблюдения свободы слова) [15, с. 251–257; 11, с. 202–204; 13, с. 168–169].

В настоящее время существует множество индексов для измерения социальных, политических, экономических процессов. Такие показатели используют многие международные организации, в первую очередь Организация Объединённых Наций. Именно мировой контекст позволяет делать адекватные выводы по степени активности конфессий в национальных государствах. Информационное общество приводит к необходимости более полной экспликации и верификации духовных феноменов, позволит составить научную классификацию степени их полезности или опасности для общества.

При полном отсутствии социального вреда от деятельности конфессии она оценивается в 0 баллов опасности, при чрезмерной опасности для общества – в 100 баллов. Такое измерение можно применять как к конфессии, так и к конкретной общине. Для реализации религиозной безопасности анализ деятельности религиозных и иных движений могут осуществлять как комитеты по делам религий и национальностей, так и спецслужбы, занимающиеся вопросами национальной безопасности, а также социологические лаборатории, научно-исследовательские институты, международные организации и др.

Необходимо не только охранять свободу и право граждан на исповедание религии либо на отказ от этого, но также накладывать законодательные ограничения для деятельности деструктивных религиозных объединений. Религия выступает мощным фактором, определяющим не только личные отношения, но и общественное взаимодействие людей. Поэтому актуальность религиозной безопасности граждан является актуальной задачей законодательства и правоприменительной деятельности.

Заключение

Религиозное пространство представляет собой динамичную сферу бытия личности, культуры, общества, государства, где проблема религиозной безопасности выступает на первый план не только для каждого человека, но и всей нации, всего государства. Гуманитарное измерение культуры должно быть воплощено в правовых нормах, позволяющих эффективно и своевременно проводить религиозоведческую и правовую экспертизу любой конфессии, действующей в Республике Беларусь.

Помимо предложенных мер важно помнить о гуманитарном измерении культуры, науки, политики и образования. Осознание ценности личности, её свободы должны в государственной политике сопровождаться охраной её религиозной безопасности. В настоящее время вопросы охраны религиозной безопасности должны брать на себя государственные органы, так как обычный гражданин не может выступать компетентным экспертом как в области новых религиозных движений, так и радикальных направлений традиционных конфессий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадаев, В. Ю. Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности / В. Ю. Гадаев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 13–16.
2. Козлов, С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. В. Козлов. – Ростов н/Д, 2007. – 138 л.
3. Сластилина, Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Ю. В. Сластилина. – Омск, 1999. – 215 с.
4. Сулова, Е. С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. С. Сулова. – М., 2004. – 152 л.

5. Тарасевич, И. А. Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности Российской Федерации / И. А. Тарасевич // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 10–14.
6. Шевкопляс, Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Е. М. Шевкопляс. – Омск, 1999. – 194 л.
7. Шерис, А. В. Религиозный фактор обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. В. Шерис. – Минск, 2014. – 144 л.
8. Мартинович, В. Секты и молодёжь [Электронный ресурс] / В. Мартинович. – Режим доступа: http://www.k-istine.ru/sects/sects_martinovich-02.htm. – Дата доступа: 10.02.17.
9. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты / А. Л. Дворкин. – Н. Новгород : Изд-во Братства во имя Св. Александра Невского, 2005. – 813 с.
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 апр. 2016 г., № 358-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Минск, 2016.
11. Иванчина, О. Н. Индекс религиозной безопасности: принципы и идеи / О. Н. Иванчина // Bezpieczeństwo człowieka a religia : monografie № 143 : zbior prac pod red. nauk. E. Jarmocha, I. A. Trzpił. – Siedlce, 2013. – С. 201–204.
12. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Республики Беларусь 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ : в ред. 22 дек. 2011 г., № 328-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Минск, 2016.
13. Иванчина, О. Н. Проблема религиозной безопасности в современном мире / О. Н. Иванчина // Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 12–13 мая 2016 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; под науч. ред. М. В. Андрияшко. – Барановичи, 2016. – С. 168–169.
14. Кузнецов, К. В. Организация и тематическое планирование факультативного курса «Религиозные аспекты безопасности» [Электронный ресурс] / К. В. Кузнецов // Теория и практика общественного развития : междунар. науч. журн. – 2012. – № 1. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/1/pedagogika/kuznetsov.pdf. – Дата доступа: 05.08.2016.
15. Иванчина, О. Н. Религиозная безопасность в современном мире / О. Н. Иванчина // Bezpieczeństwo człowieka a solidarność : monografie № 142 : zbior prac pod red. nauk. E. Jarmocha, A. W. Świdarskiego, I. A. Trzpił. – Siedlce, 2013. – С. 251–257.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.02.2017

Ivanchina O.N. Religious Security in Contemporary World: Philosophical and Juridical Aspect

The article deals with the key aspects of religious security in contemporary world. They are as follows: the problem of spiritual, worldview freedom; the notion of destructive religious worldview; the grounds of initiation of a criminal case resulting from religion. According to sectology statistics, the author makes the following conclusion. Constant monitoring of spiritual doctrines and practices is necessary to protect peoples' life and health. Such control is also crucial to provide state's security and sustainable development.

УДК 351.855.3«19»=161.3

У.П. Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін
 Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
 e-mail: lucul@brsu.brest.by

ФАРМИРОВАНИЕ НАУКИ ПРА СПОРТ У XX СТАГОДДЗІ: ГАЛОЎНЫЯ МЭТЫ І ЗАДАЧЫ

Адносна працяглы час феномен спорту вывучаўся самымі рознымі навукамі. Такое становішча паспрыяла таму, што ў дадзенай галіне чалавечых ведаў былі напрацаваны адпаведныя тэорыі, назапашаны факты і фактары, створаны тэрміналагічны навуковы апарат. Аналізаваць праблемы спорту можна і неабходна ў суадносінах з агульнымі праблемамі функцыянавання грамадства ў цэлым. Пытанні «навошта», «чаму», «што з'яўляецца мэтай» і г.д. паўстаюць у якасці фундаментальных праблемаў чалавечага жыцця ўвогуле. Задаваць іх важна з антрапалагічнага пункту гледжання, таму што сацыяльная дзейнасць мае пэўны сэнс, накірунак і адказнасць. Заўсёды ў гісторыі чалавечага грамадства людзі пыталіся самі ў сябе: чаму мы як чалавечыя істоты з'яўляемся такімі дзіўнымі? Чаму мы заўсёды хочам ведаць больш і пастаянна павялічваем колькасць навуковай інфармацыі і ведаў? На працягу XX ст. адбываўся інтэнсіўны працэс вызначэння галоўных мэтай і задач навукі аб спорце.

Уводзіны

Развіццё навуковых ведаў на працягу XX ст. значна пашырыла абсяг інфармацыйных вымярэнняў у самых розных накірунках даследніцкіх палёў. Калі такі феномен, як спорт, дасягае ўсё большага і большага сацыяльнага прызнання з боку чалавечай супольнасці і расце яго значнасць, то становіцца зразумелым навуковая зацікаўленасць у намаганнях пастаянна прадукваць новыя веды. Такім чынам, натуральна паставіць фундаментальнае пытанне для перцэпцыйнага агляду па магчымасці ўсіх назапашаных комплексных навуковых ведаў у галіне спорту, на якіх падставах яны базіруюцца і ў чым заключаецца іх прызначэнне?

Тут могуць быць прааналізаваны самыя розныя велічыні, і ўсе яны патэнцыяльна з'яўляюцца адказам на гэтае пытанне. Усе яны будуць нараджаць і стымуляваць разнастайныя падыходы, прадукваць шырокую вобласць распаўсюджвання тых аспектаў, што складаюць усебаковыя і па магчымасці вычарпальныя спробы адэкватнага ўспрымання. Хоць навуковыя веды аб спорце пачалі складацца ў адпаведную сістэму адносна нядаўна з храналагічнага пункту гледжання, гісторыя спартыўнай навукі, ці, больш дакладна, навукі аб фізічнай актыўнасці, альбо фізічнай адукацыі, можа быць прасочана ад пачатку XX ст., калі не браць пад увагу шматлікія інтэрпрэтацыі, якія былі дадзеныя некаторымі філосафамі і медыкамі да 1900 г. Раннія экскурсы прадугледжваюць больш шырокія варыяцыі ў пошуках адказу на пытанне: «Ці можа садзейнічаць лепшаму разуменню і ўспрымання сённяшняга дня для навуковых ведаў пра спорт вызначэнне яшчэ болей рацыянальных падыходаў да характарыстыкі спорту як сацыяльнай з'явы?».

На ўзроўні феноменалагічнай перцэпцыі існаванне размаітых сфер грамадскага побыту азначае размежаванне чалавечай адзінкі і сістэмы, спрыяе падзелу на выкананне роляў вонкавых і ўнутраных. Такое адрозненне паўстае як стратэгія, што запэўнівае знешні і ўнутраны раздзел працы, а таксама тыя яе накірункі, якія маюць дачыненне да ўзмацнення высілкаў праз магчымую ўнутраную арганізацыю, што функцыянуе паводле ўласных правільных і абавязковых законаў. Чым больш спорт арыентуецца на атрыманне найвышэйшых дасягненняў, тым больш ён павіннен арганізавацца паводле ўласных унутраных правілаў і адысці ад вонкавых праблемаў. Мэта максімальнай актыўнасці можа быць рэалізавана тады, калі ўсе правілы і нормы будуць падпарадкава-

ны спорту як прылады для сям'і і сяброў, культавых рытуалаў, групавых і пляменных спаборніцтваў.

Навука пра спорт у гарызантальнай перспектыве

Гарызантальная перспектыва бярэ пад увагу параўнальную велічыню. Гэта ў поўнай меры адносіцца да згаданага вышэй пытання і дае адказы па меншай меры па двух розных сацыякультурных накірунках, якія таксама могуць разглядацца ў якасці прыкладаў на сістэмах функцыянавання спорту ў некаторых дзяржавах. У працэсе збору інфармацыі для адказу на пытанне з пункту гледжання розных краін альбо разнастайных аспектаў, ідэяў ці рашэнняў, узроўні параўнання могуць павялічвацца велізарна. Карысць ад рэалізацыі параўнальнага падыходу заключаецца ў наступным:

1) атрыманне большай інфармацыі пра іншыя краіны і іх сістэмы функцыянавання спорту;

2) лепшае ўспрыманне і разуменне кожнай з сістэм;

3) перайманне ідэяў па ўдасканаленні функцыянавання спорту альбо новых імпульсаў у разглядзе той ці іншай праблемы ў гэтай галіне.

Такім чынам, параўнальныя даследаванні могуць дапамагчы дасягнуць добра абгрунтаванага і ўпэўненага адказу на галоўнае пытанне: як выглядае спорт з пункту гледжання сістэмы навуковых ведаў. Адказ на яго не можа быць абмежаваны аналізам толькі адной асобна ўзятай краіны. З таго часу, як рух, гульня і спорт сталі тыповым міжнародным феноменам, вельмі карысным і неабходным падаецца супрацоўніцтва ў акрэсленым накірунку з улікам шырокай міжнароднай параўнальнай перспектывы. Адказ на пытанне аб месцы спорту ў сістэме навуковых ведаў пераважна будзе складацца з аналізу прэзентаванай літаратуры, якая адносіцца да тэмы спорту. Нават калі працэс развіцця навукі аб спорце поўнасцю ўсталяваны і яна прызнана акадэмічнай дысцыплінай, гэтага яшчэ недастаткова. Атрыманая веда адпаведна пашырэння навуковага поля ўступаюць у супярэчнасць з раней дасягнутымі вынікамі, і прывядзенне ў спраўны стан сваёй асабістай метатэорыі ў адносінах да дасягнення патрэбнага развіцця навуковага поля застаецца актуальным пытаннем.

Яшчэ адна заўвага, але не апошняя. Некаторыя спасылкі на футурыстычную велічыню могуць дапамагчы ў акрэсленні і вызначэнні мэты і задач навуковых ведаў аб спорце. Гэтая велічыня мае больш гіпатэтычную прыроду і не з'яўляецца ісцінай у апошняй інстанцыі. Тым не менш задача галіны вышэйшай адукацыі і навукоўцаў, якія працуюць на ўніверсітэцкім узроўні, – думаць наперад, развіваць перспектывы і працаваць на наступныя будучыя канцэпцыі, што базіруюцца на дакладных гістарычных ведах і на добра збалансаванай сённяшняй перцэпцыі.

Розныя велічыні спрыяюць прадукаванню думак і ідэй, што могуць стаць дапамогай у адносінах да працэсу напрацоўкі карысных адказаў, якія датычацца пытання «што ўключае ў сябе паняцце “спорт”?». У гэтым выпадку падтрымка стварэння метатэорыі навуковых ведаў аб спорце можа быць вынікам, які прадуквае далейшае развіццё ўжо нават цэлага акадэмічнага поля навуковых даследаванняў.

У дадзеным кантэксце «гістарычнае вымярэнне» не можа азначаць расцягнуты аналіз тэксту, дакументаў і літаратуры, якія маюць справу з мэтамі і задачамі навуковых ведаў. У аглядзе літаратуры ў межах папярэдняга абмеркавання прадугледжаны кароткі перагляд некаторых аспектаў навуковай тэорыі (метатэорыі) у спартыўнай літаратуры. Гэты кароткі агляд таксама дае некаторыя ідэі адносна шэрагу пазіцый у межах самой навуковай тэорыі ведаў аб спорце з пункту гледжання гістарычнай перспектывы.

У гэтым кароткім аналізе робіцца спроба ўключыць сюды часткі дакументаў, якія паказваюць развіццё спорту, спартыўнай адукацыі і навуковых ведаў на нацыянальным і міжнародным узроўні. Пры выкарыстанні гэтых выбраных тэкстаў можа зда-

вацца, што задачы і функцыянаванне навуковых ведаў не з'яўляюцца новымі адкрыццямі і што кожная праблема можа вывучацца ад больш ранніх пунктаў гледжання ў адносінах да сённяшняга стану рэчаў і магчымасці ўплываць на будучае развіццё азначанай галіны.

Як ужо падкрэслівалася вышэй, сістэма навуковых ведаў аб спорце стала фарміравацца адносна нядаўна, і таму гісторыя ў яе даволі кароткая. Найперш гістарычны экскурс можа быць звязаны з дзейнасцю найбуйнейшай на сёння арганізацыі ў свеце, а менавіта Міжнароднай рады спартыўнай навукі і фізічнай адукацыі (ICSSPE), якая была заснавана ў Парыжы ў 1958 г. Рада каардынуе працу даследчыкаў розных галін спорту, развівае пэўныя кірункі спартыўнай навукі і фізічнай адукацыі. Сёння Рада прадстаўляе з сябе як міжнародную арганізацыю, што мае яскрава вызначаны параўнальны профіль у адпаведнасці са сваімі мэтамі і структурай. ICSSPE стварыла рэгіянальныя бюро ў Афрыцы, Азіі, у арабскіх краінах, Аўстраліі і Акіяніі, ва Усходняй Еўропе, у Лацінскай Амерыцы, Паўночнай Амерыцы і Заходняй Еўропе. Галоўнай мэтай Рады з'яўляецца стварэнне такой міжнароднай арганізацыі, якая б канцэнтравала ў сабе стратэгію спрыяння і набыцця новых навуковых ведаў, распаўсюджвала б іх вынікі, а таксама была накіравана на пошукі іншых даследніцкіх палёў спартыўнай навукі і іх практычнай рэалізацыі ў культурна-адукацыйным кантэксце. Да мэтай ICSSPE адносяцца таксама: 1) садзейнічанне ў распаўсюджванні чалавечых каштоўнасцей, якія ўласцівыя спорту; 2) паляпшэнне здароўя і павышэнне ўзроўню спартыўнай актыўнасці; 3) развіццё фізічнай адукацыі і спорту ва ўсіх краінах. На шляху да гэтых мэтай Рада дапамагае абараняць і развіваць канцэпцыю Fair play і спартыўнай этыкі і садзейнічае міру і ўзаемапаразуменню паміж людзьмі. Як міжнародная арганізацыя, ICSSPE спрабуе наладзіць адносіны паміж развітымі краінамі і дзяржавамі, якія развіваюцца, а таксама садзейнічаць супрацоўніцтву навукоўцаў і арганізацый з усяго свету [1, р. 4–5].

Асноўнымі задачамі Міжнароднай рады спартыўнай навукі і фізічнай адукацыі з'яўляюцца наступныя:

- 1) падтрымка міжнароднага супрацоўніцтва ў сферы спартыўнай навукі;
- 2) садзейнічанне, стымуляванне і каардынацыя навуковых даследаванняў у сферы фізічнай адукацыі і спорту паўсюль на свеце і падтрымка ў рэалізацыі іх вынікаў у разнастайных сферах спорту на практыцы;
- 3) укараненне навуковых ведаў аб спорце і іх практычная рэалізацыя даступнымі для ўсіх зацікаўленых нацыянальных і міжнародных арганізацый і інстытутаў спартыўнай навукі (асабліва гэта адносіцца да краін, якія развіваюцца);
- 4) падтрымка і выкананне Міжнароднай хартыі фізічнай адукацыі і спорту, якая ўхвалена 20-й Генеральнай канферэнцыяй UNESCO (арт. 2);
- 5) садзейнічанне дыферэнцыяцыі ў спартыўнай навуцы і ў той жа час спрыяне інтэграцыі ў развітых галінах [2].

Каб вырашыць гэтыя задачы, ICSSPE імкнецца падтрымліваць і развіваць каардынацыю, якая датычыцца дзейнасці ў сферы навукі аб спорце па зборы, аналізе і распаўсюджванні ведаў у галіне спартыўнай навукі і спартыўнай практыкі. Немалая ўвага надаецца ініцыяванню, каардынацыі і арганізацыі міжнародных канферэнцый, сімпозіўмаў, сходаў і семінараў. Падтрымліваюцца і ініцыююцца праекты, што адносяцца да сферы трэнінгу і фізічнай адукацыі. Тое ж самае датычыцца праектаў па ўдасканаленні спартыўнай экіпіроўкі і інвентару. Павышаецца таксама значэнне супрацоўніцтва паміж установамі вышэйшай адукацыі і даследчыкамі ў галіне спорта і фізічнай адукацыі. Разам з гэтым узрастае роля інфарматыўнасці і дакументацыі ў спартыўнай навуцы, а таксама тых зменаў, што адбываюцца на ўзроўні нацыянальных інстытутаў. Стымулюецца апублікаванне вынікаў даследаванняў па спартыўнай навуцы, заахвочваюцца сродкі масавай інфармацыі, якія распаўсюджваюць гэтыя ідэі і вынікі. Нарэшце, вялікае

значэнне надаецца нацыянальным і міжнародным арганізацыям у сферы фізічнай адукацыі і спорту, спартыўнай навукі і іншых навук і маюць дачыненне да спорту [2]. Трэба таксама абавязкова дадаць, што ICSSPE працуе ў шчыльнай сувязі з UNESCO, WHO (Сусветная арганізацыя здароўя) і IOC (Міжнародны алімпійскі камітэт).

Такім чынам, гісторыя навукі аб спорце, хоць і з'яўляецца кароткай, але ўжо нават зараз дае магчымасць меркаваць пра пэўныя тэндэнцыі свайго развіцця, што праяўляецца ў працэсах дыферэнцыяцыі і інтэграцыі навук, якія маюць адносіны да спорту, на чым акцэнтуюцца ўвага ў шматлікіх дакументах, матэрыялах і публікацыях.

Папярэдне рабілася заўвага наконт умоў, пры якіх параўнальная велічыня можа генераваць далейшыя навуковыя распрацоўкі мэтай, задач і функцый сістэмы навуковых ведаў аб спорце. У параўнанні з даследніцкай парадыхмай яна можа быць выкарыстана пад рознымі сацыякультурнымі пунктамі гледжання – на такія працяглы тэрмін, на які, дарэчы, два розныя сацыякультурныя асяродкі падыходзяць да параўнання. Гэта робіцца магчымым пры выкарыстанні такой схемы, дзе напачатку тлумачыцца даследніцкая парадыхма. Такім чынам, гэта можа быць ужыта ў адносінах да мэтай, задач і функцый сістэмы навуковых ведаў аб спорце.

Табліца. – Параўнанне як даследніцкая парадыхма [3, р. 28]

РОЎНАСЦЬ	ПАДАБЕНСТВА		АДРОЗНЕННЕ
АДНОСНАСЦЬ	ПАРАМЕТРЫ ДЛЯ ПАРАЎНАННЯ		АБСАЛЮТНАСЦЬ (БЕЗУМОЎНАСЦЬ)
САМАПАРАЎНАННЕ	ПАРАЎНАННЕ З ДРУГІМ	ПАРАЎНАННЕ З ІНШЫМІ	
МЭТЫ СПАРТЫЎНАЙ НАВУКІ НА МІЖНАРОДНЫМ УЗРОЎНІ			
ВЕДЫ: Замежны спорт Спартыўная навук	ПАРАЗУМЕННЕ: Параўнальная спартыўная навук	КАМУНІКАЦЫЯ: Інтэрнацыянальная спартыўная навук	РАЗВІЦЦЁ: Развітая спартыўная навук

З гэтай схемы вынікае, што ў параўнальнай даследніцкай парадыхме прымаюцца пад увагу многія аспекты. І асабліва важна зразумець, што даследаванні на міжнародным узроўні з'яўляюцца нечым большым, чым простае параўнанне. Веды як узор (замежная спартыўная навук) папярэднічаюць разуменню мадэлі (параўнальная спартыўная навук). Сувязь і развіццё ўзору можа фіксавацца ў якасці спецыяльнай задачы. У межах гэтага кароткага агляду параўнальнага вымярэння абмеркаванні мэтай, задач і функцый спартыўнай навукі ў ЗША дае пэўны прыклад, які ажыццяўляецца ў межах т.зв. замежнай спартыўнай навукі. Параўнальнае вымярэнне адносна тэмы (прадмета, тэматыкі), мэтай, задач і функцый спартыўнай навукі могуць быць лепш зразумелымі, калі да іх дастасуецца аналіз адпаведнага становішча, напрыклад, у сучаснай Беларусі.

Мэты, задачы і функцыі спартыўнай навукі ў ЗША абмяркоўваюцца пераважна ў часопісах «Quest» і «The Academy Papers». М.Ф. Хэнры, галоўны аўтарытэт у галіне фізічнай адукацыі ў ЗША, заўважыў: як акадэмічная дысцыпліна фізічная адукацыя існавала не заўсёды, але само жыццё змусіла вынайсці яе [4, р. 277–282]. Працяглы час яшчэ дыскутавалася пытанне, ці ёсць нешта падобнае на такую акадэмічную дысцыпліну, як фізічная адукацыя? Р. Эбэрнэці і М. Вальц разглядаюць галоўную функцыю фізічнай адукацыі як акадэмічнай дысцыпліны падчас заняткаў гуманістычнага зместу і суадносяць яе з катэгорыямі фізічных абмежаванняў, рухавых дасведчанняў, структуры асобы, персанальнага ўспрымання і сацыякультурнага асяроддзя [5, s. 179–186].

С. Кляйнман мяркуе, што тэорыя фізічнай адукацыі не можа быць абмежаванай, і структура руху, гульні і спорту не павінна выглядаць вузкай і фіксаванай [6, р. 29–34]. Ён з’яўляецца прыхільнікам адкрытай дыскусіі аб спартыўнай навуцы. С.Л. Грындорфэр прытрымліваецца той думкі, што шлях да спецыялізацыі і фрагментарызацыі спартыўнай навуцы робіць інтэграцыйную канцэпцыю немагчымай [7, р. 36–64], а ў Д.А. Роўза пераважае пункт гледжання на будучы накірунак спартыўнай навуцы ў міждысцыплінарным аспекце як даследніцка арыентаваную канцэпцыю з выкарыстаннем паняцця «рух» у значэнні экспрэсіі і, адпаведна, як ядро навуковых ведаў аб спорце [8, р. 1–21].

Калі зрабіць некаторыя высновы адносна даследаванняў навукоўцаў ЗША, то зразумела, што функцыі навуковых ведаў аб спорце рэфармаваны ў дачыненні даследніцкіх падыходаў у напрамку пазнання навакольнага асяроддзя такім чынам, каб вызначыць яго разнастайнасць, яго экалагічную рэчаіснасць і г.д. Спартыўная навука звяртаецца больш да даследаванняў у інтэграцыйным накірунку, і, такім чынам, з’яўляецца магчымасць атрымаць вынікі больш блізкія да рэальнасці ў межах даследніцкага працэсу. Увогуле, мэты, задачы і функцыі спартыўнай навуцы фарміруюцца у значнай ступені пад крытэрыямі гнуткасці, блізкасці да рэальнасці, паглыбленага, а не толькі спецыфічнага падыходу, сацыяльнага вопыту, доўгатэрміновых эфектаў, грамадскай адказнасці і ўнёску ў адносінах да спрыяння развіцця гуманізму. Гэтыя фрагментарныя аспекты навуковай дзейнасці ў ЗША маюць значэнне для спартыўнай навуцы ў тым сэнсе, што дазваляюць зрабіць супастаўленне з ідэямі развіцця ў асобна ўзятай краіне адносна тэматыкі мэтай, задач і функцый спартыўнай навуцы і, такім чынам, выкарыстаць параўнальны падыход.

Зразумела, што параўнальны падыход можа быць здзейснены таксама ў іншых кірунках спартыўнай навуцы ў адносінах да сістэмы чалавечых ведаў (даследніцкая метадалогія, пераход ад тэорыі да практыкі). Параўнальныя вымярэнні ў дадзеным падыходзе патрэбны для таго, каб акцэнтаваць увагу на іх парадыгматычным характары. Мэты, задачы і функцыі спартыўнай навуцы – тэма для апісання чатырох станаў спорту і сістэмы навуковых ведаў аб спорце (гістарычны, параўнальны, сучасны і будучы) з іх спецыфічнымі рысамі і агульнымі прыкметамі.

Варта таксама дадаць, што мэты і задачы навуковых ведаў аб спорце часткова выкладзены ў «Еўрапейскай спартыўнай хартыі», дзе асабліва моцна падкрэсліваецца важнасць спартыўнага і жыццяздольнага развіцця. Такі падыход павінен быць здзейснены на падставе забеспячэння і паляпшэння нацыянальнага фізічнага, сацыяльнага і інтэлектуальнага дабрабыту і міжгенерацыйнай трансляцыі асноўных вітальных прынцыпаў функцыянавання грамадства. У прыватнасці, гэта датычыцца фарміравання адпаведных структур і сродкаў для патрэб працоўкі, назапашвання і распаўсюджвання адпаведнай інфармацыі адносна спорту на лакальным, нацыянальным і міжнародным узроўнях. Навуковае шматаспектнае даследаванне спорту павінна няўхільна развівацца, у выніку чаго рэалізацыя атрыманых дадзеных будзе спрыяць абмену інфармацыяй паміж усімі зацікаўленымі структурамі [9].

Заклучэнне

Калі паспрабаваць прасачыць, як функцыянуе сучасны спорт, а таксама прааналізаваць значэнне спорту як асаблівай аўтаномнай сістэмы, то перадусім прыйдзецца звярнуцца да наступных трох асноўных узроўняў: культурнага, сацыяльна-структурнага і персанальнага.

Акрэсленне культурнага ўзроўню абазначае тое, што спорт з’яўляецца арганізаваным у адпаведнасці з уласнымі ўнутранымі абавязацельствамі і нормамаі, якія дзейнічаюць толькі ў яго сферы. Гэта, па-першае, азначае, што спорт выдзяляецца з сацыяльнага кантэксту і варункаў, якія ўстанавілі жыццё чалавека, ён прагне быць у адносінах

да іх нейтральным, імкнецца да таго, каб яго зразумелі як сімвалічны тэст. Ён выступае без такіх выпадковых дэфармацыяў грамадскага жыцця, як прыналежнасць да цывільнага стану альбо сацыяльнай групы, знешняга выгляду, колеру скуры, палітычных поглядаў і г.д. Спартсмен не з'яўляецца адначасова суседам, членам сям'і, членам рэлігійнай арганізацыі, нацыянальнай групы перш за ўсё таму, што ў іншых сістэмах ён не атлет, а толькі выконвае іншыя ролі, і яго спартыўная дзейнасць не выказвае ў той самы час палітычных, рэлігійных, мілітарных, сямейных і іншых функцыяў. Другая справа, калі спроба інтэрпрэтацыі спартыўнай актыўнасці атлета вымагае ўлічваць менавіта адзначаныя вышэй функцыі. Інстытуцыйная аўтаномія абазначае тое, што адбываецца ў спорце і застаецца без наступстваў для іншых галінаў побытавага жыцця. Напрыклад, калі нейкая супольнасць падзяляецца на разнастайныя групы (сям'я, царква, дзяржава), што кіруюцца ўласнымі мэтамі і інтарэсамі, то яна перад усім арганізавана згодна з уласнымі ўнутранымі прадпісаннямі. З гэтага вынікае тое, што статус, грамадскі прэстыж, правы і абавязкі, якія дасягаюцца ў дадзенай галіне, у іншай сферы маюць рэальна меншае значэнне. Зразумела, што сацыяльна-структурны ўзровень мае блізкае дачыненне да персанальнага ўзроўню. Спорт можа перадаваць дасведчанне ў набыцці самасвядомасці і дапамагчы ў станаўленні іміджу. Сучасны чалавек успрымае спорт як такую актыўнасць, якая ўсталёўвае фармальныя правілы «роўнасці», што даюць магчымасць практычна кожнай асобе прыняць удзел у спаборніцтвах. Напрыклад, у тэнісе могуць спаборнічаць паміж сабой багатыя і бедныя, мужчыны і жанчыны, белыя і чорныя. У рэальнай жыццёвай дзейнасці існуе шмат сацыяльных сфераў, дзе падобнае супрацоўніцтва практычна немагчымае. Такая рыса спорту патрабуе пэўных намаганняў ад індывіда. Сам удзел у спаборніцтвах вымагае рознага ўзроўню ўменняў абстрагавацца ад грамадскіх варункаў, якія акрэсліваюць штодзённае жыццё, а таксама ўменняў змены роляў і прыняцця разнастайных пазіцыяў у адпаведна арганізаванай сістэме побыту. У спорце суб'ект сутыкаецца з прадстаўнікамі іншых сацыяльных слаёў, іншага полу, іншых этнічных групаў, размаітых прафесійных і грамадскіх пазіцыяў, якія ў звычайнай сістэме штодзённага жыцця раздзяляе сацыяльна-эканамічная няроўнасць.

Спорт у сістэме грамадскіх узаемазвязяў не з'яўляецца незалежным ад іншых сфер жыцця. Паміж імі існуюць шматлікія кантакты на самых розных узроўнях. Грамадская думка заўсёды ўважліва сочыць за элітай спорту. Ствараецца сітуацыя, калі паміж лепшымі атлетамі і іншымі сацыяльнымі групамі паўстаюць пэўныя адносіны. Інтэнсіўныя трэніроўкі вядуць да канкурэнцыі, напрыклад, з вучобаю, набыццём прафесіі. Прага да перамогаў у спорце абцяжарвае ў пэўных акалічнасцях дасягненне поспехаў у прафесійнай кар'еры. Адарванасць ад дому ў маладыя гады часта перакрываюцца з праблемамі ў працэсе выхавання, таму што сям'я і школа трактуюць яго іншым чынам. Зрэшты, школа з'яўляецца асабліва яскравым прыкладам канфліктнай сітуацыі ў адносінах да спорту. Праблема у тым, што маюцца дзве асноўныя пазіцыі ў дачыненні да яго. Першая кіруецца зададзенымі інстытуцыяльна нормамі паводзінаў: менавіта іх выканання чакаюць бацькі, што дзейнічаюць у розных формах санкцыяў; іншымі словамі, – гэта сістэмная арыентацыя. Другая звязаная з тым, што паводзіны ў адносінах да спартыўнай дзейнасці арыентаваны сутнасна і паводле інтарэсаў. Яны ўзбуджаюцца самім зместам справы і вымагаюць такіх паводзінаў, якія накіраваны на вырашэнне праблемы. Наступствы, што вынікаюць з гэтых формаў арыентацыі ў адносінах да спорта, выводзяцца з таго, якія дзеянні ў нашай сістэме каштоўнасцяў культуры з'яўляюцца прывілеяванымі, якія дыскрымінаванымі, якую пазіцыю на глебе таго ці іншага культурнага ладу маюць паасобныя прадметы. Шмат у чым тут справа датычыцца грамадскага статусу спорту і прафесіяналізацыі. Калі сацыяльны статус, які мае асоба ў грамадстве, вынікае з супрацоўніцтва шматлікіх кампанентаў (прафесія, даходы, этнічная прыналежнасць, поспех у спорце), тады можа быць неадпаведнасць да статусу, таму

што яго паасобныя кампаненты выглядаюць спрэчнымі. Яскравым прыкладам такога падыходу з'яўляецца вядомы спартсмен, які адначасова дыскрымінаваны як прадстаўнік пэўнай этнічнай групы (афраамерыканец альбо асоба каўказскай нацыянальнасці). У любым выпадку станаўленне навукі аб спорце на працягу XX ст. адносна галоўных мэтаў і задач з неабходнасцю ўключала ў сябе такія тэарэтычныя веды і практычныя навыкі, якія першапачаткова з'яўляліся напрацоўкамі ў іншых навуковых напрамках. Шматаспектная параўнальная даследніцкая парадыгма ў пэўным сэнсе адлюстроўвае разнастайныя магчымасці ў вызначэнні сутнасці дадзенага грамадскага феномену з улікам ягонага біясацыяльнага і гуманітарнага (гуманістычнага) патэнцыялу. Патрэбы, запыты і заклікі шырокіх колаў грамадства з неабходнасцю сфарміравалі даследніцкае поле навукі аб спорце.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. ICSSPE: A Global Perspective, Sport Science and Physical Education. – Berlin : ICSSPE, 1998. – 16 p.
2. Statutes Bye-Laws. International Council of Sport Science and Physical Education. – Jyväskylä : University of Jyväskylä, 1997. – 68 p.
3. Haag, H. Theoretical Foundation of Sport Science as a Scientific Discipline. Contribution to a Philosophy (Meta-Theory) of Sport Science / H. Haag. – Schorndorf : Hofmann, 1994. – 167 p.
4. Henry, M. F. Physical Education. An Academic Discipline / M. F. Henry // Antology of Contemporary Readings ; ed.: S. Slusher, A. S. Lockhart. – Dubuque, 1970. – P. 277–282.
5. Abernathy, R. Systematische Wege zu einer Wissenschaft / R. Abernathy, V. Waltz, H. Haag // Die Leibeserziehung in den Vereinigten Staaten. – Schorndorf : Hofmann, 1970. – S. 179–186.
6. Kleinmann, S. Towards a Non-Theory of Sport / S. Kleinmann // Quest. – 1968. – № 10. – P. 29–34.
7. Greendorfer, S. L. Specialization, Fragmentation, Integration, Discipline, Profession: What is the Real Issue? / S. L. Greendorfer // Quest. – 1987. – № 39. – P. 36–64.
8. Rose, D. A. Is there a Discipline of Physical Education? / D. A. Rose // Quest. – 1986. – № 38. – P. 1–21.
9. European Sports Charter. Recommendation № R (92) 13 REV. Council of Europe. Committee of Ministers (adopted by the Committee of Ministers' Deputies, May 16, 2001). – Strasbourg, 2001.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2017

Lukievic U.P. Formation of Sport Science in the 20th Century: Main Objectives and Tasks

The phenomenon of sport has been studied by different sciences for a long period of time. In effect, it leads to formulation of certain theories, collection of specific factors and creation of scientific terminology in the corresponding field of science. To be able to analyze the problems of sports, one should look at them under the scope of the most common problems of functioning of society in general. Such questions as «why», «what for», «what is the purpose» and alike, have been perceived as fundamental problems of human life for a long time. It is important to set them from the anthropological point of view, because social activity makes certain sense, gives direction and responsibility. In the history of human society people have always wondered about why they, as human beings, are so surprising; why people always want to know more and constantly increase the number of scientific information and knowledge. Over the 20th century, there was an intensive process of definition of main objectives and problems of sports science.

УДК 141.1:115(091)

О.А. Маруховская-Картунова

канд. филос. наук, доц., проф. каф. общественных наук
Университета экономики и права «КРОК» (г. Киев)
e-mail: alexkartunov@gmail.com

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ О «ВЕЧНОМ МИРЕ»
МЫСЛИТЕЛЕЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Рассматриваются основные философские идеи мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени, посвященные проблемам мира, войны и вооруженных этнополитических конфликтов. Утверждается, что истоки этих идей – в теоретическом наследии мыслителей Средневековья, что мыслители Возрождения и Нового времени основное внимание уделяли анализу сущности и причин возникновения войн и вооруженных конфликтов, а также поиску эффективных путей, методов и средств достижения и сохранения мира как внутри государств, так и между ними. Показана эволюция этих идей и реальный вклад наиболее известных мыслителей того времени в развитие полемологии (науки о войне) и науки о мире («мирологии»), а также в зарождение новой сферы научного знания – этнополитической конфликтологии.

Введение

Актуальность темы статьи более чем очевидна. Сегодня мир в который уже раз оказался не просто в условиях новой «холодной войны», а по сути дела на грани «войны горячей», признаки которой все заметнее напоминают о себе в некоторых регионах нашей планеты. Все это требует научного не просто переосмысления общих проблем войны и мира, а поисков оптимальных путей и методов прекращения военных действий в «горячих точках», недопущения их распространения по всей Земле. Определенную теоретическую и практическую помощь в этих поисках могут оказать философские идеи о «вечном мире», о сущности, причинах и последствиях войн и вооруженных этнополитических конфликтов, о путях, методах и средствах их предотвращения и урегулирования, выдвинутые мыслителями эпохи Возрождения и Нового времени.

Главной целью и задачами статьи является анализ эволюции идей о мире, войне и этнополитических конфликтах, а также исследование конкретного вклада известных мыслителей в зарождение и развитие этих идей. Еще одна важная задача статьи – поиск тех идей, которые не утратили своей актуальности, и рекомендаций, которые и сегодня могут помочь предотвратить эскалацию этнополитических конфликтов и развязывание новых войн, способствовать достижению и сохранению мира.

Зарождение философских взглядов о «вечном мире» в эпоху Средневековья

Эпоха Средневековья стала свидетелем появления целого ряда проектов достижения и сохранения «вечного мира». Это была реакция на рождение в Европе новых национальных государств и перманентные жестокие войны между ними. И хотя часть этих проектов носила утопический характер, они, тем не менее, оказали непосредственное влияние на развитие науки о войне и мире и опосредованное на зарождение новой отрасли научного знания – этнополитической конфликтологии.

Первым таким проектом можно считать труд французского правоведа *Пьера Дюбуа* (1255–1321) «*О прекращении войн и споров в королевстве Франции*», который появился в 1300 г. В нем, пожалуй, впервые прозвучал страстный, но достаточно обоснованный призыв к правителям небольших европейских государств положить конец бесконечным междоусобным войнам. Свое дальнейшее развитие эти идеи получили в его работе «*О возвращении Святой земли*» (1305) [1]. В ней шла речь, во-первых, об установлении мира и согласия между христианскими правителями; во-вторых, об идее объединения враждующих европейских государств в единый мощный и проч-

ный союз под названием «христианская республика»; в-третьих, о создании постоянно действующего третейского суда, в функции которого входило бы решение конфликтов между членами этого союза; а в-четвертых, о переориентации воинственных и захватнических инстинктов правителей с междоусобной борьбы на организацию военных экспедиций на Святую землю, т.е. «крестовые походы» [2]. Таким образом, есть определенные основания считать проект П. Дюбуа прообразом и первым эскизом современного Европейского союза.

Второй проект – «Трактат об установлении мира в мире христианском» – был подготовлен в 1461 г. королем Богемии *Иржи Подебрадом* (1420–1471). В нем говорилось о создании союза, в который должны войти как равноправные и суверенные члены все тогдашние европейские христианские государства. Трактат состоял из 23 статей, которые были пронизаны идеей достижения и сохранения мира. Об этом наиболее ярко свидетельствовала ст. 9 «Cultus pacis» (уважение мира, забота о мире и стремление к миру). Одной из основных задач проекта должно было стать достижение справедливости и урегулирования конфликтов между народами «исключительно мирными средствами». Воплощением в жизнь этой цели должен был бы заниматься постоянно действующий конгресс, состоящий из послов всех государств-членов этого гипотетического союза. Кроме того, планировалось создание единого суда для определения меры наказания нарушителям достигнутых договоренностей и законов, а также использование посредников (медиаторов) при решении вооруженных конфликтов и др. [3]. Стоит также отметить, что текст самого трактата переиздавался несколько раз на разных языках. Все это свидетельствует, что идеи Иржи Подебрада не только оказали влияние на развитие идей о войне, вооруженных конфликтах и мире, но и до сих пор не утратили своей актуальности.

Философские идеи о войне и мире гуманистов эпохи Возрождения

Эразм Роттердамский (1464–1536) известен всему миру как один из самых ярких мыслителей эпохи Возрождения. Именно его тогда называли «оракулом Европы», «князем гуманистов» и т.п. Прославился он благодаря, с одной стороны, своим мужественным разоблачением истинных причин возникновения войн и вооруженных конфликтов, однозначным осуждением их несчастий и преступлений, с другой стороны, горячими призывами к миру, мудрыми рассуждениями о его ценности и преимуществах, а также конкретными советами по предотвращению войн, гуманного, цивилизованного их разрешения в случае возникновения, а главное, разумными рекомендациями по достижению и сохранению мира. Эти и другие идеи Эразм Роттердамский изложил в работах «*Война мила тем, кто ее не испытал*» (1500) и «*Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и повсюду поверженного*» (1517) [4], а также во многих своих письмах.

Будучи гуманистом, он направлял свои основные усилия, прежде всего, на разоблачение преступного характера войны. В частности, в работе «Война мила тем, кто ее не испытал» Э. Роттердамский писал: «Есть в мире несчастье, которого следует всегда настойчиво избегать. Надо защищаться от него всеми средствами, отгонять его от себя изо всех сил. Этой бедой является война... Она ...наносит столько горя, что ни один язык ...не может его выразить» [5]. В трактате «Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду поверженного» он отмечал: «Война ...противна всему сущему: война – первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия». И с горечью добавлял, что «нет ничего более рокового для людей, ничего более ненавистного богам, чем одна-единственная война», ведь она «разъедает совесть и веру», а также обращал внимание на то, что «во время войны законам вообще приходится молчать» [4].

Немало усилий Э. Роттердамский направлял и на выяснение истинных причин возникновения войн, поскольку был убежден, что «причины, по которым эта война ведется, должны быть явными и известными всем». Главный свой вывод он сформулиро-

вал так: «Все причины войны проистекают и возникают из вещей, не имеющих к народу никакого отношения». Уточняя эту мысль, он отмечал, что войны «все начинались по почину государей, а заканчивались большим ущербом и потерями для народа, который не имел к войнам никакого отношения» [4].

Заслуживают внимания и рассуждения Э. Роттердамского по предотвращению и прекращению войны. Приведем лишь два фрагмента. «Государь не должен легкомысленно ввязываться в раздоры и начинать войну, которая не имеет ничего общего с общественным интересом». «Когда речь пойдет о войне, пусть государь не зовет для совета и обсуждения юнцов, для которых война сладка и приятна лишь потому, что они сами ее не испытали и не знают, сколько зла и несчастий она влечет и несет за собой... Пусть он призовет старых и мудрых людей, чье благочестие известно всей стране. Не позволяйте также вовлекать себя в войну ради удовольствия или прихоти одного или двух человек, потому что начать войну легко, а завершить трудно. Это самая опасная и рискованная вещь, за исключением тех случаев, когда она начата с согласия всего народа. Поводы и причины войн надо немедленно устранять. ...Пусть все люди объединятся против войны. Пусть все люди поднимут против нее свои голоса. Пусть все люди проповедуют, прославляют и превозносят мир публично и частным образом» [4].

Но основные усилия Э. Роттердамского были направлены на рассмотрение самоценности и преимуществ мира, а также на поиски путей его достижения. «Мир, прославленный людьми и богами, – отмечал он, – источник, отец, кормилец, умножитель и защитник всего самого лучшего, что когда-либо существовало в небе и на земле». Без мира «никогда и нигде не бывает ничего процветающего, ничего надежного, ничего чистого и святого» [4]. Не потеряли своей актуальности и советы Э. Роттердамского по сохранению мира. «Пусть государи будут мудрыми для пользы народа, а не только для своей выгоды, – писал он. – Пусть они будут для всего общества тем же, чем является отец для своей семьи». Обращаясь к рядовым гражданам, он подчеркивал: «Мир и согласие среди горожан могут обуздать злые помыслы плохого государя. Пусть ни горожане, ни государь не думают о своей частной выгоде. Пусть величайшие почести воздаются тем, кто предотвращает войну, кто мудрым советом восстанавливает согласие и кто всеми силами делает так, что становятся ненужными великие армии и огромные запасы оружия. Но если уж война становится неизбежной, пусть ведут ее так, чтобы все несчастья и тяготы обрушивались на головы тех, кто явился виновником войны» [4].

Э. Роттердамский стал одним из самых убедительных критиков войны и самым горячим сторонником мира. Его идеи и советы о необходимости предотвращения войн и сохранения мира не только не потеряли своей актуальности, но и приобретают, к сожалению, все большую значимость. Отсюда вывод: Э. Роттердамский разработал идеи, которые способствовали становлению новой отрасли научного знания, заслуживающей внимания и дальнейшего развития, – «мироведения», или «мирологии» (науки о мире).

Заметный вклад в развитие идей о предотвращении войн и вооруженных конфликтов, в том числе этнополитических, а главное, о достижении мира внес французский мыслитель эпохи Возрождения **Эмерик Крюсе** (1590–1648) своим трактатом **«Новый Киней, или Рассуждения о состоянии, предоставляющем возможность и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире»** [6, с. 60–114], опубликованном в 1623 г. В Предисловии Э. Крюсе отмечал: «Эта маленькая книга излагает универсальную политику, полезную всем народам и приемлемую для тех, у кого есть хоть какой-либо свет разума и чувство гуманности» [6, с. 62]. Однако главным адресатом своих идей он считал правящие круги всех стран мира, заявляя при этом: «Это к вам, великие мира сего, обращена эта маленькая книга, которая надеется найти доброжелательный прием» [6, с. 63].

Анализируя причины и цели войн, Э. Крюсе справедливо отмечал, что «войны с иностранными государствами возникают или ради стремления к почестям, или ради

выгоды, или ради того, чтобы возместить ущерб» [6, с. 64]. А учитывая трагические последствия войн, предостерегал: «Мудрый государь не станет нападать на страну другого государя, опасаясь погубить свое собственное государство. Если же амбиции побуждают его рисковать своей жизнью и жизнью своих подданных, чтобы всеми средствами добиться почестей, ради которых он идет на риск, то позор и беда могут обрушиться на его голову и на тех, кто развязывает войны» [6, с. 67]. Привлекает внимание и его пылкий призыв-предостережение: «Весь мир согласен с тем, что главное, о чем только и нужно заботиться, – это остерегаться войн» [6, с. 73].

Но основные свои усилия Э. Крюсе направлял на поиски путей и методов достижения и сохранения мира как в отдельных странах, так и во всем мире. Подтверждение тому – его откровенное признание, что «мир – вот мой обычный предмет, который я здесь исповедую» [6, с. 62]. Один из основных методов предотвращения войны и достижения мира он определял так: «Всеобщий мир предотвратит это зло, если мы сможем его добиться, запретив публичные враждебные действия» [6, с. 99]. А добиться этого запрета, на его взгляд, можно только при наличии соответствующей политической воли у правящих плит: «Я верю, что нет ничего более легкого, чем достижение всеобщего мира, если христианские государи захотят его осуществить» [6, с. 63].

Завершая трактат, Э. Крюсе сделал важный вывод, похожий на завещание: «Мы стремимся к миру, но мы ищем не временного мира, мира не на три дня; мы ищем мира, который был бы желанным, осуществлялся бы на равноправных основаниях и был бы постоянным; мира, который дает каждому то, что ему принадлежит, – привилегии гражданам, гостеприимство иноземцам и *всем, независимо от их национальной принадлежности* (курсив наш – О. М.-К.), свободу путешествий и торговли» [6, с. 111].

Таким образом, Э. Крюсе внес заметный вклад в развитие не только науки о войне и мире, но и этнополитической конфликтологии, а его идеи и рекомендации становятся все более востребованными.

Философские идеи о войне и мире мыслителей эпохи Нового времени

Значимость вклада выдающегося голландского юриста и политика рубежа эпох Возрождения и Нового времени **Гуго Гроция** (1583–1645) в науку о войне и мире хорошо известна и признана. Исследованию этих проблем он посвятил свой фундаментальный труд «**О праве войны и мира**» [7], опубликованный в 1625 г. В целом можно согласиться с утверждением профессора С.Б. Крылова: «Гениальное творение знаменитого голландца сохранило свое значение до настоящего времени. Книга далеко пережила своего автора и вошла в сокровищницу мировой юридической литературы» [8, с. 4]. К этому можно лишь добавить, что данный трактат вошел в сокровищницу не только мировой юридической, но и политологической и этноконфликтологической литературы. Поэтому есть необходимость хотя бы кратко остановиться на тех его идеях, которые становятся все более актуальными. Главной заслугой Г. Гроция, в частности, в этнополитическую конфликтологию можно считать: 1) анализ проблем войны и мира не с религиозной, морально-этической или философской точек зрения, а с точки зрения права; 2) достаточно корректное, хотя в определенной степени и дискуссионное определение понятия «война»; 3) разделение войн на справедливые и несправедливые; 4) попытки определить поводы и причины возникновения войн; 5) поиски путей, методов и средств предотвращения войн, достижения и сохранения мира; 6) разработка соответствующих конкретных практических рекомендаций.

Похоже, что Г. Гроций одним из первых мыслителей вышел за рамки распространенных в то время представлений и оценок войны как эпифеномена, т.е. однозначно негативного явления и безоговорочного его осуждения. Он выдвинул и обосновал концепцию, которая трактовала войну уже не как эпифеномен, а как достаточно сложный, крайне противоречивый, амбивалентный феномен. Более того, он разработал новую от-

расль права, которую назвал «право войны и мира», и убедительно доказал, что война не противоречит этому праву. Подобную трактовку войны можно считать весомым вкладом также и в зарождение этнополитической конфликтологии, ведь этнополитический конфликт также долгое время считался эпифеноменом, т.е. однозначно негативным явлением. Обосновывая право войны, Г. Гроций утверждал: это «право естественное»; «право народов не исключает войны»; «войны ведутся ради заключения мира, и нет такого спора, из-за которого не могла бы возгореться война»; «сама же война приводит нас затем к миру как своей цели» [7, с. 67].

Известно, что Г. Гроций тщательно исследовал факты и аргументы как в пользу войны, так и против нее. В частности, он сформулировал 11 «убедительных доказательств» в пользу возможности или допустимости ведения войны [7, с. 92–97] и 7 доводов в пользу запрета и недопустимости ведения войн [7, с. 97–103]. И одной из важнейших заслуг Г. Гроция можно считать то, что он одним из первых исследователей аргументированно доказал необходимость разделения войн на справедливые и несправедливые, разработав при этом достаточно четкие и конкретные критерии их разграничения [7, с. 83]. Одним из них он считал причины возникновения и способы ведения войны. Уточняя и конкретизируя причины несправедливых войн, он отмечал: «Единственная и древнейшая причина войны ...есть сильная жажда власти и богатства. Золото и другие богатства – главная причина войн. Жажда вредить, жестокая мстительность, неумолимость души, воинственная дикость, стремление к власти и тому подобное – все это влечет справедливое осуждение войны» [7, с. 533]. Актуальными представляются и его рекомендации о прекращении войны. «Во время войны должно всегда стремиться к миру», – не раз призывал он, отмечая при этом, что «добиваться его должно даже с убытком» для себя. В случае же прекращения вооруженного конфликта или войны «заключенный мир должно соблюдать самым благоговейным образом» [7, с. 825].

Эти и подобные мысли Г. Гроция дают основания причислить его к когорте основателей новой в те времена отрасли научного знания – «иренологии» (греч. *eirēnē* – мир; англ. *eirenology*). Как известно, это название так и не прижилось в лексиконе большинства исследователей. Поэтому предлагаем вместо термина «иренология» использовать термин «мирология», который следует понимать как науку о мире.

Очень актуален сегодня сформулированный Г. Гроцием такой посыл: «Мы караем за умерщвление отдельных людей и единичные убийства. Почему же войны и побоища целых народов окружаются славой?» [7, с. 186]. Это вопрос можно считать первым призывом привлекать к ответственности тех, кто причастен к эскалации вооруженных конфликтов и развязыванию войн. Отсюда вывод: Г. Гроций сделал весомый вклад и в развитие науки о войне и мире, и в зарождение новой отрасли научного знания – этнополитической конфликтологии.

Определенный вклад в становление идей о предотвращении войн, достижении и сохранении мира внес общественный деятель эпохи Нового времени **Уильям Пенн** (1644–1718). Об этом свидетельствуют рассуждения, выводы и рекомендации, изложенные им в работе **«Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств»**, опубликованной в 1693 г. [9, с. 115–135].

Прежде всего, У. Пенн пытался выяснить причины войн и вооруженных этнополитических конфликтов (которые он называл «гражданскими войнами») и указать на их разрушительные последствия [9, с. 118, 134]. Основными он считал несправедливость в ее широком понимании и нарушение прав во всех сферах и на всех уровнях, а ответственными за их возникновение – правящие круги, которые или сами нарушали справедливость и право или своей политикой способствовали этому. Впрочем, главные усилия У. Пенн сосредотачивал именно на поисках путей достижения и сохранения общего мира для европейских государств. Основной путь здесь он видел в обеспечении спра-

ведливости как во внутренней, так и внешней политике: «Справедливость является лучшим, чем война, хранителем и носителем мира... Ибо именно справедливость способна предотвратить как гражданскую войну внутри страны, так и войну внешнюю». Уточняя эту мысль, У. Пенн отмечал: «Справедливость есть средство мира между правительством и народом, индивидуумом и обществом» [9, с. 117–118].

Другие его рекомендации о способах обеспечения мира кратко можно свести к следующему. Во-первых, «суверенные правители Европы» «исходя ... из любви к миру и порядку» должны организовать «по доброму согласию встречу их представителей на всеобщем Конгрессе, в Палате государств или в Парламенте и установить там нормы права для их взаимного соблюдения государями». Во-вторых, на ее рассмотрение «необходимо выносить конфликты между теми или иными державами, которые не могут быть разрешены к началу заседания с помощью посольств» [9, с. 120–121]. Таким образом, речь идет о необходимости создания международной региональной, в частности, Европейской организации по достижению и сохранению мира. А это уже своеобразный эскиз, прообраз Лиги Наций, которая была создана и действовала в первой половине XX в. В-третьих, У. Пенн просчитывал все реальные выгоды и преимущества своего проекта и акцентировал внимание на возможности и необходимости «воплотить этот план в жизнь» «ради мира и процветания Европы» [9, с. 135]. Следовательно, указанные выше и многие другие идеи У. Пенна существенно повлияли на процесс становления науки о войне и мире.

Заметный вклад в становление *мирологии* внес и французский философ Нового времени **Шарль Ирине де Сен-Пьер** (1658–1743), в частности, своим трехтомным «*Проектом вечного мира в Европе*», опубликованным в 1713–1717 гг. Анализируя «мотивы, по которым государи берутся за оружие», он справедливо утверждал: «Это или стремление к завоеваниям, или необходимость обороны от захватчика, или желание ослабить слишком мощного соседа, или поддержать свои ущемленные права, или же раз решение споров, которые не удалось решить полюбовно, или же, наконец, выполнение договорных обязательств» [10, с. 151–152]. «Если самодержцы еще не отделались от безумства завоеваний, кажется по крайней мере, что более благоразумные люди начинают понимать, что войны отнимают зачастую больше, чем дают» [10, с. 154].

Впрочем, как и У. Пенн, свое основное внимание Ш. Сен-Пьер сосредоточил на поисках путей предотвращения войн и вооруженных конфликтов [10, с. 136]. Однако в отличие от У. Пенна он все свои надежды в этом вопросе связывал не с образованием наднационального международного органа, а с созданием Конфедерации европейских народов. Объясняя сущность своей идеи, он отмечал: «Если существует какое-либо средство устранить эти опасные противоречия, то им может быть лишь форма конфедеративного правления, которое, объединяя народы узами, подобными тем, что сплачивают отдельных индивидов, подчиняет равным образом и тех и других авторитету законов. Подобное правление к тому же кажется предпочтительнее, чем всякое другое, потому что оно равным образом несет выгоды и большим и малым государствам; благодаря своей мощи оно внушает почтение своим соседям, потому также, что в нем неукоснительно соблюдаются законы и оно, только оно одно, способно удерживать в повиновении подданных, вождей и иноземцев» [10, с. 137]. Пропагандируя свой план, он мечтал: «Я увижу ... объединенных и любивших друг друга людей, я буду размышлять о спокойном и миролюбивом сообществе братьев, живущих в вечном согласии, руководствующихся одними и теми же истинами, счастливых всеобщим благополучием» [10, с. 136]. И хотя проекты Ш. Сен-Пьера сегодня кажутся утопическими, они, на наш взгляд, навсегда вошли в золотой фонд человеческой мудрости. Тем более что некоторые его идеи все же воплотились в жизнь как на уровне отдельных государств, так и на уровне отдельных регионов.

Заметный непосредственный вклад в развитие науки о войне и мире и опосредованный – в зарождение этнополитической конфликтологии внес французский мыслитель **Жан-Жак Руссо** (1712–1778) своей работой *«Суждение о вечном мире»*, опубликованной в 1782 г. Она была посвящена, во-первых, анализу «Проекта вечного мира в Европе» Ш. Сен-Пьера, а во-вторых – выяснению истинных причин, которые препятствовали воплощению этого проекта в жизнь. Высоко оценивая идеи Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо отмечал: «Преимущества, которые были бы результатом его осуществления и для каждого государя, и для каждого народа, и для всей Европы, огромны, ясны, неоспоримы; невозможно придумать что-либо более основательное и более точное, чем рассуждения, при помощи которых автор обосновывает эти преимущества» [11, с. 162].

Главной причиной, препятствовавшей претворению в жизнь проекта Ш. Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо считал его невыгодность правителям. Объясняя эту мысль, он утверждал: «Нетрудно понять ... что война и завоевания, с одной стороны, и усугубляющийся деспотизм, с другой, взаимно помогают друг другу; что у народа, состоящего из рабов, можно вволю брать деньги и людей, чтобы с их помощью покорять другие народы; что война дает одновременно и предлог для новых денежных поборов, и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе». Такой же жесткой критике он подвергал и чиновников: «Министрам война нужна для того, чтобы сделаться необходимыми, ставить государя в затруднительные положения, из которых он не мог бы выйти без их помощи; война необходима им для того, чтобы притеснять народ под предлогом удовлетворения общественных нужд... Они потеряли бы все эти возможности при установлении вечного мира. И люди еще не перестают спрашивать, почему этот проект не принят, коль скоро он осуществим!» [11, с. 164, 166].

Приведенные выше размышления дают основания утверждать, что: а) обнаруженные Ж.-Ж. Руссо причины войн можно считать закономерностями развития международных отношений; б) эти закономерности можно экстраполировать на причины эскалации этнополитических конфликтов. Итак, Ж.-Ж. Руссо тоже способствовал развитию *мирологии*. Кроме того, он одним из первых эффективно использовал многофакторный, поликазуальный подход к анализу причин зарождения войн и эскалации этнополитических конфликтов.

Заметный вклад в дальнейшее развитие науки о мире внес известный английский философ и правовед **Иеремия Бентам** (1748–1832) своим трактатом *«План всеобщего и вечного мира»*, написанном в 1786–1789 гг. и опубликованном в 1853 г. Если кратко, то сущность его идей в следующем. Во-первых, он позиционировал себя ярким поборником «вечного мира»: «Цель этого очерка – предложить всем живущим план всеобщего и вечного мира. Охватить влиянием своих идей весь земной шар – вот к чему стремится автор; орудие его осуществления, причем единственное, к которому он прибегает, – пресса, а все человечество – поприще для его замысла» [12, с. 173]. Во-вторых, Бентам резко осуждал войны, их «безрассудство» и «безумие», доказывая, что «любая война по сути своей разорительна», а также клеймил правительства, которые «прилагали немалые усилия для того, чтобы накопить побольше поводов для войны» [12, с. 187]. В то же время он предлагал некоторые конкретные меры по предотвращению войн: «Парламент может отказаться вести войну после того, как она началась. Он также может сместить и наказать министра, втянувшего страну в эту войну» [12, с. 194]. В-третьих, И. Бентам четко высказался за прекращение гонки вооружений и сокращение вооруженных сил. Он отмечал: «Любая страна, первой предложившая другой стране сократить и зафиксировать численность своих вооруженных сил, покрыла бы себя неуязвимой славой. Риска бы не было никакого, выигрыш – явный» [12, с. 184–185]. В-четвертых, И. Бентам осуждал национальную, этническую и религиозную предвзятость, высокомерие и нетерпимость и призвал к их преодолению: «Снимите с ваших глаз пе-

лену предрассудков, очистите сердца от черных пятен чрезмерной подозрительности, ложных амбиций, своекорыстия и высокомерия! Наверное, это больно, но ведь и награда будет поистине славной. Трудность велика, но ведь и почет будет соизмерен ей. Но если и после этого возникнут войны? Пусть так, но промежуточный выигрыш все равно будет немалым» [12, с. 189]. В-пятых, И. Бентам один из первых понял и четко определил влияние прессы на ход конфликтов и формирование отношения населения к войне, как и их роль в борьбе за мир. «Несмотря на то, что мнение газет далеко не целиком отражает мнение народа, – писал он, – наставление, которое они дают по этим вопросам, оказывается единственным, которое народ воспринимает» [12, с. 195–196]. Идеи И. Бентама стали заметным вкладом в развитие мирологии и полемологии. Он также был одним из первых, кто использовал информационно-коммуникативный подход к анализу проблем мира, войны и вооруженных этнополитических конфликтов.

Важнейший вклад в решение проблем мира и войны внес выдающийся немецкий философ и мыслитель эпохи Нового времени *Иммануил Кант* (1724–1804). В небольшом, но важном и до сих пор актуальном трактате «*К вечному миру*» (1795) он, с одной стороны, продемонстрировал свое неоднозначное отношение к роли войн в истории человеческой цивилизации, а с другой – остро осудил несправедливые («истребительные») войны. Он считал антагонизмы и конфликты не препятствием или угрозой для общества и государства, а предпосылкой и источником их развития. Последнее, вне всякого сомнения, сыграло существенную роль в зарождении общей конфликтологии, а позже и этнополитической конфликтологии.

Главную вину за развязывание войн И. Кант возлагал на «глав государств, которые никогда не могут пресытиться войной» [13, с. 88]. Он едва ли не впервые связал причину войны с ростом армий. По этому поводу он отмечал: «Будучи постоянно готовы к войне, армии непрестанно угрожают ею другим государствам» [13, с. 90]. Пожалуй, никто до И. Канта не мог так точно указать на опасность гонки вооружений и предостеречь человечество от угрозы самоуничтожения, которая сегодня «дамокловым мечом» висит над ним.

И. Кант продемонстрировал непоколебимую веру в победу здравого смысла и инстинкта самосохранения человечества, которые способны предотвратить угрозу самоуничтожения, и разработал фундаментальные принципы, принятие и соблюдение которых могло бы способствовать установлению и сохранению «вечного мира» на земле. Эти принципы он изложил в шести пунктах, известных как «прелиминарии», т.е. предпосылки предотвращения эскалации конфликтов и возникновения войн. И. Кант, во-первых, требовал запретить истребительную войну: «Подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть, безусловно, запрещены» [13, с. 92]. Во-вторых, он настаивал на том, что «состояние мира должно быть установлено» [13, с. 94]. В-третьих, он обращал особое внимание на то, что «ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны» [13, с. 88]. В-четвертых, И. Кант был убежден в том, что «постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть» [13, с. 90]. В-пятых, актуально его утверждение, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств» [13, с. 91]. В-шестых, актуальным остается и такое его требование: «Ни одно государство во время войны с другим государством не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну» [13, с. 91–92].

Особого внимания в контексте этнополитической конфликтологии заслуживают мысли И. Канта о влиянии полиэтничности населения большинства стран на проблемы войны и мира. Имея в виду этнические различия народов, он абсолютно корректно утверждал: «Это различие хотя и влечет за собой склонность к взаимной ненависти и по-

вод к войне, но с ростом культуры и при постепенном приближении людей к большому согласию в принципах вызывает общее стремление жить в мире» [13, с. 113]. Заключительные слова трактата свидетельствуют о непоколебимой вере И. Канта в то, что вечный мир «является не пустой идеей, а задачей, которая постепенно разрешается и ...становится все ближе к осуществлению» [13, с. 134]. Надежды на достижение этой жизненно важной задачи он возлагал на сами народы, а также на юристов и философов.

Итак, теоретическое наследие И. Канта стало весомым вкладом в развитие науки о мире и войне и зарождение этнополитической конфликтологии. Идеи немецкого философа и ныне оказывают заметное влияние на исследователей этой проблематики. Таким образом, прав современный японский ученый Хироо Накамура, утверждавший: «Решающую же роль здесь сыграл И. Кант, потому что он первый и единственный мыслитель, который смог подвести вопрос о философском обосновании вечного мира к логическому завершению» [14, с. 10].

Заслуживают упоминания идеи о войне и мире еще одного немецкого мыслителя **Йозефа Гёрреса** (1776–1848), изложенные им в работе «**Общий мир – идеал**» (1798). Корректным представляется его сравнение войны с болезнью, которую можно и нужно лечить. Война – «это возбужденное состояние страстей рассорившихся наций; ...это психологическая болезнь нации: незадолго до примирения в этой болезни наступает кризис, который и допускает затем наступление бесстрастного, здорового состояния мира» [15, с. 266–267]. Интересен и предложенный им алгоритм прекращения войны и восстановления мира: «Заменяя состояние общей войны состоянием общего мира, нации прерывают единственное, какое существовало между ними, отношение войны, т.е. они заключают перемирие... Во время перемирия оборванные нити одна за другой постепенно связываются, и так восстанавливается нарушенное состояние здоровья» [15, с. 267]. Таким образом, болезни под названием «войны» или «вооруженные этнополитические конфликты» могут «лечиться» – дело лишь за мудростью и политической волей тех, кто их начинал или причастен к эскалации. Немало усилий приложил Й. Гёррес и для разработки законов, которые бы предотвращали нарастание конфликтов и возникновение войн и способствовали бы достижению мира [15, с. 282]. В целом идеи Й. Гёрреса пополнили сокровищницу знаний о вооруженных конфликтах и войнах, путях и методах предотвращения их эскалации и достижения мира.

Стоит вспомнить и о вкладе в развитие науки о мире, войне и вооруженных конфликтах известного немецко-австрийского мыслителя и политического деятеля **Фридриха фон Генца** (1764–1832). В трактате «**О вечном мире**» (1800) он четко заявил, что «войны быть не должно», что война должна быть «навек изгнана из общества», а мир – это «высшее политическое благо в мире» [16, с. 318]. Он также выступал в защиту тех мыслителей, которые разрабатывали и популяризировали идеи мира: «Вечный мир ...отнюдь не греза, порожденная склонным к фантазиям и мечтаниям воображением, а серьезная, глубокая, величайшая идея, определенная задача, более того, требование разума, необходимый результат прогрессирующего развития наших понятий о праве, порядке и нравственности в грандиозной целостности объединенного человечества» [16, с. 317].

Наибольшая заслуга Ф. Генца – предложенные им пути иссредства предотвращения войн и конфликтов и достижения мира. В частности, «чтобы раз и навсегда воспрепятствовать нациям ...вступать в войну» нужны: 1) «абсолютное объединение всех наций в одно государство, в результате чего отпадут все коллизии, возникающие из существования отдельных правительств»; 2) «такой строй государств, при котором интересы одних ...перестают ущемлять права других»; 3) «организация некоего общественного целого, созданного этими народами, при помощи которого их конфликты должны разрешаться мирным путем и иным способом разрешаться не могут» [16, с. 319]. Правда, он сразу же признал, что первые два средства «следует считать ненастоящими» в силу

невозможности их реализации, и поэтому они не могут быть «подлинной панацеей для длительного мира» [16, с. 322].

Ф. Генц одним из первых обратил внимание на роль государственной политики, которую он считал наукой о предотвращении вооруженных конфликтов и войн. Ее «великая задача, – подчеркивал он, – постоянно направлять и упорядочивать отношения между государствами таким образом, чтобы они по возможности приближались к состоянию законного устройства гражданского общества; она должна устранять поводы к войне, пока еще остается хоть одно средство для мирного урегулирования конфликта; а если война неизбежна, то из самих последствий войны вывести лучший порядок вещей и более гарантированное, насколько это возможно, мирное состояние» [16, с. 336]. Ф. Генц четко сформулировал и идею необходимости формирования гражданского общества, установление которого, по его убеждению, должно положить конец не только вооруженным конфликтам внутри самих государств, но и войнам между ними: «Тот же путь, который ведет к совершенствованию связи в гражданском обществе и, следовательно, к миру внутри государств, ведет к миру и в общественных отношениях между нациями» [16, с. 344].

С точки зрения этнополитической конфликтологии интересны прогнозы, которые Ф. Генц связывал с будущей наукой о вооруженных конфликтах, войнах и мире: «Если бы существовала наука, которая обучала бы средствам установления *вечного* мира, она была бы наивысшей из всех известных человечеству наук. Поскольку же такой науки не существует, следует с уважением относиться к той, которая в своем совершенном выражении закладывает основу *наиболее длительного мира*» (курсив Ф. Генца – *О. М-К.*) [16, с. 336]. Сегодня такие науки, в частности, полемология и мирология, уже существуют и развиваются. Более того, происходит становление еще одной отрасли научного знания – этнополитической конфликтологии, призванной предотвращать эскалацию этнополитических конфликтов и цивилизованно их урегулировать.

Таким образом, теоретическое наследие Ф. Генца тоже можно отнести к значительному вкладу в развитие указанных наук.

Заключение

Обострение международных отношений, гонка вооружений, многочисленные вооруженные этнополитические конфликты в разных странах и регионах планеты усилили интерес и актуализировали исследование проблем войны и мира, в частности, творческое наследие философов эпохи Возрождения и Нового времени. Ведь именно тогда и именно ими были разработаны первые фундаментальные концепции и высказаны методологические, теоретические и практические идеи о предотвращении эскалации конфликтов, недопущении развязывания войн, о восстановлении и сохранении мира. Значительная часть этих идей и рекомендаций, к сожалению, оказалась невостребованной. Но на страницах своих трактатов мыслители Возрождения и Нового времени пытались «докопаться» до настоящих причин войн, страстно мечтали о «вечном мире» и искали пути и средства его достижения. Ряд этих идей и рекомендаций были воплощены в жизнь, что, видимо, уберегло человечество от самоуничтожения. Но многие концепции этих ученых ждут своих настойчивых исследователей и мудрых государственных деятелей, способных воплотить их в жизнь на благо достижения такого долгожданного и выстраданного многими поколениями «вечного мира».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dubois, P. The Recovery of the Holy Land / P. Dubois. – New York : Columbia University Press, 1956. – 251 p.

2. Кембаев, Ж. М. Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности / Ж. М. Кембаев – Алматы – Астана, 2012. – С. 53–59.
3. Орлов, А. А. Идея естественного права в «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464 год) / А. А. Орлов // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. – 2010. – № 1. – С. 34–44.
4. Роттердамский, Э. Жалоба мира (1517) [Электронный ресурс] / Э. Роттердамский. – М. : Советская Россия, 1991. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/FILO-SOF/ERAZM/mir.txt>. – Дата доступа: 27.11.2016.
5. Кобів, Й. Еразм Роттердамський і його сатиричне перо [Електронний ресурс] / Й. Кобів. – Режим доступу: ae-lib.org.ua/texts/kobiv_erasmus_ua.htm. – Дата доступу: 25.11.2016.
6. Крюсе, Э. Новый Киней, или Рассуждение о состоянии, предоставляющем возможности и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире / Э. Крюсе // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 60–114.
7. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
8. Крылов, С. Б. От научного редактора / С. Б. Крылов // Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – С. 3–5.
9. Пенн, У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания Европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств / У. Пенн // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 115–135.
10. Сен-Пьер, Ш. И. Избранные места из Проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо) / Ш. И. де Сен-Пьер // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 136–161.
11. Руссо, Ж.-Ж. Суждение о вечном мире / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 162–172.
12. Бентам, И. План всеобщего и вечного мира / И. Бентам // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 173–204.
13. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Избранное : в 3 т. / науч. ред. и авт. вступ. ст. Л. А. Калининков. – Калининград, 1998. – Т. 2. – С. 87–134.
14. Накамура, Х. Путь Канта к вечному миру в XXI веке / Х. Накамура // Кантовский сборник. – Вып. 4. – 2013. – С. 7–14.
15. Гёррес, И. Всеобщий мир – идеал / И. Гёррес // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 259–315.
16. Генц, Ф. О вечном мире / Ф. Генц // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 316–350.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2017

Marukhovska-Kartunova O.A. Actualization of Philosophical Ideas about «Perpetual Peace» of the Thinkers of the Renaissance and Modern Times

In the article the basic philosophical ideas of the thinkers of the Renaissance and the Modern Age devoted to the problems of the peace, war and armed ethnopolitical conflicts are examined. It is confirmed that the sources of these ideas go away to theoretical heritage of the thinkers of the Middle Ages. It is proven that the thinkers of those epochs devoted basic attention to the analysis of essence and reasons of origin of wars and armed conflicts, and also research of the most effective ways and methods of achievement and peacekeeping both into the states and between them. The evolution of the mentioned ideas and real contribution of each of the most known thinkers of that time in development of polemology (science about war) and science about the peace, which is suggested to call «peacelogy», and also in the origin of a new sphere of scientific knowledge – ethnopolitical conflict studies – are shown.

УДК 17 (091) (043.3)

М.Г. Шатернік

магістр філос. наук, аспірант каф. філасофіі культуры
Белорусскаго дзяржаўнага ўніверсітэта
e-mail: 33mg@mail.ru

СРАВНЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ДИСКУРСА М. ФУКО И Ю. ХАБЕРМАСА

Компаративный анализ философско-этических подходов к дискурсу М. Фуко и Ю. Хабермаса осуществляется на основании реализации дискурсного подхода в этике. Критериями для сравнения выступили онтологические, гносеологические, телеологические, аксиологические и методологические особенности их дискурсных подходов к этике. Подход М. Фуко в большей степени ориентирован на выявление сущностных характеристик дискурса как онтологического и гносеологического основания моральных понятий и суждений. Изыскания Ю. Хабермаса направлены на поиск коммуникативных и аргументативных путей обоснования притязаний моральных истин на всеобщую значимость. Подход М. Фуко открывает перспективы для онтологического обоснования дискурсной методологии анализа морали в рамках постнеклассической этики. Идеи, выработанные Ю. Хабермасом, могут быть применены для исследования коммуникативного аспекта морального дискурса.

Введение

Современная этика все больше склоняется к трактовке морали в контексте теории дискурса. Дискурсный подход до сих пор остается весьма неоднородным трендом в социогуманитарных исследованиях, а в этической науке названная трактовка является нововведением, приводящим к пересмотру фундаментальных оснований самой морали. Наиболее значимыми персоналиями, в чьем философском творчестве объединены теория дискурса и этическая проблематика, являются М. Фуко и Ю. Хабермас. Хотя понятие «дискурс» для обоих мыслителей является ключевым, сопоставление их теорий дискурса не стало предметом специального анализа. В современной научной литературе можно встретить исследование их роли в разработке критической социальной теории [1] или принципов построения гражданского общества [2]. Таким образом, сравнение подходов этих авторов к реализации дискурсного подхода в этике представляется весьма актуальным.

Несмотря на то, что и М. Фуко, и Ю. Хабермас использовали дискурсный подход к морали, нетрудно заметить несовпадение проблемных полей их исследований. Причиной тому, как представляется, послужили различия в базовых философско-методологических основаниях их теорий. Теория М. Фуко в полной мере соответствует специфике постнеклассической философии, в рамках которой, собственно, и сформировался дискурсный подход в его современном виде. Это стало возможным благодаря особенностям французской традиции философствования, в которой идеи структурализма и постструктурализма занимали особое место. В результате обогащения идеями лингвистики и литературной критики в философии развивается новая онтология, происходит стирание границ между субъектом и объектом, распространяется понимание процесса исследования как конструирования смысла объекта, себя самого, социальной реальности.

Философско-методологические основания теории Ю. Хабермаса детерминированы особенностями традиции немецкой критической философии, к которой, несомненно, принадлежит Ю. Хабермас и в основе которой лежит рационализм, усиленный завещанным К. Марксом стремлением «не объяснять мир, но изменять его». Поэтому дискурс в философии Ю. Хабермаса предстает как деятельность по изменению социальной реальности посредством выявления лучшего, разумного аргумента.

Научный руководитель – Е.Н. Беляева, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

Вместо хабермасовского вопроса о том, как достигается знание о «правильных» моральных усмотрениях, М. Фуко ставит вопрос о самом познающем субъекте, об онтологических и социальных механизмах языка, делающих наше знание о человеке таким, какое оно есть.

Между тем у данных мыслителей есть и общее. Это философская ориентация на критическое исследование и познание культуры, в которой только человек и способен увидеть свое истинное лицо, а также методологическое обращение к дискурсу как способу решения гносеологических проблем морального знания, знания добра и зла.

Предлагаемые ниже параметры сравнения позволяют не только вычленить общее и особенное в идеях М. Фуко и Ю. Хабермаса, но и определить, для решения каких этических проблем дискурсивный подход стал необходимым.

Гносеологическая проблема природы моральных истин

Подход М. Фуко к дискурсу инспирирован интересом к истории идей и истории познания. Его интересовали механизмы формирования знания и понятий о том, что «нормально» и что таковым не является, о том, что «хорошо» и что представляется «плохим» в определенную эпоху. М. Фуко интересуют периоды большой длительности, образующиеся в историческом познании, то, как образуются и как связываются данные совокупности, а также прерывности, которые отделяют одно образование от другого. Другими словами, Фуко интересуется структура таких совокупностей, которые он называет дискурсивными формациями, их универсальные онтологические свойства и их исторические импликации.

Исследования Ю. Хабермаса спровоцированы интересом к одной из основных проблем этики – возможности построения истинных моральных суждений. Нонкогнитивистским моделям он противопоставил идею о рациональной природе морали, проявляющейся в аргументированном дискурсе. Таким образом, обращение к дискурсу является общим методологическим ходом для обоих мыслителей, ведущим к обоснованию возможности истины, в том числе моральной.

Ю. Хабермас разработал концепцию моральной истины, которая включает следующие принципы: а) интерсубъективность (признание всеми участниками дискурса притязаний некоего тезиса на нормативную значимость); б) доказательность (моральная истинность обеспечивается силой лучшего аргумента); в) действенность (моральное усмотрение является истинным, если оно наиболее эффективно).

В концепции истины М. Фуко явно присутствуют ноты релятивизма: поскольку машина дискурса определяет значения понятий в конкретном месте и в конкретное время, постольку истина, добро, норма исторически изменчивы. Познать истинность моральных суждений для Ю. Хабермаса – значит дискурсивно определить такое состояние моральных усмотрений, которое было бы максимально аргументированным и действенным в определенной ситуации. М. Фуко более сдержан в этом вопросе и считает, что истинность и ложность – это категории логические, а прагматика зависит от конкретных условий, которые перманентно текучи.

Теория морального дискурса и онтология

Теория М. Фуко предстает как фундаментальная, онтологически обоснованная концепция. Сам дух дискурсивного подхода отсылает к тому, что бытие, по крайней мере социальное, дискурсивно организовано. Оно может быть понято как текст или книга. В такой организации есть как универсальные принципы, так и исторические, определяющие практику различного применения общих фундаментальных принципов. По сути, можно говорить о диахронном и синхронном членении дискурсов. В поздних работах французский мыслитель понимает дискурс как онтологию языка и, соответственно, со-

циальной реальности: как совокупность высказываний, фиксирующих исторически меняющиеся способы производства знания [3]; как социальный механизм порождения высказываний о нормах [4]. На уровне практической актуализации философ ведет речь о дискурсах как матрицах практического мышления, или «технологиях» [5, с. 99–100]. Например, можно говорить о технологиях вещей, знаковых систем, власти и технологии себя, которые постоянно взаимодействуют. В этом контексте моральный дискурс может быть понят как технология себя, как историческая форма морали, как семиотика морали, как моральная матрица, претендующая на власть задавать социальные смыслы, как правило моральной оценки *события* вещей.

Ю. Хабермас отмечал, что считает метафизику ложным основанием для объяснения феномена морали, так как «теории метафизического типа ...проходят мимо нуждающихся в объяснении феноменов уже постольку, поскольку они понимают нормативные предложения по ложному образцу» [6, с. 68–69]. Он исходит из когнитивной модели морали как знания. Моральные феномены, полагает философ, раскрываются в ходе формально-прагматического исследования коммуникативных действий, в которых акторы ориентируются на взаимные притязания на значимость. Поэтому моральный дискурс – явление коммуникативно-аргументативное, имеющее чисто прагматические цели.

Моральный дискурс и моральная коммуникация

М. Фуко рассматривает знание сквозь призму феномена рекуррентности, который состоит в том, что текучесть и изменение в настоящем перераспределяют понимание прошлого, делают его неоднородным, образуют несколько форм соединения элементов дискурса, иерархий степеней важности, несколько телеологий. В соответствии с такими постмодернистскими идеями единство знания обеспечивается не столько душой эпохи, группы, школы, но структурой, которой обладает произведение, книга, текст. В основе перманентных преобразований дискурса лежит принципиальная рекуррентность его структуры. Поэтому М. Фуко прежде всего обращает внимание на факторы, относящиеся к самой структуре дискурса, моральная коммуникация протекает между его элементами как акт логического взаимодействия. Трансформации структуры определяют порядок морального дискурса и в итоге находят свою вербальную объективацию в коммуникации людей. М. Фуко понимает дискурс как историческое по форме, но универсальное по сути структурно-логическое образование, в лоне которого протекает процесс смыслообразования. Вербальная объективация является лишь феноменологическим проявлением дискурса. Таким образом, для М. Фуко моральный дискурс не имеет вербальной коммуникативной природы. Напротив, его саморазвивающиеся структуры определяют характер реальной коммуникации.

Подход Ю. Хабермаса принципиально отличается тем, что дискурс рассматривается им как множество актов вербальной коммуникации, или аргументации. В поле зрения Ю. Хабермаса прежде всего находится коммуникативное действие, в основе которого лежит интенция, приводящая в итоге притязания различных субъектов на универсальную значимость своих моральных усмотрений к консенсусу. Моральный дискурс, таким образом, рассматривается Ю. Хабермасом исключительно с коммуникативно-аргументативной стороны.

Дискурс: детерминант или функция?

У М. Фуко дискурс первичен по отношению к характеристикам и вещей, и идей. Соответственно, на уровне смыслообразования он является детерминантом социальной реальности. Для субъекта, погруженного в определенный дискурс, другой дискурс недоступен, и, наоборот, как только происходит погружение в другой дискурс, недоступным становится дискурс предшествующий. Точнее, он становится цитацией, или от-

сылкой, в новом дискурсе, он обогащает собой новый дискурс, но в первоначальном виде уже не функционирует. Применительно к моральной реальности дискурс выступает детерминантом в том плане, что именно дискурсивные механизмы и техники определяют смысл моральной реальности.

Ю. Хабермас находит социальную реальность, с которой мы соотносимся в регулятивных речевых действиях, уже изначально переплетенной с притязаниями на нормативную значимость. Общественная реальность приобретает моральное измерение, и, соответственно, бытие благодаря множеству притязаний на нормативную значимость, а признание истинности тех или иных притязаний сообщает реальности определенную моральную форму.

Для Ю. Хабермаса важны именно те моральные высказывания, которые могут быть истинными, потому что именно они конституируют социальную реальность. Притязания высказываний на истинность никоим образом «не квартируют» внутри самих вещей, а имеют место лишь в констативных высказываниях, опосредуя тем самым некую взаимозависимость между языком и социальным миром, в то время как действительное положение вещей существует вне зависимости от того, констатированы ли они посредством истинных предложений или нет.

Одна из главных функций дискурса, по Хабермасу, – корректировка социальной реальности, наделение ее истинными, т.е. «правильными» усмотрениями. Такая задача решается посредством проведения аргументированных дискуссий, реализующихся в дискурсе о моральных принципах. В моральной аргументации речь идет о том, что «должно делать то или другое, а не о том, каково обстояние вещей» [6, с. 82]. Методом корректировки социальной реальности является критика морали: «в то время как теоретическая критика вводящего нас в заблуждение повседневного опыта служит корректировке мнений и ожиданий, критика морали служит изменению образа действий или корректировке выносимых о нем суждений» [6, с. 80].

Таким образом, исследуя происхождение норм морали, М. Фуко обнаружил ее детерминированность дискурсом. Ю. Хабермас при изучении функционирования моральных феноменов полагал, что воспринимаемая социальная реальность задается самим притязанием на значимость. Истинная, или «корректная», социальная реальность является таковой благодаря истинности констативных моральных высказываний, их критической обоснованности посредством коммуникативно-аргументативных свойств дискурса.

Проблема обоснования моральных предписаний

Ю. Хабермас обращается к дискурсу с целью ответить на вопрос, каким способом могут быть обоснованы моральные предписания и нормы. С его точки зрения, моральные обоснования связаны с дискурсом, с реальным проведением аргументированных дискуссий не по прагматическим соображениям, не ради достижения равенства власти, а по внутренним причинам, для того «чтобы создать возможность для правильных моральных усмотрений» [6, с. 90].

Обосновывая значимость моральных предписаний, Ю. Хабермас говорит о связующем принципе, на основании которого достигается консенсус относительно этой значимости. Согласно этике дискурса, та или иная норма может претендовать на значимость лишь в том случае, если все участники практического дискурса, до кого она имеет касательство, достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу. Этика дискурса, таким образом, покоится на двух допущениях: во-первых, притязания на нормативную значимость обладают когнитивным смыслом и могут рассматриваться подобно притязаниям на истинность; во-вторых, обоснование норм и предписаний требует осуществления реального (не монологического) дискурса [6, с. 108].

По мысли М. Фуко, добраться до истоков дискурса, на основании которых можно было бы прийти к консенсусу, довольно сложно: он всегда ускользает, превращается в подавленное присутствие того, чего он не говорит, покоясь на безмолвном следе сказанного. В этом плане дискурс предстает скорее как помеха в обосновании истинности моральных предписаний. Мало того что дискурсы обладают властной способностью смыслообразования – в социальном измерении они транслируют властные интенции инстанций, пытающихся ими управлять. Поэтому объективное обоснование моральных высказываний оказывается принципиально недостижимым из-за невозможности избежать их дискурсивной нагруженности. Если говорить о субъективном обосновании морали, то здесь, скорее, следует говорить об «археологии» дискурсивных моральных пресуппозиций, имманентных определенному дискурсу. Впрочем, в поздних работах М. Фуко концентрируется на принципиальном вопросе обоснования морали – на вопросе о субъективности.

Роль субъекта дискурса

Для понимания роли и статуса субъекта в философии М. Фуко, нужно иметь в виду, что речь может идти о двух формах субъективности: универсальной и исторической. Посредством анализа дельфийских заповедей, лежащих в основе европейской культуры и соответствующей этой культуре форме субъективности, М. Фуко пришел к понятию исторического субъекта. Он обнаружил, что считавшаяся фундаментальной для европейской культуры заповедь «*gnothi seauton*» (познай самого себя) в ряде важных текстов может пониматься как следствие, как одна из форм заповеди «*epimeleia heautou*» (заботы о себе). «Я думаю, что, возможно, вопрос “*epimeleia heautou*” слишком долго пребывал в тени, куда его задвинул престиж “*gnothi seauton*”, и пора его из этой тени вывести» [7, с. 20]. Тем самым французский философ реконструировал историческую форму европейской морали, основанную на сформулированной Сократом заботе «о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше» [7, с. 18].

Что касается вопроса о возможности универсальной, неисторической субъективности, то первоначально в концепции М. Фуко субъект был отодвинут дискурсом на второй план. Сознание трактовалось как область, где происходит когнитивная объективация дискурсивных структур. Поскольку структура дискурса бесконечно сложна, постольку индивидуальность субъекта рассматривалась как следствие дискурсивных процессов. Как писал Фуко, «речь идет о том, чтобы отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса» [8, с. 40]. Однако при исследовании исторических форм субъективности было выяснено, что ее основа находится не в знании, но в самой критической активности. В позднем интервью М. Фуко говорил: «Я охарактеризовал бы философский этос, внутренне присущий критической онтологии нас самих, как историко-практическое испытание границ, которые мы можем пересечь, и, следовательно, как нашу работу над самими собой в качестве свободных существ» [9, с. 24]. Ярчайшим выражением подлинной человечности субъекта является, по М. Фуко, философская деятельность, ибо она есть «критическая работа мысли над самой собой». Такая деятельность инспирирована непосредственной активностью неисторического субъекта, который не может быть втиснут в рамки дискурса. Таким образом, от функции дискурса статус субъекта смещается в сторону его активного, критически ориентированного творца собственной исторической субъективности.

Отношение Ю. Хабермаса к идее субъекта довольно прозрачно. Немецкий мыслитель полагает субъекта не только участником, но и автором дискурса, в котором посредством наилучшего аргумента находится наиболее приемлемое для всех участников дискуссии моральное усмотрение.

Заклучение

Несмотря на парадигмальные расхождения, на метафизичность построений М. Фуко и антиметафизичность рассуждений Ю. Хабермаса, оба философа обращаются к дискурсу как способу решения гносеологических, онтологических и логических проблем морального знания. Основанные на различных философско-методологических установках, данные концепции могут быть совместимы и даже взаимодополнительны.

По мысли М. Фуко, человек живет под властью дискурса. Это значит, что моральный субъект, дабы сохранить самость и собственную человечность, должен проводить определенную критическую работу, осознавать дискурсивную природу социальной реальности, чтобы не попасть в сети бездушной машины дискурса. Подход М. Фуко открывает перспективы для онтологического обоснования морального дискурса в рамках постнеклассической этики. В этом плане моральный дискурс может пониматься как объективный механизм образования смысла моральных понятий и как область конституирования морального смысла социальной реальности на когнитивном уровне.

Ю. Хабермас предлагает для решения этических проблем использовать рационально организованную дискуссию, направленную на установление наилучшего аргумента. Данный подход ценен для исследования коммуникативного аспекта морального дискурса, направленного на поиск компромисса, устраивающего всех участников дискурса и признаваемого бесспорным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фурс, В. Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории / В. Н. Фурс // Логос. – 2002. – № 2. – С. 120–152.
2. Фливерберг, Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Фливерберг // Социол. исследования. – 2000. – № 2. – С. 127–136.
3. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
4. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности / М. Фуко. – М., 1996. – С. 47–96.
5. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
6. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.
7. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
8. Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности / М. Фуко. – М., 1996. – С. 7–46.
9. Колесников, А. С. Мишель Фуко и его «Археология знания» / А. С. Колесников // Археология знания / М. Фуко. – СПб., 2004. – С. 5–30.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2016

Shatsernik M.G. A Comparative Analysis of the Philosophical and Ethical Theory of Discourse by M. Foucault and J. Habermas

The article presents a comparative analysis of approaches to the discourse of M. Foucault and J. Habermas. It is carried out on the basis of the implementation of the discursive approach to ethics. The criteria for comparison were the paradigmatic, ontological, teleological, epistemological, methodological features of discursive approach to ethics. Foucault's approach is focused on the identification of the essential characteristics of discourse as the ontological and epistemological foundation of moral concepts and judgments. J. Habermas's research studies were focused on finding the ways of communicative and argumentative methodology in order to justify universal significance of moral truths. Michel Foucault's approach offers the prospect of an ontological justification of discursive methodology of morality within postnonclassical ethics. The ideas developed by J. Habermas can be applied to the study of the communicative aspects of moral discourse.

УДК 165.62

Е.И. Жук

магістр філос. наук, аспірант каф. філасофіі культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: Zhuke93@gmail.com

ПРОБЛЕМА МОЛЧАНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЯЗЫКА МОРИСА МЕРЛО-ПОНТИ

Принципиальным для Мерло-Понти представляется указание на то, что молчание является осмысленным как акт признания того, что конечное человеческое сознание неспособно проникнуть в глубинные тайны «плоти мира» и Другого. Осознанное молчание как модус использования языка предстает актом примирения человека с судьбой заброшенного в мир существа, сознание которого пытается вырваться за рамки конечного телесного существования, остающегося не столько «тюрьмой», сколько почвой, из которой произрастают все активности включая познавательную. Специфика понимания молчания у М. Мерло-Понти отражена сквозь переход от описания его полемики с картезианской традицией в ее невнимании к единству речи и Cogito к соотнесению ситуаций непроговариваемого и феномена молчания. Это приводит к обозрению онтологии мира, выстраиваемой в попытке преодоления субъект-объектной оппозиции в исследовании восприятия и утверждении изначального переплетения Я, Другого и Мира, воспринимающего и воспринимаемого, молчания и речи.

Введение

Целью статьи является содержательная реконструкция проблемы молчания в интерпретации Мориса Мерло-Понти, которая наиболее существенно представлена в его незавершенном труде «Видимое и невидимое» и является составной частью его феноменологической концепции языка. В экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти концепция языка органично вплетается в контекст фундаментальных проблем человеческого бытия и обладает ярко выраженной онтологической ориентацией.

Задачи статьи – обоснование отождествления речи и Cogito в философии М. Мерло-Понти; анализ понятия «непроговариваемого»; демонстрация того, что реконструкция такого специального аспекта феноменологии языка, как проблема молчания, позволяет перейти к обозрению онтологии мира, выстраиваемой М. Мерло-Понти.

В качестве основных источников использованы наиболее известный труд М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия», в котором представлены базовые для его феноменологии языка рассуждения о языковом характере Cogito и укорененности языковой способности в человеческой телесности, а также его незавершенная книга «Видимое и невидимое», представляющая собой новый этап в творчестве мыслителя.

Отождествление речи и Cogito в философии М. Мерло-Понти

В «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти утверждает изначальное единство языка и мышления и, рассуждая о картезианском Cogito, критикует Р. Декарта, а также всю последующую традицию классической философской мысли за невнимание к значимости языка. Можно сказать, что до свершения лингвистического поворота в философии (конец XIX – начало XX в.) язык не воспринимался философами как подлинная проблема. О нем либо вовсе умалчивали, либо признавали его результатом конвенции. В любом случае в философии Нового времени язык полагался вторичным по отношению к мысли, так как был всегда лишь ее «овнешнением». Разум, таким образом, считался естественно присущим человеку познавательным инструментом. Именно разум руководил человеческим отношением к миру, конструируя смыслы о мире на пути к истине, а язык был лишь посредником в общении с другими. Притом посредником, всегда уже бывшим на своем месте по необходимости. М. Мерло-Понти пишет, что Р. Де-

карт обращается к уже говорящему субъекту. Разум понимается в контексте картезианских размышлений как наша общая природная способность, а язык – как общеизвестный инструмент передачи истин разума. М. Мерло-Понти задается вопросом, отделено ли в действительности *Cogito* от языка, и дает на него отрицательный ответ.

Он начинает с того, что в «Феноменологии восприятия» говорит о значимости слова и речи в отношении человеческого опыта. Уже здесь М. Мерло-Понти утверждает, что мысль и речь существуют в слитности и речь сама несет в себе смысл. Именно этот смысл вызывает Другого к общению. Суть отождествления речи и *Cogito* состоит в том, что речь перестает считаться простым знаком, «овнешнением» мысли, а понимается как ее осуществление. М. Мерло-Понти говорит о неизбывном человеческом стремлении к называнию вещей, которые кажутся неопределенными, пока мы не подберем им имя. Это происходит оттого, что наименование и является узнаванием вещи, постижением объекта в процессе «нагружения» его смыслом. Точно так же писатель «узнает» сюжет своей книги в процессе ее написания, потому что мысль не идет на шаг впереди речи, но сама есть речь. набросок сюжета, занимающий пару страниц, и является авторскими мыслями насчет него, которые углубятся далее в процессе размышления, равняющегося написанию.

Для М. Мерло-Понти смысл, речь могут существовать только тогда, когда они обращены к Другому: «когда Другой удерживает противоположный конец трости, которой я ощупываю мир». Именно так надстраивается культурный мир над миром человеческим, Другой – это самый первый культурный объект. Если бы мысль существовала каким-то образом вне речи, то она никогда не могла бы быть передана Другому и никогда не была бы действительно нагруженной смыслом. Здесь следует сказать о непреходящей ценности языка для человеческого сообщества, которая состоит в том, что именно речь – «это момент, когда еще молчащая и постоянно актуальная сигнификативная интенция обнаруживает себя способной включиться в культуру, мою собственную и культуру Другого, дать мне и ему форму, трансформируя смысл культурного инструментария» [1, с. 104].

В первой из своих крупных работ «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти направляет наше внимание на феномен восприятия как основу человеческого отношения с миром, основу всех наших актов. Интенции, которые населяют мое тело, сходны с интенциями Другого, однако это не дает нам возможности обмениваться восприятиями. Мы можем лишь предположить, что ощущения «шершавости» для наших пальцев похожи, но мы не в состоянии передать свой «опыт шершавости» Другому. Надо полагать, именно поэтому в более поздних работах М. Мерло-Понти серьезно углубляется в языковую проблематику. Феномен речи действительно напрямую выводит нас к интерсубъективности, давая возможность говорить о культурном, очеловеченном мире.

Следует прояснить еще один момент. Язык часто действительно кажется нам лишь инструментом, внешним приложением к нашей мысли – мы утрачиваем ощущение самобытности и силы языка. Это происходит во многом оттого, что наша повседневная жизнь заполнена устоявшимися, сформированными значениями: «Мы живем в мире, где речь учреждена» [2, с. 240]. Из-за привычности многих значений у нас есть возможность пользоваться ими не задумываясь. Даже когда мы вслушиваемся в «аутентичную речь», когда смысл, осуществляемый в ней, превосходит уже сформировавшееся поле смыслов, мы позволяем себе забыть о могуществе этой речи. В речи смысл обнажает для нас ситуацию, и язык отступает на задний план, заставляя нас с головой уйти в очарованность открывшимися новыми измерениями: «Чудо языка состоит в том, что он заставляет забыть о себе: я слежу глазами за линиями на бумаге, но с того момента, как меня захватывает то, что они обозначают, я их перестаю видеть» [2, с. 509]. Речевая способность таится в самой глубине нашего существа, непрестанно приходит

на помощь нашей интенции означивания и сама растворяет свое могущество, концентрируя наше внимание на раскрывающем горизонты смысле. Итак, произносимая речь и есть сама мысль, а мысль всегда есть речь – не существует бессловесного *Cogito*. Но всеобъемлющ ли язык, или есть все же некий мир безмолвия? Может ли речь, а значит, наша мысль объять весь мир, в котором мы живем?

«Предмет из проволоки»: вещь и непроговариваемое

В «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти еще допускает существование бессловесного *Cogito*. Однако это не означает, что у бессловесности отобраны все регалии и что альтернативы молчания как особого модуса использования языка не существует. В «Видимом и невидимом» появляются пассажи о некоем «молчании восприятия», которое можно назвать «предметом из проволоки» [3, с. 349]. Там же М. Мерло-Понти пишет о том, что необходимо прояснить проблему «молчаливого и говорящего *Cogito*». Он пишет о наивности молчаливого *Cogito*, считающего себя «адекватностью молчаливого сознания, тогда как само описание его молчания целиком и полностью опирается на способности языка» [3, с. 255]. Однако отмечает он и наивность Декарта, обращающегося к уже говорящему субъекту и не думающего о возможности молчаливого *Cogito*.

Таким образом, несмотря на окончательное отождествление мышления и речи, М. Мерло-Понти все же хочет обратить наше внимание на существование неких иных ситуаций, которые не выражены в языке. В «Видимом и невидимом» помимо упоминания «молчаливого и говорящего *Cogito*» указывается, что «необходимо молчание, которое снова окутает речь» [3, с. 255]. В «Феноменологии восприятия» сказано, что есть некое доязыковое *Cogito*, и оно названо «бессловесным» [2, с. 511]. Сам М. Мерло-Понти в «Видимом и невидимом» опровергает свою точку зрения по этому вопросу, изложенную в «Феноменологии восприятия», а значит, остается в той же проблематике. Следует предположить, что в русском переводе «Видимого и невидимого» напрасно использовано лишь одно слово – «молчание» – при наименовании двух нетождественных феноменов. М. Мерло-Понти говорит в этой книге о том, что язык не присутствует изначально в нашей сплетенности с миром, как полагал Р. Декарт, и эта ситуация замещает собой выражение «бессловесное *Cogito*», использованное в «Феноменологии восприятия». Кроме того, М. Мерло-Понти пишет о втором отсутствии языка, которое должно прийти к нам, уже существующим в языковом мире. Представляется, что два этих «отсутствия» языка в человеческом опыте отличны друг от друга и должны быть обозначены двумя терминами, а не одним. Стоит предположить, что слова «бессловесность» и «молчание» прекрасно подойдут для называния двух различных ситуаций, о которых, как нам кажется, хочет сказать М. Мерло-Понти.

Он пишет, что Р. Декарт был наивен, не озаботившись проблемой языка. Известно также, что сам М. Мерло-Понти пришел к выводу о невозможности существования мысли вне языка. Что же он хочет сказать, упрекая Р. Декарта в наивности; чего не заметил Р. Декарт за «всесилием» положения «*Cogito ergo sum*»? В «Видимом и невидимом» М. Мерло-Понти упоминает предмет из проволоки, про который нельзя сказать, сколько у него сторон или что это конкретно такое, но, тем не менее, он находится тут, рядом с нами. Представляется, что философ сравнивает такой предмет именно с «бессловесностью восприятия». Это бессловесность нашей тесной онтологической связи с миром – нечто, чего не замечает мышление, посчитавшее себя всеобъемлющим, нечто, чего не заметил Р. Декарт. Поскольку М. Мерло-Понти отождествляет речь и мышление, следует предположить, что «бессловесность» есть одновременно «немыслимость». По-видимому, он говорит не о ситуации, которая является еще не высказанной, а о ситуации, которая в принципе не может быть высказана и промыслена. В эссе

«О феноменологии языка» он пишет: «Для говорящего субъекта выражать значит осознавать. Причем он выражает нечто не только для других, но также и для того, чтобы самому знать, что же, собственно, он имеет в виду» [1, с. 102]. Мы снова вспоминаем о том, что больше не представляем собой чистое Cogito, а значит, способ нашей связи с миром посредством языка и мышления больше не является единственным. Если вместе с М. Мерло-Понти мы отказались от веры в конституирующее сознание и признали нашу телесную связь с миром, то нам нетрудно понять, что действительно существуют и бессловесные связи Я с миром. Есть нечто «не проговариваемое», подобное вышеупомянутому предмету из проволоки, нечто, о чем мы никогда не сможем сказать, что оно такое, но принимаем, что оно наличествует. В таком случае, «молчание», которое должно наступить, можно назвать «осмысленным», в отличие от «бессловесности». Оно наделено смыслом, очеловечено, как и речь, поскольку оно есть выбор позиции. Мы не являлись инициаторами своей заброшенности в этот мир, инициаторами своей природной речевой способности и наличия также «бессловесных» связей с этим миром. Но речь не может длиться бесконечно, постоянно – она всегда прерывается молчанием. Паузы в речи имеют такую же выразительную силу, как и слова. В таком случае можно сказать, что «молчание» о «бессловесном» есть мой осмысленный выбор. Это вовсе не уничтожение «бессловесного», поскольку оно так же невозможно, как и проговаривание «бессловесного». Это смирение по поводу того, что «бессловесные» ситуации моего взаимодействия с миром существуют, и прекращение попыток проговорить «бессловесное».

Таким образом, М. Мерло-Понти напоминает отчасти о периоде детства, когда ребенок еще не говорит, но уже обращается с миром, отчасти о бессилии попыток полного овладения миром, в который мы заброшены. Мир необъятен для нас, но он вызывает нашу направленность к нему, а значит, вызывает нашу интенцию овладения и означивания. Мы стремимся выразить мир, мы осмысляем и очеловечиваем его, мы передаем друг другу смысл. Тем самым мы неразрывно сплетены не только с миром, но и с Другим. Однако «бессловесность» определенных ситуаций, над которыми не властна наша речь, нисколько не отдаляет нас от мира и Другого. Напротив. Мир, а так же Я и Другой в нем всегда суть тайны для меня самого. Я живу с этими тайнами, я не отдаляюсь от них, не становлюсь в ситуацию «вовне», делая их объектом. То, что смысл, выражаемый мной, адресован Другому, связывает меня с Другим. Но то, что есть «бессловесность» взаимодействия с миром, то, что никогда не может быть переадресовано Другому, – точно так же переплетает меня с Другим, ведь и для него оно остается «бессловесным». Таким образом, наши «бессловесные» связи с миром, сознательное молчание о них, наша погруженность в речь, а значит, в культурный мир – все эти аспекты человеческого бытия-в-мире связывают Я с Другим.

С одной стороны, феномен есть способ, каковым вещи являются нашему сознанию; с другой – они являются нашим органам чувств, нашему телу, в том числе. Именно телу, а не сознанию мир является в первую очередь, одновременно с тем, как является миру само тело. Привнося из естественной установки в феноменологию признание неразрывности тела и мышления, М. Мерло-Понти, оставаясь «честным» в своей философии, не мог не сказать о важнейшем пласте человеческих отношений с миром, которые минуют наше сознание или, по крайней мере, ускользают от полного осмысления и, соответственно, заключения в словесную форму. Таково наше отношение с любым «предметом из проволоки», встречающимся на пути нашего тела, и, по сути, всякая вещь может претендовать на подобие этому «предмету», на то, что в ней есть непроговариваемое. Без сомнения, вещь, как и Другой у М. Мерло-Понти, заключает в себе некую тайну и никогда не открывает себя полностью. При встрече с Другим необходимо сделать шаг к нему, преодолеть эту завесу тайны, поверить, что перед тобой подлин-

ный Другой (здесь, разумеется, одним из основных «помощников» человека выступает именно языковая способность). Этот шаг навстречу Другому, несомненно, позволяет вступить с ним в определенные отношения; при наиболее благоприятных обстоятельствах это отношения диалогические. Но, поскольку тело вступает во взаимоотношения с миром и воспекает это мир различными способами, а не только лишь в языке, и поскольку мы признаем, что каждая вещь являет собой определенную тайну, которая никогда не может быть раскрыта, разумно предположить, что человеку следует также делать шаг навстречу вещи. Предположим, что встреча Я и вещи в ситуации признания человеком за вещью «права» на непроговариваемость ведет к особому типу взаимоотношений между человеком и вещью: скажем, не утилитарному отношению субъекта к объекту, а к отношениям некоего молчаливого согласия. Человек в данной ситуации смиряется с наличием в мире непроговариваемого и тайного, и в то же время он осознанно признает за вещью, которая хранит эту тайну, возможность влиять на него, человека, ведь человек есть тело и «весь мир скроен из той же ткани, что и оно». М. Мерло-Понти, таким образом, утверждает постоянное воздействие мира на человека, оказываемое не только со стороны других людей, но и со стороны вещей, которые с утилитарной точки зрения всегда представляют нечто пассивное. М. Мерло-Понти, признавая за вещью тайну, подобную той, что влечет нас к Другому, позволяет вещи «обратиться» к человеку и, соответственно, обращает внимание человека на вещь. Возможно, лишь дети, которые видят в вещах друзей или монстров, и художники, чье отношение к вещи является эстетическим, а не утилитарным, не утратили эту способность – действительно обращать внимание на вещи. Не обладай человек языком и мышлением, не возникло бы таких прочных связей с Другим, не надстраивался бы мир культурный над миром природным. Опыт же, который для самого человека остается во многом непроговоренным и непроговариваемым, невозможно передать Другому. Однако если философия оставит данный опыт за рамками своего исследования, она упустит огромный пласт отношения человека с миром, опыт некоего интимного взаимоотношения с вещью, который действительно нельзя сообщить Другому, но который составляет значительную часть заброшенности в мир.

Заключение

В феноменологии языка М. Мерло-Понти утверждается невозможность работы мышления вне языкового пространства и наличие в воспринимаемом нами мире ситуаций непроговариваемого. Принципиальным для М. Мерло-Понти является указание на то, что молчание является осмысленным как акт признания того, что конечное человеческое сознание, заключенное в рамки физического существования, неспособно проникнуть в глубинные тайны плоти мира и Другого. Таким образом, осознанное молчание как модус использования языка предстает неким актом перемирия между миром и человеком, в своей познавательной активности зачастую ставящем себя в позицию субъекта по отношению к миру и Другому, актом примирения человека со своей судьбой – судьбой заброшенного в мир существа, сознание которого непрестанно пытается вырваться за рамки конечного телесного существования, остающегося, как бы то ни было, не столько «тюрьмой», сколько почвой, из которой произрастают все наши активности (включая познавательную). В способности языка быть неразрывно связанным с Другим и с окружающим миром, являющимся нам, как кажется, извне и полным тайн, немалую роль играет именно молчание как особый модус использования языка. Поэтому исследование данного феномена в рамках феноменологии М. Мерло-Понти следует воспринимать не как некий экзотический экскурс в стороннюю проблематику, но как очередной кирпич в здании феноменологии языка, которая «есть в конечном счете введение к онтологии мира», как писал исследователь и переводчик работ М. Мерло-

Понти на английский язык Дж. О'Нейл [4, р. XXXI]. Специфика понимания молчания у М. Мерло-Понти и онтологическая направленность его работы с данным феноменом отражены сквозь переход от описания его полемики с картезианской традицией в ее невнимании к единству речи и Cogito к соотнесению ситуаций непроговариваемого и феномена молчания.

Итак, реконструкция такого специального аспекта феноменологии языка М. Мерло-Понти как проблема молчания приводит в конечном счете к онтологии, выстраиваемой М. Мерло-Понти в попытке преодоления субъект-объектной оппозиции в исследовании восприятия и утверждении изначального переплетения я, Другого и мира, воспринимающего и воспринимаемого, молчания и речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерло-Понти, М. О феноменологии языка / М. Мерло-Понти // Знаки. – М., 2001. – С. 95–110.
2. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 605 с.
3. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое / М. Мерло-Понти. – Минск : И. Логвинов, 2006. – 400 с.
4. O'Neill, J. Translator's introduction: language and the voice of philosophy / J. O'Neill // The prose of the world / M. Merleau-Ponty. – London, 1974. – P. XXV–XXVI.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2017

Zhuk K.I. The Problem of Silence in Merleau-Ponty's Phenomenology of Language

For Merleau-Ponty it is crucial to indicate that silence is meaningful, as an act of recognition of the fact that finite human consciousness, being «imprisoned» in physical existence, cannot penetrate into the deepest mysteries of the flesh of the world and the Other. The meaningful silence as a mode of language use appears as an act of reconciliation with the fate of creature that, being put into the world as a mortal body and, at the same time, consciousness, constantly tries to overcome the limits of physical existence. This mortal body remains, however, not as much a «prison», but rather soil, which enables all of our, including cognitive, activities. The specifics of Merleau-Ponty's understanding of silence is demonstrated in the article by transition from describing his polemic with Cartesian tradition, which stayed ignorant towards unity of speech and Cogito, to correlating the situations of «unspeakable» and the phenomenon of silence. It leads us towards ontology of the world, which Merleau-Ponty articulates in his attempts to overcome the subject-object opposition and to claim the initial intertwining of I, the Other and the world, the perceiver and the perceived, silence and speech.

УДК 114

А. Кватанія

*магістр філос. наук, аспірант каф. філасофіі культуры
Белорусскаго дзяржаўнага ўніверсітэта
e-mail: aleksi.kvatania@gmail.com*

ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТА КАК ПРЕДМЕТ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена рассмотрению феномена пространственности субъекта как предмета неклассической философии. В работе предпринята попытка экспликации пространственных характеристик субъекта и проанализирована особенность подходов к данной проблеме у западных философов, исследования которых получили широкое признание в философских кругах и оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие философской мысли. Анализируется значение феномена пространственности субъекта в становлении неклассических концепций субъективности. Концептуальная разработка проблемы пространственности субъекта различными философами предоставляет разнообразные подходы к осмыслению этого феномена и раскрывает его сложность, многоаспектность и многогранность. Подходы, разработанные на почве феноменологии, фундаментальной онтологии и онтологии повседневности, предоставляют возможность для более глубокого изучения феномена пространственности субъекта, тем самым расширяя арсенал познавательного инструментария и понятийного аппарата для понимания характера экзистенции субъекта.

Введение

Целью статьи является историко-философская реконструкция проблемы пространственности субъекта в неклассической философии. Поставленная цель достигается через решение следующих задач: 1) экспликация особенностей эволюции проблемы пространственности субъекта в европейской философии; 2) реконструкция проблемы пространственности субъекта в феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера; 3) выявление сущностных характеристик пространственности субъекта в французской философии двадцатого века.

Конец классического философствования, наступивший, как принято считать, после смерти Гегеля, связан с расширением и трансформацией поля философских исследований. В философии происходит тематизация ранее не исследованных аспектов существования субъекта (у Гуссерля речь идет о «жизненном мире»). В фундаментальной онтологии Хайдеггера мы встречаем проблематизацию «фактичности присутствия». Среди магистральных тем неклассической философии особое место занимает проблема пространственности субъекта. В работах многих европейских мыслителей анализируется взаимосвязь пространственности субъекта со структурной определенностью его сознания и самосознания. Данную ситуацию хорошо иллюстрируют слова М. Фуко: «В наши дни нас беспокоит скорее вопрос пространства, чем вопрос времени; время, вероятно, предстает всего лишь как одна из разновидностей возможного взаимодействия между перераспределяющимися в пространстве элементами» [1, с. 193].

Рост интереса к различным аспектам пространственности субъекта в современном философском познании делает необходимым глубокое и всестороннее изучение этого вопроса. Именно эта проблематика стала предметом данной статьи, где предпринята попытка экспликации пространственных характеристик субъекта и проанализирована особенность подходов к данной проблеме у западных философов, работы которых

Научный руководитель – И.М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры философского факультета Белорусского государственного университета

получили широкое признание в философских кругах и оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие философской мысли. Понимание феномена пространственности субъекта неразрывно связано с пониманием феномена пространства, поэтому необходимо коснуться характера разработки этого феномена в классической философии.

Эволюция проблемы пространственности субъекта в европейской философии

В средневековой европейской философии понимание пространственности субъекта базировалось на христианской онтологии. Само пространство понималось как иерархически сконструированное целое, в котором человек занимал отведенное ему место. Однако в эпоху Возрождения и в Новое время начинает развиваться западноевропейская наука. Складывается научное мировоззрение, ориентированное на объективную истину, добываемую через экспериментальный опыт и обоснованную через рациональную научную теорию. По словам Фуко, «подлинный скандал, произведенный Галилеем, заключался не столько в том, что он открыл, или, скорее, переоткрыл, что Земля вращается вокруг Солнца, сколько в том, что он построил пространство бесконечное – и бесконечно открытое; в итоге оказалось, что место, как его понимали Средние века, как бы растворилось» [1, с. 192]. Меняется не только понимание пространства, в котором упраздняется иерархия, но и пространственность субъекта приобретает новый статус. Точнее, пространственность субъекта отходит на второй план, в то время как особое внимание уделяется познавательной способности человека.

Не будет преувеличением сказать, что классический субъект вовсе не «нуждался» в протяженности. Единственным и достаточным атрибутом его бытия принималась его способность к достоверной самопрезентации. На заре Нового времени Декарт радикальным образом «разводит» мышление и протяженность, между которыми возникает непреодолимая пропасть. Субъект отождествляется с мышлением, которое вынуждено признать существующим еще и протяжение. Причем в метафизике Декарта оно легко поддается вычислению и однородно по всем направлениям. Взгляд Лейбница на пространство отличается от представлений Декарта и Ньютона. В его концепции пространство испытывает влияние со стороны находящихся в нем вещей и происходящих процессов. Однако, как отмечает М. Маяцкий, «в полемике двух концепций пространства, ньютоновско-картезианской и лейбницеанской, победила первая. Надолго» [2]. Соответственно и понимание пространственности субъекта также базировалось на общем понимании пространства.

Если для Декарта мышление и протяженность оставались феноменами, не сводимыми к одному знаменателю, то Кант в своей философии смог достаточно оригинальным способом расположить пространство внутри сознания в виде априорной формы чувственности наряду со временем, тем самым еще больше укрепив прочные позиции субъекта. В тоже время следует иметь в виду, что «Кант попытался прочертить твердую демаркационную линию между пространством как формой внешнего опыта и вещами, данными в этом опыте. Разумеется, речь не идет о каком-либо отношении некоего вместилища к тому, что оно вмещает в себе» [3, с. 313].

Что же касается Гегеля, то его панисторизм больше концентрировался на временном аспекте развертывания Абсолютной идеи и меньше внимания уделял феномену пространства. Хоть Гегель и утверждал, что «с cogito начинается борьба сознаний, каждое из которых ... ищет смерти другого» [1, с. 453]. Тем не менее субъект должен обладать пространственным измерением хотя бы для того, чтобы «встретить» другого субъекта, что представляется невозможным в рамках классической метафизики. Абсолютный дух абсолютно одинок. Таким образом, мы видим, что в классической философии имеет место «забвение» пространственности субъекта. Такое положение вещей объясняется самой внутренней логикой идеализма, который берет свое начало от Платона.

Идеализм в этом смысле представляет собой замкнутый, самодостаточный круг, из которого нет выхода к пространственности субъекта. Для идеализма нет возможности вести разговор о «жизненном мире» субъекта, или, по словам Хайдеггера, трансцендентальный субъект испытывает дефицит «фактичности». То же самое характерно и для метафизического материализма. Несмотря на такое положение вещей, конечно же, бесспорно, что метафизические системы вышеупомянутых мыслителей обладают цельностью и завершенностью, однако они не позволяют инициировать исследования, связанные с человеком не просто как трансцендентальным субъектом, а как существом, «переживающим» пространство и через это понимающим себя и свое «место» в мире.

Среди исследователей наблюдается единодушие относительно того, что Кьеркегор впервые в западной философии стремится поставить вопрос, который так тщательно обходится стороной классической метафизикой. Этот вопрос как раз касается способа существования человека, а именно, невозможности сводить его к простому объекту. Осуществляется различие между наличием объекта и экзистенцией субъекта. Для поиска соразмерных подходов к изучению именно феномена экзистенции требуется переосмысление понимания пространственности субъекта. Уникальность каждого отдельно взятого человека, неповторимость его внутреннего мира требуют особого познавательного подхода, способного адекватно «осветить» фундаментальные структуры его самости. На закате классического стиля философствования уже существовало понимание того, что субъект, как и любой возможный предмет познания, обладает пространственными характеристиками. Но специфика этих характеристик еще требовала ясной экспликации. Кьеркегор ввел в поле философских исследований, такие феномены, как смерть и страдание, условием возможности которых с необходимостью выступает пространственность человека. Ведь конечность субъекта гарантирована его телесностью, пространственной протяженностью, как и переживание боли и страданий. В идеалистических философских системах, возможно, конкретному субъекту отводится самая незначительная эпизодическая роль, и, соответственно, для общего замысла «мировой истории» не так важны его жизнь и смерть, как и его страхи и тревоги. Но с точки зрения самого субъекта, все это имеет огромное значение. Тем самым субъект классической метафизики «спускается» с неведомых небес и начинает приобретать «плотность». Ему приходится «считаться» с протяжением и своей конечностью. Согласно Мерло-Понти, Кьеркегор первым заявляет о том, что «абсолютное полагание одного единственного объекта означает смерть сознания, ибо оно сковывает всякий опыт, подобно тому, как кристалл, введенный в раствор, вызывает его мгновенную кристаллизацию» [3, с. 107].

Проблема пространственности субъекта в феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера

Выросшая в рамках неокантианства феноменология Гуссерля ориентирована на преодоление естественнонаучного подхода в философии. Гуссерль исходит из феномена горизонта, который составляет основание феноменологической теории пространственности. Наследуя идеи Декарта и Канта, Гуссерль также наследует и категориальный аппарат, свойственный метафизической традиции. Он, естественно, критически их переосмысливает, но все же ему не удается совершить радикального рывка, который смог бы позволить ему по-новому поставить вопрос о пространственности субъекта. Пространственность в феноменологии субъекта остается конструкцией сознания, как и любой другой феномен, с которым оно имеет дело. Его феноменологический анализ все еще перегружен «метафизической» терминологией. Свидетельством тому может служить такая его амбиция – построение «философии как строгой науки».

Научный словарь не является единственным, позволяющим говорить о пространственности субъекта, и «совершенно обосновано обратиться к интуиции и литературе, чтобы найти ненаучную форму понимания тех аспектов человеческой деятельности, которые ускользают от более точного понимания» [4, с. 155]. Это сделал Хайдеггер, которого и следует считать разработчиком совершенно нового подхода к изучению пространственности человека. Знаменитый ученик Гуссерля оказался именно тем, кто осмелился на рискованный «прыжок» из метафизической традиции. Радикальность этого «прыжка» формируется характером его рассуждений: «Пространство не становится впервые доступно только через размирщение окружающего мира, пространственность вообще открывается только на основе мира, именно так, что пространство все же конституирует мир, соответственно сущностной пространственности самого присутствия в плане его основоустройства бытия-в-мире» [5, с. 113]. Хайдеггеру первому удается найти подходящий язык, для того чтобы говорить о пространственности Dasein. Он, как и его учитель, очень критически настроен по отношению к естественнонаучному мышлению, когда речь заходит об исследовании фундаментальных структур человеческой экзистенции. Он сосредоточивает свое внимание на анализе таких феноменов, как мир, бытие-в-мире, мирность, тем самым возвращая философское мышление на неметафизическую «территорию».

Согласно Хайдеггеру, «в-чем себя-отсылающего понимания как в-видах-чего допущения сущему встретиться бытийным способом имени-дела есть феномен мира. И структура того, в видах чего присутствие себя отсылает, есть то, что составляет мирность мира» [5, с. 87]. Хайдеггер сознательно отказывается от таких понятий, как субъект, сознание, объективность, в чем и следует искать причину его успеха в вопросе исследования пространственности человека. Исследователи признают, что радикальность мышления Хайдеггера во многом обусловлена его теологическими штудиями. Отказ от метафизической терминологии снимает вопрос относительно различения внутреннего и внешнего мира, которым так много времени уделялось в трансцендентальном идеализме. Также снимается и проблема интерсубъективности. Если описывать ситуацию словами Ричарда Рорти, то словарь, предложенный Хайдеггером, лишил многие метафизические проблемы своей актуальности. Хайдеггер смог показать, что «только в Новое время “пространство” как однородная протяженность впервые “спроектировано” человеческим сознанием, отождествившим себя с субъектом» [6, с. 14].

В основном хайдеггеровская концепция пространственности человека полемизирует с естественнонаучной. Естественнонаучный дискурс устанавливает за субъектом статус особого объекта в трехмерном пространстве. Хайдеггер же утверждает, что присутствие имеет «собственное “бытие-в-пространстве”, что, однако, со своей стороны возможно только на основе бытия-в-мире вообще» [5, с. 56]. Мир для Хайдеггера не есть совокупность физических и психических объектов, как это представлено в естественнонаучной картине мира. Для Хайдеггера «понятость бытия-в-мире как сущностной структуры присутствия впервые позволяет вникнуть в экзистенциальную пространственность присутствия» [5, с. 56]. Ученый четко различает бытие-в-мире и наличие в пространстве и упрекает естественные науки в неспособности видеть это важное различие.

Несмотря на тот вклад, который внес Хайдеггер в разработку проблемы пространственности субъекта, многие исследователи критикуют его за то, что он больше внимания уделяет феномену времени, нежели пространства. К числу его критиков принадлежит современный российский философ В.И. Молчанов, по словам которого, «время есть тень пространства, или, если обойтись без метафор, эрзац пространства» [7, с. 26]. Тем не менее следует признать, что возвращение проблемы пространственности субъекта в круг философских проблем является несомненной заслугой именно Хайдеггера.

Ему удалось однозначно показать, что анализ пространственности субъекта возможен лишь в рамках фундаментальной онтологии. Его работы, несомненно, дали мощный толчок исследованиям, связанным с экзистенциальным измерением пространства, будь то пространство повседневности или пространство современного города. Благодаря этим исследованиям, которые часто носят междисциплинарный характер, пространство вообще и пространственность субъекта в частности стали предметами многочисленных теоретических поисков. Поэтому заявление о том, что «Время вытеснило космос и Бога, подчинило себе пространство, стало синонимом реальности» [8, с. 15], правильнее будет трактовать как очень красивую метафору.

Проблема пространственности субъекта во французской философии XX века

Во французской философии XX в. тема пространственности субъекта становится одной из важнейших. Для Сартра «духовность, предполагающая телесность, является экзистенциалом человеческого существования» [9, с. 45]. Феномен пространственности, присущий человеку, хорошо передан Сартром, когда он описывает ситуацию встречи с другим человеком. По его словам, «пространство целиком группируется вокруг другого, и это пространство создается вместе с моим пространством; эта перегруппировка, при которой я присутствую и которая от меня ускользает, всех объектов, населяющих мой универсум» [10, с. 278]. Сартр также считает феномен мира предусловием обнаружения пространственности человека. По его словам, «это, как бытие-качество, может появиться только на фоне мира, но мир есть набор этих (у Сартра *это* обозначает бытие-качество сущего – *А.К.*), и распадающееся отношение мира к этим образует из них пространственность» [10, с. 224]. Концепция пространственности Сартра разрабатывается на почве феноменологии, но в ней больше угадывается влияние Гуссерля, нежели Хайдеггера.

Морис Мерло-Понти в своем фундаментальном исследовании «Феноменология восприятия» очень много внимания уделяет феномену пространственности субъекта. Его подход очень близок к хайдеггеровскому, и свое понятие мира он разрабатывает, опираясь на хайдеггеровский анализ «мирности мира», который считает серьезным достижением феноменологии в целом. М. Мерло-Понти также настаивает на том, что экзистенциальное измерение пространства может быть только «субъективным», однако это вовсе не означает, что оно уступает в истинности объективному. Философ рассуждает: «Если моя рука лежит на столе, мне никогда не придет в голову сказать, что она – рядом с пепельницей, как пепельница – рядом с телефоном. Контур моего тела – это некая граница, которую обыкновенные пространственные отношения не пересекают» [3, с. 137]. Мерло-Понти подчеркивает: «Пространственность моего тела не похожа на пространственность внешних объектов или “пространственных ощущений” – пространственность позиции; она – пространственность ситуации» [3, с. 138].

Мерло-Понти заявляет: «Если вообще я могу почувствовать пространство моего тела огромным или ничтожным, вопреки свидетельству моих чувств, значит, существуют некие аффективные присутствие и протяженность, по отношению к которым объективная пространственность не является ни достаточным, ...ни даже необходимым условием» [3, с. 199]. Естественнонаучные представления о пространстве эффективны и адекватны в тех исследованиях, которые касаются природных объектов. Позицию Мерло-Понти можно охарактеризовать словами Хайдеггера: «*Dasein* не потому является пространственным, что оно телесно, но телесность возможна лишь потому, что *Dasein* пространственно в смысле предоставляющего пространство» [11, с. 133].

Пространственность субъекта главным образом есть предмет для социально-гуманитарного исследования, в то время как естественнонаучный подход тут явно терпит неудачу. Об этом как нельзя лучше свидетельствуют слова Хайдеггера, обращенные к ученым: «На самом деле слёзы вы всё-таки никогда измерить не сможете, а когда вы их измеряете, то в лучшем случае вы измеряете не слёзы, а жидкость и капли жидкости» [11, с. 133].

Заключение

В неклассической философии проблема пространственности субъекта приобретает особо важное значение. Концептуальная разработка проблемы пространственности субъекта различными философами предоставляет разнообразные подходы к осмыслению указанного феномена и раскрывает его сложность, многоаспектность и многогранность. Подходы, разработанные на почве феноменологии, фундаментальной онтологии и онтологии повседневности, предоставляют возможность для более глубокого изучения феномена пространственности субъекта, тем самым расширяя арсенал познавательного инструментария и понятийного аппарата для понимания характера экзистенции субъекта. Анализ феномена пространственности субъекта в рамках неклассической философии обнаруживает чрезвычайную важность данной проблематики почти для всех направлений новейшей западной философии. В феноменологии Гуссерля проблема пространственности субъекта не получает удовлетворительного разрешения. Его концепция «жизненного мира», несмотря на все усилия, предпринятые со стороны немецкого философа, остаётся на солипсическом фундаменте, который неизбежно вытекает из понятия сознания. В хайдеггеровской трактовке пространственности субъекта мы обнаруживаем тотальную критику естественнонаучной установки, согласно которой человек воспринимается как нечто, наличествующее в трехмерном пространстве и поддающееся измерению. Хайдеггер делает акцент на том, что указанной установке характерно перескакивание через мирность мира, без которой невозможно правильное понимание пространственности субъекта. Во французской философии XX в. пространственность субъекта исследуется с учетом достижений феноменологии и фундаментальной онтологии. Для ее представителей характерно признание производности естественнонаучных трактовок пространственности субъекта от ее экзистенциального измерения. Наконец, пространственность субъекта, как многосложный феномен, требует дальнейшего всестороннего изучения и представляет собой плодотворное поле для разработки более исчерпывающего понимания сущности самой субъективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть / М. Фуко. – М. : Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
2. Маяцкий, М. Место пространству!, или Этот очень special «spatial turn» [Электронный ресурс] / М. Маяцкий. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pushkin/Mesto-prostranstvu!> – Дата доступа: 05.10.2016.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 597 с.
4. Сокал, А. Интеллектуальные уловки / А. Сокал, Ж. Брикмон. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академ. проект, 2015. – 460 с.

6. Гагарин, А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия / А. С. Гагарин // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. – 2009. – № 9. – С. 7–26.
7. Молчанов, В. И. История и пространство. Деструкция темпоральной историчности / В. И. Молчанов // Вопр. философии. – 2013. – № 7. – С. 24–37.
8. Молчанов, В. И. Конституция пространства. Суждение и тело / В. И. Молчанов // Вопр. философии. – 2011. – № 10. – С. 155–167.
9. Бурханов, А. Р. Сартр об экзистенциалах человеческого бытия [Электронный ресурс] / А. Р. Бурханов. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhan-pol-sartrob-ekzistentsialah-chelovecheskogo-bytiya>. – Дата доступа: 05.10.2016.
10. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
11. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары / М. Хайдеггер. – Вильнюс : ЕГУ, 2012. – 406 с.
12. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. – М. : Strelka Press, 2015. – 432 с.
13. Молчанов, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007. – 456 с.
14. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Европейский нигилизм / М. Хайдеггер. – СПб., 2007. – С. 87–245.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.12.2016

Kvatania A. Master's Degree in Philosophy, Postgraduate Student The Spatiality of the Subject as the Problem of Non-classical Philosophy

This article discusses the phenomenon of spatiality as the subject of non-classical philosophy. The author explicates the spatial characteristics of the subject and analyzes the characteristics of the different philosophical approaches to the problem. In this work, we articulated the value of spatial phenomena in the development of non-classical concept of subjectivity. Conceptual development of the problem of spatiality of the subject by various philosophers provides a variety of approaches to the understanding of this phenomenon and reveals its complexity, multidimensionality and versatility. The approaches developed on the basis of phenomenology, fundamental ontology and ontology of everyday life provide an opportunity for more in-depth study of the phenomenon of spatiality of the subject, thereby expanding the arsenal of cognitive tools and conceptual apparatus for understanding the nature of the existence of the subject.

УДК 303.446.23:005.57

Ю.Н. Ермолович

магистр филол. наук, ст. преподаватель каф. философии
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы
e-mail: jularada@list.ru

РОЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Гипотезой статьи является тезис о качественной разнородности межкультурных коммуникаций, которые осуществляются между этносами, родственными в цивилизационном плане, и этносами, принадлежащими к разным цивилизациям. На стыке лингвистических концепций коммуникации, цивилизационного подхода и региональной типологии культур автор разделяет многообразие субъектов коммуникации на три группы, относящиеся к разным целостностям триединой мировой системы: Западно-Восточному и Восточнославянскому цивилизационным образованиям. Выделены существенные черты каждого из цивилизационных образований, а также характер его коммуникативного поведения. Утверждается, что черты, присущие Восточнославянскому цивилизационному образованию, согласуются с вызовами современности. Осуществление межкультурных коммуникаций в соответствии с мировоззренческими особенностями Восточнославянской цивилизации способно разрешить и смягчить многие глобальные проблемы.

Введение

Региональная типология культур, предложенная Филмером Нортропом, выделяет в качестве несводимых к общим основаниям два региона: Восток и Запад. Данное противопоставление восходит к греческим и китайским трактатам III в. до н.э., в которых о Востоке и Западе писали как о принципиально разных системах. Эта модель активно развивается современной цивилиологией. В социокультурном плане к Востоку относят Индию, Китай, страны, где доминирующей религией является ислам, а также весь Африканский континент. К Западу в самом широком смысле причисляют страны Западной Европы, Австралию и обе Америки (Южную и Латинскую).

Данная модель отражает дуальность западного мировосприятия (в соответствии с одним из законов формальной логики, сформулированным еще Аристотелем, *tertium non datur*), она всегда выбирает: белое или черное. Но человеческое разнообразие предлагает нам и другие виды логик, например, индийскую, в которой белое – это и есть черное, или китайскую, в которой белое может стать черным [1, с. 140]. Т.е. фиксируется наличие некоего промежуточного состояния, которое можно обозначить индийским словом *неди-нети* – ни то ни это.

Говоря словами А. Эйнштейна, возможность наблюдения какого-либо объекта зависит от того, с позиций какой теории мы рассматриваем мир. Поэтому если рассматривать типологию культур на мегауровне, предложенную Ф. Нортропом, славяно-русский, или восточнославянский, мир не наблюдаем. С точки зрения философов-евразийцев, славянофилов или западников, а также ряда современных философов (А.А. Панарин, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов, В.Л. Петрушак, А. П. Андреев, А.И. Селиванов и др.) он является самостоятельным, колоритным, не сводимым к другим типам цивилизационным образованием.

Сегодня можно заметить и активное исследовательское стремление к поиску универсального (Дж.П. Мэрдок, К. Уисслер) во всех социокультурных образованиях,

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

общечеловеческих ценностях, что согласуется с политикой глобализма, идеологией либерализма и позволяет говорить о политической и идеологической ангажированности при выделении мегацивилизационных обществ.

Целью данной статьи является анализ поведенческих интенций и мировоззренческих архетипов представителей разных цивилизаций. Первостепенной задачей является обоснование выделения нами именно трех центров, вокруг которых формируются цивилизации. Второстепенной – определение их особенностей, детерминирующих неповторимость и уникальность.

Наличие пласта философских работ, обосновывающих в соответствии с «триадным принципом организации действительности» [2, с. 87] идею наличия трех крупных культурно-цивилизационных образований [2–4], позволяет нам взять за отправную точку положение о наличии в мире трех цивилизаций: Западной, Восточной и Восточнославянской. Причем Западную и Восточную можно считать мегацивилизационными образованиями, поскольку они объединяют несколько цивилизаций, выделяемых по разным критериям. Восточная мегацивилизация – это совокупность китайской, индийской и ближневосточной, а также находящейся в своем становлении африканской цивилизаций. Западная мегацивилизация включает в себя западноевропейскую, североамериканскую, южноамериканскую и австралийскую. Восточнославянская цивилизация включает в себя белорусский, украинский и цивилизационно образующий русский этносы, а не целые цивилизации. Мегацивилизационные образования Запада, Востока и Восточнославянская цивилизации прежде всего качественно различны. Их территориальная несоразмерность не столь существенна.

О трех коренных силах, управлявших человеческим развитием, писал В. Соловьев. Разница между ними в следующем: «Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех ступенях его жизни одному верховному началу. ... Другая, прямо противоположная ... стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности; ... общее теряет значение реального существенного бытия, превращается в что-то отвлеченное, пустое, в формальный закон, а наконец и совсем лишается всякого смысла» [3, с. 19]. Наличие в истории человечества лишь этих двух сил привело бы к перманентной вражде и борьбе, отсутствию положительного содержания. По убеждению Соловьева, исторические условия не позволяют искать другого носителя третьей силы, кроме славянства и русского народа как его главного представителя. Наличие этой третьей силы «дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, созидая целостность общечеловеческого организма» [3, с. 20].

Соловьев в качестве ключевых представителей трех сил видел Западную цивилизацию, мусульманский Восток и Славянский мир. Сегодня реалии немного изменились. Османская империя перестала быть цельным и мощным политическим организмом, уступив первенство в своем регионе конфуцианскому Китаю. Между славянскими народами также наметилось отдаление (многие исследователи ставят под вопрос наличие на сегодняшний день общеславянской цивилизации), но ключевых регионов в своем сущностном различии так и осталось три.

Философское осмысление государственной власти позволяет выделить три типа государства, которые территориально совпадают с расположением мегацивилизационных образований и Восточнославянской цивилизации. Номократические страны (др.-греч. *номос* – закон) сформировались в западной мегацивилизации, этократические (др.-греч. *этос* – обычай) – на Востоке, а идеократические (обладающие национально-мессианской идеей, направленной как внутрь, так и вовне) – на Руси.

Ранее нами проводилось сравнение стереотипов у представителей разных цивилизаций друг о друге и был сделан вывод, что стереотипы отражают принадлежность людей к разным цивилизациям [5]. Гипотезой данной статьи является следующий тезис: принадлежность к типу цивилизации определяет поведение субъекта в межкультурной коммуникации (МкК) и, как следствие, ее характер.

Можно говорить как минимум о двух уровнях МкК: поверхностном, представленном обменом репликами с целью понять концепт, и глубинном, проходящем на уровне смыслообразов. Каждое мегацивилизационное образование в ходе многовекового социокультурного развития выработало свои смыслообразы.

Если в межнациональных МкК важно понимание сказанных реплик, следовательно, важно освоение языка, то для их в большей или меньшей степени успешного осуществления достаточно знания языка, этикета, страноведения. Они происходят в общей парадигме фундаментальных мировоззренческих установок. Так, коммуникации между англичанами и французами, французами и немцами считаются межкультурными. Есть даже ряд утвердившихся стереотипных забавных прозвищ, которыми представители этих наций наделяют друг друга. Они настолько распространены, что «зашифрованные» в них нации легко узнаются. Есть и ряд проблем в их взаимоотношениях (франкофонная проблема в Бельгии, борьба каталонцев и ирландцев за независимость). Но эти проблемы относительны, ибо всякое общество не лишено проблем и противоречий. В кризисные же периоды, а также во всех «натисках на Восток» эти противоречия ничуть не мешали данным нациям объединяться и действовать сплоченно и согласованно. О том, представители каких наций нападали на земли Российской империи и СССР в 1812, 1856, 1941 гг., пытались провести интервенцию 1918 г., написано множество работ. Из богатого исторического опыта можно заключить, что единство цивилизационной принадлежности во всех вышеперечисленных случаях являлось более существенным фактором, чем разность принадлежности национальной. Сегодня, когда мир объединяется в региональные центры развития и силы, многие исследователи также указывают на тот факт, что объединение это проходит в рамках единства цивилизаций [6; 7].

Западной мегацивилизации присуща внешняя активность, порождающая завоевательные интенции. Завоевательность в самом широком видении предполагает понимание жизни как борьбы. Это отражается в ряде философских теорий и концепций. Например, «воля к жизни» А. Шопенгауэра, где воля более высокого порядка должна подавить волю более низкого порядка, чтобы гарантировать себе существование. Или концепция «общественного договора» Дж. Локка и Т. Гоббса как способ защиты от *velum omnium contra omnes*. Рекомендации для Сверхчеловека в учении Ф. Ницше позиционируют силу как способ демонстрации своего превосходства над другими. Еще есть концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций и К. Поппера о врагах открытого общества. А также концепция А.Т. Мэхэна о «морской силе», слагаемыми которой являются военный и торговый флот и военно-морские базы и видение главной опасности для морской цивилизации в лице континентальных государств Евразии (России и Китая). Все эти концепции и теории – закономерное явление сущностной особенности Западной цивилизационной модели – ее деятельной активности.

Поскольку это ключевая интенция, то она прослеживается и в искусстве. «Моби Дик», «Выживший» и многие другие произведения литературы и кинематографии – повествования о выживании, о борьбе за существование. Эта идея вечной борьбы с чем-то внешним (условиями, обстоятельствами, врагами), перманентного ощущения окружающего мира как источника бесконечных опасностей проявляется в западной культуре повсеместно – от киноиндустрии до свинцовых подвалов в США с двухлетними запасами провианта на случай конца света и надувных лодок на чердаках в Голландии на слу-

чай затоплення. Актыўнасць, бараьба – арыбуты анімуса. І гэто пазваляе адредэліць Запад как праявлэніе мужэственнаго начала (Ремізав, Бердэев).

Западная мегацивілізацыя рэалізуе сябя ў міре чувствэннаму, она палнасьцю пагружэна ў быціе, атрыцаю метафізіку, закрываю для сябя дажэ възможнасьць наліччя небыція [8, с. 4]. Нацыянальна-стэрэатыпныя прадставлэнія еўрапэйскіх нарадоў (немецкая пунктуальнасьць, француское умэніе сябя падаць, англіійская сдржаннасьць [9, с. 110–115]) сүть праявлэнія ўкорэненнасьці ў быціі. Прадставітэлі гэтой мегацивілізацыі дэіствэнны, т.к. торапятася праявіць сябя ў вэщнаму, матэрыяльнаму міре. Славянская жэ і възточная непунктуальнасьць как бы гаворыт ў адвэт: ў жыці єсть нечто балеэ възважнэе, чэм падачынінэе дыктаму мінутой стрэлкы. І сегоднэ, когда западноэўрапэйская філасофія постмодэрна бэьтэся ў конвульсіях, заявляю о тотальной разрозненнасьці, взаімной «падастановочнасьці знакаў» і «смерці аўтара», русская і възточная філасофская традыцыі прадлагаю ясныя ідэі того, как можна гармонізіраваць адношэнія сацыокультурных сабщэств, снзыці напярэжнасьць ў міжкультурных адношэніях.

Возтоку характэрэн растворытэльны спосаб адношэніў. Совэсьць, праданнасьць, сыновняя почтытэльнасьць, гуманнасьць, інтэлект, трудолюбіе, прывэржэннасьць к сэрэднэ [10, с. 20] как клүчэвыя цэннасьці прадставітэлі кытайскай цывілізацыі являюся слэдствіем гэтого спосаба адношэніў. Вэдь еслы чэловек растворэется ў другом, тогда другой на первом мэстэ, поэтому актывна совэсьць как адвэтствэннасьць за свوی поступкы прэд другыма, праданнасьць как стрэмлэніе слүжыть другомү, почтытэльнасьць как нежеланіе обідэть другого, гуманнасьць как забота о другомү, трудолюбіе как стрэмлэніе прынесці пользу другомү і т.д. «Дэло не ў том, что для кытайцэв не сүществүет понятыў завыстлываюсці і прагматызма. Дэло ў том, что гэты понятыя ў кытайскай сүстэмэ цэннасьтэў занямаю послэдныя мэста і ў гэтом смыслэ являюся понятыямы атрыцатэльными, антгуманныма» [10, с. 21].

Інтэнцыі славяно-русской цывілізацыі, по мнэнію А.І. Селіванова, осүществляюся на основе понятыя добра [11, с. 215]. Концэпцыі саборнасьці, мессіанства, стрэмлэніе улүчыть не только свою жыць, но і жыць вэсего чэловечэства пронзываюць філасофію і поэтыку В. Соловьёва, Н. Бердэева, І. Ільіна, П. Флорэнскаго. Прычыны рождэнія такіх тэорыў і концэпцыў – праявлэніе аткрытосты Возточнаславянскай цывілізацыі. Для Возточнаславянскай цывілізацыі характэрно:

- стрэмлэніе к правдэ, справэдлывосты і смыслу жыці, а не к матэрыяльным цэннасьтэм;
- спосабаць жыть сацыяльна значымой ідэей (духовная анемія і ослаблэніе цэннасьтэў прадставляю балеэ сэрэзьную опаснасьць, чэм ізбыток воодүшевлэнія ілі склоннасьць к мифотворчэствү);
- этыкоцэнтрычнасьць как неспосабаць прыводыть чэткое разлүччэ мжэду повсэднэвными рутынными абязаннасьтэма і высшым слүжэніем;
- умэніе сагласовываць і гармонізіраваць разнородныя начала (этнычэскыя, культурныя, сацыяльныя);
- натурфіласофскыі органіцызм;
- діалоговыі архетып (вселэнская атзывчывасть, прэзүмпцыя цэннасьці другого, спосабаць к коопэрацыі с носытэляма іных тыпов опыта) [7, с. 297–299].

Історыя взаімоадношэніў западной цывілізацыі с разными нарадама знаэт сүтуацыі і «культурнаго гэтто» (для выхадцэв із стран ісламского міра во Францыі), і геноцыда (для індэйцэв ў Амэрыкэ), і ассыміляцыі как універсальной практыкы для вэсех еўрапэйскіх стран. Вхождэніе разлүччых нарадоў ў славянорусскую цывілізацыянаю общчэствэ не означаэт для ных разрыва с ісходными цывілізацыянаными сабщчэствамы.

Историческая поликультурность восточнославянского региона, его нахождение на границе Запада и Востока сформировали особые социокультурные условия, в которых творчески синтезируется опыт иных культур, избегается впадение в крайности.

Принадлежность к одному из мегацивилизационных образований влияет на диалог, определяя его темп, тематический спектр, направленность. От того, к какой мегацивилизации принадлежит субъект межкультурных коммуникаций, будет зависеть его поведение в диалоге, понимание процесса и результата диалога. Общение может происходить с разных позиций: с позиций обладания и бытия. Общение по принципу обладания воспроизводят представители Западного мира, по принципу бытия – Восточнославянского [12, с. 159].

Помимо языка, который можно услышать, записать, перевести, в МкК задействованы архетипы, коды своей цивилизационной принадлежности. В межцивилизационных МкК важно понимание глубинных мировоззренческих смыслов и мотивов, которые могут быть скрыты в этикете, неписаных нормах поведения, произведениях искусства и многом другом. Для людей, живущих с интенциями деятельности, внешней активности, единство взглядов достигается посредством убеждения других в своей точке зрения. Так, древнегреческий форум, сократический метод майевтики – это скорее способ положить собеседника на лопатки, а не достичь с ним понимания. «Эристика, или искусство побеждать в спорах» А. Шопенгауэра, в которой он дает 38 тактик ведения спора, целью которого является не истина, а успешная формальная аргументация, отсылает нас к деятельности древнегреческих софистов.

Несомненно, западные коммуникативисты являются пионерами в области МкК, разработав ряд концепций коммуникации. Но при всем методологическом разнообразии эти концепции отражают ключевые моменты западной мегацивилизационной общности. Так, прагматическая концепция коммуникации рассматривает речь как действие, но действие отражает активность, а это вновь отсылает нас к «прометеевскому» человеку Запада. Он совершает активные действия в природной и социальной среде и даже свою речь рассматривает как активное делание. Коммуникативистика зародилась в недрах Западной цивилизации и продолжает развивать способы воздействия на представителей иных цивилизаций как эффективный инструмент решения прагматических задач, в частности, расширения рынков сбыта своих промышленных товаров и услуг, продукции массмедиа, завоевание языком (увеличение числа англицизмов во многих языках и распространение английского языка как международного).

Конечно, можно привести примеры мыслителей, в концепциях которых не была радикализована интенция агрессии и стремления защититься от внешнего воздействия (теории Ю. Хабермаса, М. Бубера, представителей западной религиозной философии). Но интенция деятельности в их концепциях также сохраняется.

Диалог на Руси развивался в форме согласования и поиска решения, оптимального для всех [12, с. 160]. Славянское вече – это и есть та форма диалога, в котором после выслушивания всех точек зрения принималось решение, оптимальное для всех.

Восток производит общение, метафорически выражаясь, по принципу небытия. Оставить свой голос невысказанным, дать слово стоящему выше должности – норма этикета и субординации. В одном из учебников русского языка для японцев приводится следующий диалог: «Мама, мне звонили сегодня?» – «Да». – «Кто?» – «Никто».

Неравенство аргументации в пользу каждого цивилизационного образования позволим себе объяснить словами В. Соловья: «Современные русские ангажированы Востоком – эмоционально-аффективно и интеллектуально – несравненно меньше, чем Западом» [13, с. 127].

Диалог диалектичен по своей сути, заключая в себе конфликт и единство. Субъекты МкК являются носителями разного мировоззрения, обладают разным опытом и т.д.,

но через преодоление непохожести эти субъекты стремятся достичь понимания, т.е. единства взглядов. Но эти взгляды не могут обладать предзаданностью: или – или. Они могут быть чем-то третьим, даже не предполагавшимся. Невозможность даже мысленно допустить наличие третьего чревато впадением в крайности и перегибами. Поэтому в современном образовании необходимо преодолеть дуалистический подход. В изучении дисциплин социогуманитарного цикла необходимо одинаково серьезно рассматривать специфику, культуру, философию и основные исторические вехи Востока, Запада и Восточного славянства. Это будет способствовать более продуктивному межкультурному диалогу, в котором самое главное – способность понять архетипы.

Заклучение

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, межнациональные МкК в рамках одной цивилизации и межцивилизационные МкК качественно различны. Эти коммуникации задействуют разные пласты образов. На уровне межнациональных МкК происходит понимание реплик, концептов. Глубинный уровень МкК составляет понимание архетипов и смыслообразов, порожденных определенной цивилизацией.

Во-вторых, архетипы и смыслообразы восточнославянской цивилизации созвучны требованиям настоящего, и их использование в МкК способно оказать существенное воздействие на решение глобальных проблем современности. Межцивилизационные МкК будут проходить лучше, когда субъекты разных цивилизаций будут знать особенности друг друга, а это требует включения в образовательные программы курсов по философии и истории культуры всех цивилизационных образований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева, Т. П. Восток и Запад как путь мирового развития / Т. П. Григорьева // *Вопр. философии.* – 2015. – № 6. – С. 138–140.
2. Петрушак, В. Л. Триединство цивилизационного бытия человечества как проявление триалектической модели организации социума / В. Л. Петрашук // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі.* – 2012. – № 3. – С. 86–90.
3. Соловьев, В. С. Три силы / В. С. Соловьев // *Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев.* – М., 1989. – Т. 1. – С. 19–31.
4. Сергиенко, П. Я. Триалектическая концепция мироздания [Электронный ресурс] / П. Я. Сергиенко // *Академия Тринитаризма.* – 2004. – М., Эл. № 77–6567, публ. 11108. – Режим доступа: <http://www.trinitytas.ru>. – Дата доступа: 16.06.2016.
5. Радюк, Ю. Н. Стереотипы в межкультурной коммуникации / Ю. Н. Радюк // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія.* – 2010. – № 3 (101). – С. 96–104.
6. Кирвель, Ч. С. Современные глобальные трансформации и пути самоопределения восточнославянских народов : монография / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 547 с.
7. Романов, О. А. Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории / О. А. Романов. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 334 с.
8. Чанышев, А. Трактат о небытии / А. Чанышев // *Вопр. философии.* – 1990. – № 10. – С. 4–11.
9. Кобозева, М. Н. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / М. Н. Кобозева // *Вест. МГУ.* – Сер. 9, Филология. – 1995. – № 3. – С. 100–118.

10. Базанов, А. В. Китайская цивилизация / А. В. Базанов, Л. Е. Криштапович ; Информ.-аналитич. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2012. – 55 с.
11. Андреев, А. П. Русская традиция / А. П. Андреев, А. И. Селиванов. – М. : Алгоритм : Алгоритм-книга, 2004. – 317 с.
12. Миронова, Т. Русские идеалы в русском языке / Т. Миронова // Наш современник. – 2014. – № 1. – С. 143–165.
13. Соловей, В. Не Запад. Не Восток. Не Евразия / В. Соловей // Свободная мысль. – 2005. – № 12. – С. 111–131.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.11.2016

Ermolovich Yu.N. The Role of Civilizational Identity in Intercultural Communication

The hypothesis of the article is the thesis of the qualitative diversity of intercultural communication that takes place between the ethnic groups, related in terms of civilization and ethnic groups belonging to different civilizations.

At the junction of the linguistic concepts of communication, civilized approach and a regional typology of cultures the author divides the diversity of the subjects of communication into three groups belonging to different totalities triune systems of the world: Western, Eastern, and Eastern Slavic civilization formations. By analyzing the different concepts the author singles out the essential features of each of civilization formations, as well as the nature of its communicative behavior. The article states that the features inherent in the Eastern Slavic civilization education are consistent with the challenges of modern times. Implementation of cross-cultural communication in accordance with the peculiarities of the Eastern Slavic civilization worldview is able to resolve and mitigate many global problems.

УДК 930 (476)+357.71

Э.Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Endhause1982@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время в политической науке уже актуализировался интерес к отдельным аспектам теории прав человека. Однако неоднородность основных теоретических моделей и дефиниций, политическая ангажированность и проблема «двойных стандартов», противоречивость и неоднозначность накопленного опыта вызывают существенное расхождение позиций учёных и политиков по целому ряду вопросов. В статье представлен анализ категориального аппарата теории прав человека, предложены авторские определения понятий «права человека», «культура прав человека», «устойчивое человеческое развитие» и др., обосновывается точка зрения, согласно которой феномен прав человека требует изучения сквозь призму политической науки.

Введение

Политические, экономические, социальные, религиозные катаклизмы и многие другие проблемы повлияли на актуализацию вопросов, связанных с теоретическим, политико-правовым осмыслением и практическим обеспечением прав человека как в международном масштабе, так и в Республике Беларусь. Поэтому особую важность в политической науке приобретает разработка методологических конструктов, направленных на изучение взаимоотношений теории прав человека и политической науки. Всё это делает исследуемую проблему достаточно актуальной и в плане понимания политических практик, связанных с развитием теории прав человека и политической науки, и перспектив формирования политологии прав человека как особой отрасли научного знания.

В современной науке нет единой точки зрения в отношении государственного признания термина «права человека». Ряд исследователей утверждает, что сам термин (как и название Билля) уходит корнями в Англию. Именно там 16 декабря 1689 г. был принят «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследие короны», сокращённо именуемый «Билль о правах»; другие определяют в качестве первого политико-правового закрепления французскую «Декларацию прав человека и гражданина». Наиболее распространённая точка зрения возводит происхождение прав человека к истории Соединённых Штатов Америки: 12 июня 1776 г. был принят «Билль о правах» («Декларация прав Вирджинии»), который явился введением к Конституции американской колонии Вирджинии. К. Маркс, оценивая данный исторический документ писал, что Америка – это страна, «где была провозглашена первая декларация прав человека» [1, с. 17]. Член-корреспондент РАН, профессор Е.А. Лукашева называет вышеназванный нормативно-правовой акт «первым государственным определением прав человека» [2, с. 31]. Подобной позиции придерживается и белорусский учёный профессор политологии И.И. Котляр [3, с. 8].

Современные энциклопедические политологические источники определяют понятие «права человека» как: систему принципов и норм, регулирующих взаимоотношения между человеком (социальной общностью) и государством [4, с. 222]; понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству [5, с. 2960]; комплекс прав и свобод, которыми обладает каждый человек уже на том основании, что он является человеком [6, с. 604]. «Современный словарь политики» Т. Робертсона

относит «права человека» к семье таких понятий, как «гражданские права и свободы», «естественные права», и определяет данную категорию как права и привилегии, принадлежащие любому человеку независимо от его положения, просто на том основании, что он является человеческим существом и которые не могут быть запрещены при любой власти [7, с. 228].

В белорусской научной литературе также существуют многочисленные определения феномена. Профессор В.А. Мельник отмечает: «Права и свободы граждан – это признаваемые политическим сообществом и охраняемые посредством закона естественные возможности самореализации индивида, обеспечивающие его жизнь, достоинство и свободу (в допустимых рамках) деятельности в различных сферах общественной жизни» [8, с. 18]. «Права человека – это главное звено всех общественных процессов, которое должно привести в действие политические, экономические и социальные структуры, обеспечить преодоление разрыва между человеком и властью, человеком и экономикой, человеком и способами распределения социальных благ», – полагает профессор Л.Е. Земляков [9, с. 18].

На наш взгляд, права человека – это комплекс врождённых, всеобщих и универсальных, неделимых и неотчуждаемых свойств человека, обеспечивающих ему достойное существование как политико-правового, социального и биологического существа вне зависимости от национальной и гражданской принадлежности, пола, расы, религии, языка или любого иного дифференцирующего признака.

В отношении источника прав человека у учёных также нет единого мнения. Мыслители под источником прав человека понимают природу человека, государство, закон, индивидуализм. Международные нормативно-правовые акты утверждают в качестве источника прав человека человеческое достоинство. «Права проистекают из врождённого достоинства человека. Права человека в отношении к индивиду присущи каждому без исключения на основе принадлежности личности к человеческой общности» [10, с. 704]. Во Всеобщей декларации прав человека отмечается, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и своих правах» (ст. 1). Ряд исследователей считает, что права человека имеют божественное происхождение. На наш взгляд, права человека стали логическим завершением Реформации, означавшей коренную перестройку католической церкви и государства в соответствии с потребностями грядущей буржуазной эпохи. «Именно на этом поле битвы, – утверждает Дж. Милль, – права меньшинства были принципиально утверждены и отвергнуты притязания общества управлять диссидентами. Великие писатели, которым мир обязан религиозной терпимостью, определяли свободу совести как неоспоримое право» [11, с. 12]. Исходя из логики развития прав человека свобода совести стала предпосылкой возникновения светской концепции прав человека.

Важное теоретическое и практическое значение имеет признание различий между правами человека и правами гражданина. Их смешение, как показывает исторический опыт, чревато серьезными политическими потрясениями. Впервые подобное разграничение отмечено в «Народном соглашении» от 28 ноября 1647 г. (Великобритания): «Выборы нового парламента – это право гражданина. А религия, которую человек выбирает только в соответствии со своей совестью, – это право человека» [12]. Немецкий учёный профессор Р. Алекси выделяет пять существенных отличий прав человека: универсальность, моральная значимость, фундаментальный характер, приоритетность, абстрактность [13, с. 172.].

Конституция Республики Беларусь также отмечает различие между правами человека и правами гражданина. Использование в Основном Законе выражений «каждый имеет право», «каждому гарантируется», «каждый может», «каждый вправе», «никто»

свидетельствует о закреплении прав и свобод, обязанностей и ответственности за каждым человеком, находящимся на территории белорусского государства, независимо от того, является ли он гражданином Беларуси или лицом, имеющим вид на жительство, иностранцем, беженцем или лицом без гражданства. Вместе с тем в разделе «Личность, общество, государство» содержатся права, принадлежащие только гражданам Республики Беларусь. Права гражданина имеют диалектическую взаимосвязь с политическими правами, они отражают характер отношений между гражданином как политическим существом и государством.

С точки зрения содержания международных документов в области прав человека можно выделить следующие признаки (принципы) прав человека: гуманизм, свобода, солидарность, равенство и равноправие, всеобщность и универсальность, неотчуждаемость и неделимость. Белорусский учёный Л.Ф. Евменов в своих исследованиях подвергает критике выделение таких принципов и предлагает следующие: принципы универсальности и различия, неделимости и делимости (автономности), равенства и неравенства, неотчуждаемости и отчуждаемости [14, с. 60–92]. Он считает, что проблема принципов прав человека «до сих пор весьма неопределенно и вразнобой трактуется в международной идеологии прав человека и отсутствует в понятийном аппарате международных и региональных актов» [14, с. 33]. Подобный подход разделяет и известный российский правовед В.А. Карташкин: «Вместе с развитием межгосударственных отношений изменяется и их содержание, и в конечном счёте они могут отмереть» [15, с. 49].

В современной теории прав человека существует большое количество классификационных критериев, позволяющих представить видовое разнообразие прав человека. Несмотря на то, что основополагающие международные нормативно-правовые акты в области прав человека предполагают рассмотрение прав человека как целостной системы, в них выделяются следующие группы прав человека: гражданские и политические права и свободы; экономические, социальные и культурные права.

В теории прав человека достаточно сложно провести чёткую границу между категориями «права» и «свободы». Например, область политических прав традиционно именуется свободами. Вместе с тем понятие «свобода» принято связывать с возможностью индивидуального выбора: свобода совести, свобода мысли и слова; понятие «право» – с возможностью реализовывать конкретные действия (избирать и быть избранным, право на управление государством и др.). Французская Декларация прав человека и гражданина определила свободу «как возможность делать все, что не приносит вреда другому» (ст. 4).

Одним из закономерных итогов развития прав человека стало появление феномена «социальное правовое государство» как формы защиты прав человека. Впервые данное понятие употребил в 1813 г. немецкий учёный К. Велькер. Правовое государство предполагает такую форму организации деятельности публичной власти в её взаимодействии с субъектами-носителями прав, которая осуществляется через взаимное выполнение обязанностей как со стороны государства, так и индивида. Идея социального государства сформировалась несколько позднее. Данный термин для определения нового для того периода понимания сущности традиционных обязанностей государства ввёл в научный оборот в 1850 г. ещё один немецкий учёный Л. Штайн. Впервые конструкт социального правового государства нашёл своё политическое и законодательное воплощение в Конституции ФРГ 1949 г.

В основе социального правового государства лежат следующие принципы:

- 1) демократизация общества;
- 2) верховенство прав человека и закона;
- 3) правовая защищённость человека;
- 4) разделение властей и конституционализм;

5) справедливость и равенство, баланс интересов и взаимная ответственность государства, общества и индивида, реализуемые через социальную политику.

Таким образом, социальное правовое государство – это конституционно закреплённая система политических, правовых, экономических и социальных институтов и механизмов, основанная на демократии, верховенстве закона, приоритете прав человека, справедливости и равенстве, взаимном выполнении обязанностей, реализуемая через сбалансированную политику государства, обеспечивающую политическое, экономическое и социально-культурное благополучие индивидов, социальных общностей и общества в целом.

В процессе развития политической теории сформировались различные парадигмы прав человека, среди которых можно выделить *либеральную, консервативную, коммуитаристскую, теоцентрическую и парадигму устойчивого человеческого развития*.

Методологической основой *либерализма* выступает естественно-правовая концепция. Суть естественно-правовой концепции прав человека состоит в понимании прав человека как выражения свободы выбора и действий человека. Таким образом, естественно-правовая концепция прав человека базируется на том, что права человека имеют естественное происхождение и определяют такое состояние человека и власти (государства), при котором власть действует в установленных рамках, не вторгаясь во внутреннее содержание прав человека. *Либеральная* парадигма базируется на следующих основополагающих положениях:

- 1) естественный характер и неотчуждаемые права каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность;
- 2) индивидуализм (приоритет отдаётся правам индивида, правда, не отрицаются и коллективистские формы);
- 3) доминирование прав человека над государством (назначение государства состоит в создании необходимых механизмов и условий для реализации прав человека, которые, в свою очередь, существенно ограничивают полномочия государственной власти).

Вторая парадигма прав и свобод человека – *консервативная*. Консерваторы исходят из того, что человек по своей природе существо несовершенное, поэтому для бесконфликтного развития общества и государства требуется государственное регулирование жизнедеятельности индивида. Сторонники консерватизма и позитивизма в качестве источника прав человека определяют государство и закон. Консерватизм заложил основы позитивистской концепции прав человека. Данный конструкт основывается на позитивистской природе прав. Суть концепции состоит в том, что права человека, их структура, объём и содержание устанавливаются государством. Сторонники данной концепции, как и консерваторы, исходят из того, что права человека должны иметь твёрдые основания, а не абстрактные предположения. Права человека должны быть чётко прописаны в законе, и у индивида не может быть никаких особых прав, данных ему от рождения. Вместе с тем следует иметь в виду ряд моментов: во-первых, естественные права сами по себе не обеспечивают человеку защиту его интересов от посягательств извне; во-вторых, объём и содержание прав человека у различных индивидов могут быть различными. В этой связи необходима выработка специфического механизма реализации естественных прав, которая возможна только путём закрепления их в законе.

Коммуитаристская парадигма основывается на ряде постулатов, к числу которых относятся:

- 1) отрицание универсальности прав человека, т.е. права человека – это сугубо внутригосударственное дело;
- 2) классовый подход при закреплении прав;
- 3) человек и его права в правовом и политическом аспектах не признавались как самозначимые категории;

4) социалистическое государство – источник прав человека;

5) обеспечение прав индивида возможно только через обеспечение прав коллектива.

Четвёртая парадигма прав человека – *теоцентрическая*. Попытки обоснования прав человека имеются во всех мировых религиях. Среди характеристик, объединяющих различные религиозные подходы, можно назвать следующие:

- права человека имеют божественное происхождение;
- подразумеваемые права человека пользуются авторитетом, так как они возвращаются к Создателю везде и всюду независимо от культурных традиций и политических господствующих форм;
- человеку (общности) как божественному творению присуждается неоспоримая ценность, а достоинство человека невозможно опровергнуть светской властью;
- права человека диалектически связаны с обязанностями человека перед Богом;
- религиозная позиция общеприменима в той мере, в какой она базируется на гуманистических ценностях;
- полное применение религиозного подхода фактически лишает современное секулярное учение о неотъемлемых правах человека всякого позитивного содержания;
- религиозные институты ограничивали круг субъектов прав единоверцами.

Непринятие веры сурово наказывалось. Религия строит моральную систему, или теорию прав человека, «сверху», от Бога, секулярный либерализм, напротив, делает это «снизу», от воли человека. Тем не менее, несмотря на существующие противоречия, религиозное обоснование прав человека очень важно, так как через реализацию принципа свободы совести способствует примирению религиозного мировоззрения со светскими идеями прав человека.

На наш взгляд, в современных условиях можно говорить и о пятой парадигме – *парадигме устойчивого человеческого развития*. В 1987 г. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию представила доклад «Наше общее будущее» («Доклад Брутланд»), где впервые были систематизированы основополагающие моменты *концепции устойчивого развития*. На сегодняшний день устойчивое развитие является одним из ведущих принципов международной политики. «Безусловно, тот, кто объявляет устойчивое развитие международным руководящим принципом, должен придерживаться его и в национальной политике» [17]. Термин «устойчивое человеческое развитие» сейчас широко используется в качестве базовой политической категории во многих странах. Так, в Республике Беларусь действует Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2020 г.

В 2010 г. на Саммите ООН по вопросам Целей развития тысячелетия в Нью-Йорке Беларусь выступила с инициативой «Содействие процветанию будущих поколений». Отдельные параграфы данной проекта были включены в некоторые международные соглашения: в итоговый документ министерской встречи государств – участников Движения неприсоединения (Индонезия, 2011); в резолюцию «Политика и программы, касающиеся молодёжи», принятую на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 2012); в проект итогового документа министерской встречи государств – участников Движения неприсоединения (Египет, 2012).

«Основными элементами инициативы являются борьба с социальной деградацией молодёжи (с различными социальными явлениями, включая алкоголь, наркотики, информационно-коммуникативные технологии, пагубно влияющие на здоровье молодых людей, и др.), а также продвижение интересов талантливой молодёжи как потенциала и движущей силы государства» [18, с. 55]. Республикой Беларусь подписаны основные конвенции и протоколы в области охраны окружающей среды. Указом Президента от 20 сентября 2016 г. № 345 Беларусь стала полноправной стороной Парижского соглашения по климату.

В основе рассматриваемой парадигмы лежит подход, ориентированный на человека. Права человека как категория, обладающая сущностными характеристиками всеобщности и универсальности, выступают в качестве интегрирующей основы человеческого развития сегодня и завтра. С этой точки зрения, в концепции устойчивого развития, на наш взгляд, можно выделить следующие принципы:

1) гуманизм (содействие защите прав человека и человечества в целом в рамках глобальной и национальных политико-социальных систем);

2) всеобщность и универсальность (способствуют благу каждого человека и всего человечества; это политические, гражданские, экономические, социальные, культурные, экологические и духовные права (возможности), реализуемые в единстве; также обеспечение целостности человека и человечества);

3) солидарность человека (означает диалектическую взаимосвязь прав и обязанностей и предполагает взаимную защиту права и свобод в системе «права человека – права другого»);

4) справедливость в рамках развития человеческого потенциала (достижение справедливого и мирного человеческого сообщества, уважающего достоинство и права каждого человека).

Таким образом, «устойчивое человеческое развитие» можно определить как процесс, способствующий реализации потенциала прав человека на современном этапе без разрушения основ обеспечения существующих и новых прав будущих поколений.

Заключение

Значимость прав и свобод человека в процессе политико-правовой социализации раскрывается прежде всего через функции, которые они выполняют в системе политического мироустройства. В современной политической реальности права человека выступают в качестве главного критерия гуманности и демократичности общественно-политического строя, т.е. они выполняют *аксиологическую* функцию.

Поскольку права человека представляют собой общечеловеческую ценность и высокий нравственный идеал, они выполняют *прогностическую* функцию. Раскрытие закономерного характера возрастания роли прав человека в развитии личности, общества и всего человечества, проектирование этой тенденции на историческую перспективу (права будущих поколений) дает основание для выводов о том, каким может быть будущее человека и человечества.

Благодаря правам у людей формируется уважение к человеческому достоинству, правам и свободам другого человека. Гармоничное сочетание прав человека и прав «другого», диалектическая взаимосвязь прав, обязанностей и ответственности обладают мощным воспитательным потенциалом и выполняют *воспитательную* функцию, являются базисом человеческого достоинства. Заметим, что права человека дают ему возможность быть человеком, но не дают права им не быть, т.е. утрачивать человеческий облик.

Охранительная функция выражается в разрешении противоречий между правами индивида и приоритетами национальной безопасности. Она предполагает достижение баланса между этими двумя интересами, каждый из которых имеет общенациональное значение.

В процессах секуляризации и десекуляризации в ряде стран мира религиозные принципы жизни в настоящее время сочетаются с идеологией прав человека. Права человека как идеология обладают набором принципов, сочетающих политическую выгоду и универсальный характер как для конкретного индивида, так и для различных политико-социальных групп, в том числе и конфессиональных. Подобная идеология способствует формированию личности, умеющей грамотно выполнять различные политико-социальные роли. Таким образом, права человека выполняют *идеологическую* функцию.

Политическая функция прав человека реализуется в возможности участия (как индивидуально, так и коллективно) в общественно-политической жизни, распределении и ограничении государственной власти, непосредственного участия в управлении государством и др. «Для государства роль теории прав человека заключается в снижении геополитического риска и обеспечении политических условий устойчивого социального и экономического развития» [19, с. 21].

Учитывая то, что права человека прямо или косвенно охватывают абсолютно все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, они выполняют и ряд других функций (экономическую, интеграционную, функцию восстановления социальной справедливости и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Американскому президенту Аврааму Линкольну / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 16. – С. 17–18.
2. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – 560 с.
3. Котляр, И. И. Права человека и высшая школа: концептуальные основы преподавания, изучения и воспитания, управленческие решения / И. И. Котляр. – Минск : Тесей, 2007. – 230 с.
4. Политология : словарь-справочник / М. А. Василик [и др.]. – М. : Гардарики, 2001. – 328 с.
5. Гавриленко, В. Г. Всемирная политическая энциклопедия : в 5 т. / В. Г. Гавриленко ; под науч. ред. Д. И. Широканова, В. Ф. Медведева, Н. И. Ядевич. – Минск : Право и экономика, 2012. – Т. 4. – С. 2529–3434.
6. Політична енциклопедія / Нац. акад. наук України, Ін-т політ. і етнонац. дослідж. ; упоряд. Ю. Шаповал ; редкол.: Ю. Левенець (гол.) [та ін.]. – Київ : Парламент. вид-во, 2011. – 807 с.
7. Robertson, D. A dictionary of modern politics / D. Robertson. – 3rd ed. – London : Europa Publ., 2002. – X, 515 p.
8. Мельник, В. А. Права и свободы граждан как элементы государственной идеологии Республики Беларусь / В. А. Мельник // Основные механизмы защиты и обеспечения прав человека : сб. материалов Респ. науч.-методол. семинара, Брест, 3–4 апр. 2013 г. / Брест. гос. ун-т ; науч. ред. И. И. Котляр. – Брест, 2013. – С. 14–19.
9. Землякоў, Л. Я. Права чалавека: ці ёсць яны ў нас / Л. Я. Землякоў // Беларусь. – 1992. – № 5. – С. 18.
10. Słownik historii doktryn politycznych : w 5 t. / I. Barwicka-Tylek [et al.] ; red. nauk.: K. Chojnicka, M. Jaskólski. – Warszawa : Wydaw. Sejmowe, 1997–2012. – Т. 4. – 2009. – 798 s.
11. Милль, Дж. О свободе / Дж. Милль // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15.
12. Народное соглашение в том виде, как оно было представлено военному совету (1-я редакция) 28 октября 1647 г. [Электронный ресурс] // История Великобритании. – Режим доступа: <http://www.2uk.ru/history/history110>. – Дата доступа: 25.08.2015.
13. Алекси, Р. Институалізація прав людини в демократичній конституційній державі / Р. Алекси // Філософія прав людини / за ред. Ш. Госепата, Г. Ломанна ; пер. з нім. О. Юдіна, Л. Доронічевої. – Київ, 2008. – С. 172–189.
14. Евменов, Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения = International human rights ideology: problems and solutions / Л. Ф. Евменов. – Минск : Хата, 2000. – 450 с.

15. Карташкин, В. А. Организация Объединённых Наций и международная защита прав человека в XXI веке / В. А. Карташкин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 176 с.
16. Бакланова, Н. М. Проблема прав человека и гражданина в политико-правовой ретроспективе / Н. М. Бакланова // Життя і пам'ять : наукова збірка, присвячена пам'яті В'ячеслава Івановича Шамко ; відп. ред. В. М. Букач. – Одеса : Наука і техніка, 2009. – С. 59–66.
17. Brundtland, G. H. Our Common Future, Chairman's foreword [Electronic resource] / G. H. Brundtland // Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – Mode of access: <https://upload.wikimedia.org/wikisource/en/d/d7/Our-common-future.pdf>. – Date of access: 26.08.2015.
18. Мусиенко, С. Г. Защита прав будущих поколений / С. Г. Мусиенко // Гражданское общество как среда для реализации прав человека : сб. материалов Межвуз. науч.-методол. семинара, Брест, 28–29 марта 2012 г. / Брест. гос. ун-т ; науч. ред. И. И. Котляр. – Брест, 2012. – С. 54–56.
19. Глущенко, В. В. Наука о правах человека: общая теория прав человека / В. В. Глущенко. – М., 2011. – 83 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.03.2017

Severin E.N. Theoretical Aspects of Human Rights

At present in political science there has been increase of an interest in certain aspects of the human rights theory. However, the heterogeneity of the main theoretical models and definitions, political bias and the problem of «double standards» as well as the inconsistency and ambiguity of the accumulated experience cause a significant divergence of scientists and politicians opinions on a number of issues. The article presents an analysis of the categorical apparatus of the human rights theory, proposes the author's definitions of the notions «human rights», «human rights culture», «sustainable human development», etc., and argues that the phenomenon of human rights requires studying in the context of political science.

УДК 316.454.5

Н.Н. Левчук

канд. полит. наук, нач. научно-исследовательского отдела
научно-исследовательского управления
НИИ Вооруженных сил Республики Беларусь
e-mail: 1234_73@list.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕТЕВОГО ВЛИЯНИЯ В СИСТЕМЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Исследуется феномен сетевого влияния в современной медиасфере. Целью исследования является концептуализация такого влияния в системе массовых коммуникаций на основе критерия нейроэффекта, которая предполагает уточнение сетевого влияния как явления, обусловленного фрагментацией символических организованностей человеческого сознания, погруженного в сферу интерактивной коммуникации. «Сетевая» мотивация рефлексивного поведения выявляется в пределах порождающих матриц ответных реакций (габитусов). Для достижения цели статьи автором использован метод синергетического моделирования, позволяющий рассмотреть сетевое влияние в единстве технологического и семиологического подходов. Под нейроэффектом подразумевается эффект нейролингвистического воздействия, вызывающий массовую или индивидуальную поведенческую реакцию. Результаты исследования могут быть применены для разработки информационной политики государства в целях противодействия моделям дестабилизации социума.

Введение

Целью настоящей статьи является концептуализация сетевого влияния в системе массовых коммуникаций. На основе критерия нейроэффекта ставится задача исследования феномена сетевого влияния в современной медиасфере. Уточняется сетевое влияние как явление, обусловленное фрагментацией символических организованностей человеческого сознания. Оно форматируется сетевой сферой интерактивной коммуникации. «Сетевая» мотивация рефлексивного поведения выявляется в пределах порождающих матриц ответных реакций (габитусов). Для достижения поставленной цели использован метод синергетического моделирования, позволяющий рассмотреть сетевое влияние в единстве технологического и семиологического подходов. Под нейроэффектом подразумевается эффект нейролингвистического воздействия, вызывающий массовую или индивидуальную поведенческую реакцию. Результаты исследования могут быть применены для разработки информационной политики государства в целях противодействия моделям дестабилизации социума.

Формирование сетевой модели социальности стало одним из знаковых свершений постиндустриальной эпохи. Появление новых медиаплатформ, стремительное вторжение сетевых технологий в социальную реальность позволяют говорить о новейшей коммуникативной (твиттерной) революции, в результате которой трансформировались сами способы коммуникации. Значение новых медиаплатформ выражается в особом структурировании рефлексивных организованностей человеческого сознания, в котором восприятие самих медиаплатформ становится частью его символической структуры. Глобальное соперничество в экономической, научно-технической, социокультурной и военной областях [1] все больше концентрируется в сфере управления информационно-сетевыми процессами.

Массовые механизмы переработки и усваивания лавинообразно растущего объема информации претерпели существенные изменения. За последние полвека произведено больше информации, чем за пять тысячелетий до этого. Диалектика информационной эпохи проявляется в переходе количественных показателей потребления информации в качество ее производства и переработки, которое отражает роль коммуникаци-

онных процессов в современной цивилизации. Формирование сетевой технологической парадигмы на основе более мощных и гибких информационных технологий, как замечает М. Кастельс, сделало возможным превращение информации в продукт производственного процесса [2, с. 63], что обусловило ее ключевую роль в формировании современных социальных организованностей. Их эволюция имеет непрерывный характер.

Некоторые исследователи, наблюдая сокращение количества пользователей «традиционных» социальных сетей, уже заявляют о закате эры Twitter. Социальные сети нового поколения, по их мнению, будут построены вокруг информации, а не вокруг личности пользователя. «Исход миллионов пользователей из Facebook и Twitter связан не столько с проблемами этих конкретных соцсетей, сколько с общей усталостью от самой концепции такого сервиса. На это указывает резкий взлет некоторых сервисов, изначально казавшихся чересчур “мелкими” в сравнении с масштабным и всеобъемлющим Facebook. Например, в случае с появившимся в декабре 2010-го маленьким стартапом Instagram поначалу ничто не предвещало успеха. Сервис предполагал использование только на мобильных устройствах. Пользователи могли загружать фотографии с применением нескольких ретрофильтров. Сегодня у Instagram более 100 млн юзеров, ежесекундно загружающих в сеть 58 фотографий» [3]. В свое время стартап Instagram скорее всего был бы невозможен без феномена Twitter. Оба явления символизируют эффект «сжатия» социального пространства и предельно ускоренной актуализации информационного обмена. Это значит, что твиттерная революция продолжается, но близится к диалектическому порогу, после которого перейдет в какое-то новое качество, в любом случае характеризующее дальнейшим ускорением информационного обмена.

Подобные тенденции касаются и постсоветских государств, но надо учитывать, что социально-сетевую «погоду» здесь делают интернет-ресурсы регионального масштаба. По данным национального социологического опроса (октябрь 2014 г.), проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ), 82,5% белорусских пользователей Интернета зарегистрированы в различных социальных сетях: «Одноклассники» (Odnoklassniki.ru) – 70%; «ВКонтакте» (Vk.com) – 65,5%; «Мой мир» (My.mail.ru) – 17%; Twitter – 4,5%; Facebook – 4%.

Результаты исследования ИАЦ позволяют проследить изменения, произошедшие в информационных предпочтениях жителей страны начиная с 2009 г. Так, по данным на 2014-й г., отмечалось снижение численности граждан, использующих традиционные СМИ как источник информации. В большей степени сократились аудитории печатной прессы (с 62,9 до 43,8%) и радио (с 42,4 до 28,2%), в меньшей – телевидения (с 91,0 до 85,6%). Вместе с тем отмечалось увеличение числа респондентов, обращающихся за информацией к Интернету (с 24,2 до 53,0%), в результате чего Глобальная сеть как новостной канал в 2014 г. стала более востребованным источником информации, чем печатные СМИ. Авторы исследования ИАЦ отмечают: «Всемирная сеть стала значимой частью современной жизни, проникнув во многие ее социальные аспекты. Это подтверждают и результаты социологического опроса. Так, для подавляющего большинства пользователей (86,2%) Интернет является источником информации. Соотносят Сеть с возможностью общения 64,3% респондентов. В среднем по 43,9% участников опроса используют Всемирную паутину для передачи информации, совершения покупок или в целях развлечения» [4]. Эти данные вполне укладываются в общую парадигму новейшей коммуникативной (твиттерной) революции, но с поправкой на особенности региональных коммуникативных практик. Поле интерактивной коммуникации все успешнее интегрируется в индустрию потребления новостей, т.е. различные социальные платформы типа Twitter, Facebook или «Одноклассники» начали выполнять функцию СМИ. С другой стороны, наблюдается поступательный «уход» печатных СМИ и телевидения в Интернет. И если для многих газет и журналов это означает фактическое прекращение существования, то в случае с телевидением – трансформацию фор-

мата восприятія телепродукта, который приобретает интерактивный характер. Интерактивность становится неотъемлемой частью оснащения ума среднестатистического потребителя информации, своеобразной интерпретационной «рамкой» восприятія новостного контента.

Теоретический дискурс сетевого влияния предполагает два основных подхода современного понимания феномена коммуникации. Первый подход – технологический. Он определяет техно-логику развития социума за счет возрастающей коммуницируемости всех составляющих его элементов в рамках «сетевого общества». Второй – семиологический, акцентирующий роль знаков, символов в содержательном отображении коммуникации, т.е. в ее сообщениях [5, с. 11]. Оба подхода в данной статье применяются в системной взаимосвязи.

Результат сетевого влияния заключается в достижении поведенческой реакции и последующему управлению ею. Главным критерием достигнутой цели становится нейроэффект. Его лингвистические атрибуты распознаются на уровне герменевтики, которая, по Ю. Хабермасу, представляет собой всякое осмысленное выражение (вербальное или невербальное высказывание, любой артефакт, какое-либо человеческое установление или отрывок текста) и может быть идентифицировано в двойкой установке: и как доступное наблюдению событие, и как доступное пониманию объективизированное значение [6, с. 38]. Т.е. «сетевая» герменевтика предстает как первооснова достижения релевантности интерактивной коммуникации. В виде «объективизированного значения» она реализуется в дискурсе сетевого влияния, формализованным результатом которого становится текст, отражающий лингвистическую направленность сетевого дискурса. Но как «доступное наблюдению событие» она далеко перешагивает границы лингвистики, обнажая вторую, «внелингвистическую» ипостась нейроэффекта как атрибута сетевого влияния.

Сетевое влияние – это феномен, обусловленный фрагментацией символических организованностей человеческого сознания, погруженного в современную медиасферу. Придание деструктивного импульса такому влиянию происходит в процессе противопоставления целому или изъятия из контекста целостного. Само влияние сопряжено с идентификацией элементов фрагментации, предполагая, что мотивация рефлексивного поведения выявляется в пределах порождающих матриц ответных реакций (габитусов). С научной точки зрения важным представляется формально зафиксировать ускользающий момент сетевого влияния, который реализуется как нейролингвистический эффект восприятія человеческим сознанием идейно-символических импульсов. Сумма таких эффектов в границах медиасферы формирует практический дискурс политического процесса.

Как писал Умберто Эко, если человеку доводилось в сильном расстройстве смотреть кинокомедию, он знает, что наслаждаться ею в такой момент очень трудно. Более того, случись ему через много лет снова посмотреть тот же фильм, он, возможно, опять не сможет смеяться, потому что каждый эпизод будет напоминанием о грусти, которую он испытывал при первом просмотре. Это и есть феномен нейроэффекта, воплощенного в эмоциональных переживаниях и «записанного» на подкорке головного мозга. Но идентифицировать критерии его «сетевого» проявления в системе массовых коммуникаций бывает весьма не просто. Более того, сам понятийный аппарат сетевого влияния пока недостаточно разработан.

Из поля зрения линейной схемы коммуникации напрочь выпадает проблема идентичности ее субъекта и объекта в Сети. Между тем сетевое влияние – это в большей степени и есть процесс перманентной идентификации, когда малоизвестное «ничто» превращается в массовое «все». В процессе такой идентификации габитусы стереотипов общественного мнения формализуются в виде набора нейролингвистических эффектов. Эти эффекты имеют невидимую природу, но оставляют «видимый» симво-

личный след в сетевой информационной среде, которая актуализирует себя в соприкосновении с человеческим сознанием.

Глобализация предписывает отождествление инфосферы не с субстанциями и субъектами коммуникационной инфраструктуры, а с процессами сетевого влияния и коммуникационного взаимодействия. Повышение уровня сетевой взаимозависимости привело к возникновению глобальной экономики (вместо мировой) и, соответственно, глобального интерпретационного механизма восприятия информационных потоков. Следствием нарастающей концентрации информации и капиталов стало нарастание глобальных противоречий. В них и проявляются контуры «глобального социума», а коммуникация выступает способом его самоконструирования.

В процессе массовой коммуникации мы сталкиваемся с интерпретационным парадоксом особого рода, когда одно и то же событие может по-разному восприниматься и проявлять себя в разных контекстах. Сетевые коммуникации дают ключ к пониманию феномена в виде киберсемиотики, рассматривающей информацию как потенциальность, которая не может передаваться в процессе коммуникационного обмена: передается лишь ее репрезентирующее значение, которое раскодирует интерпретант в зависимости от наличия соответствующего символического декодирующего аппарата. За сменной декорацией в «обществе спектакля» (по Ги Дебору) следует смена интерпретационной парадигмы. Однако консолидация общества на основе созидательного мироощущения способна сломать негативную фабулу «спектакля». Для этого используется социокультурный подход, который позволяет воссоздать архетипические пласты массового сознания в сетевом пространстве «публичной сферы». Цельность мировоззрения на цивилизационной основе – пожалуй, самый выразительный образ позитивного нейроэффекта в системе массовых коммуникаций. На социокультурной основе базируется противодействие «вирусным» сетевым технологиям: целостность сознания против его перманентной фрагментации.

Эффективное государство, мыслимое в системе критериев устойчивого развития, должно ограничивать проявление разрушительных сетевых воздействий. Так, по мнению большинства опрошенных ИАЦ пользователей (74,7%), информационные потоки в Интернете необходимо регулировать. Позиция респондентов по этому вопросу практически не зависит от их социально-демографических характеристик. В числе сайтов, подлежащих ограничению, участники опроса назвали прежде всего те, которые содержат информацию эротического и порнографического характера (85,3%), а также имеют террористическую и экстремистскую направленность (в среднем по 76,9%). Значительная часть граждан считает, что необходимо регулировать рекламу табака и спиртных напитков, спам, рассылки (в среднем по 63,9%), а половина респондентов отмечает сайты оппозиционных политических сил и пиратскую видео- и аудиопродукцию (в среднем по 49,9%).

Почти 85% белорусов используют Интернет как источник информации, 46% конкретизируют, что ищут в том числе и политические новости. На вопрос о том, какой сайт запускают первым, пользователи отвечают, что поисковик (32%), социальную сеть (28%) и новостник (24%). Поступающей информации от новостников доверяют 58%, и больше трети – социальным сетям; примерно столько же прислушиваются к мнениям других пользователей, 96% пользователей Беларуси имеют профиль хотя бы в одной социальной сети [4].

Заключение

Таким образом, роль Интернета как глобального источника информации в долгосрочной перспективе будет повышаться. Это будет происходить на фоне увеличения объемов внешних шлюзов и скорости обмена информацией. Пользователи среднего и старшего возрастов будут все активнее вовлекаться в процесс интернет-коммуника-

ций, социальный облик которых предопределяет стремительно растущее вовлечение мобильных пользователей. Совершенствование правовых механизмов регулирования интернет-коммуникаций приобретает стратегическое значение, особенно в контексте противодействия государства процессу социально-политической дестабилизации [7]. Однако концептуализация сетевого влияния происходит не только в пространстве интерактивной коммуникации. В первую очередь, оно представляет собой структурирующий феномен социального взаимодействия, поэтому ставка на одни лишь ограничительные административные меры не способна обеспечить полноценную реализацию упреждающей модели защиты национальных интересов в информационно-сетевой сфере.

Стратегическая игра государственных структур на смысловом поле должна проводиться под девизом идейно-интеллектуальной конкурентоспособности. Вероятным инструментом реализации такой игры может стать общенациональная коммуникативная стратегия, воплощающая простые и понятные белорусам смыслы. Консолидация общества на их основе является одним из ключевых условий функционирования эффективного государства, противодействия сетевым дестабилизационным моделям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузин, Н. Е. Стратегическая нестабильность в контексте сетевых практик постиндустриального общества / Н. Е. Бузин, Н. Н. Левчук // Беларусь. думка. – 2013. – № 7. – С. 64–69.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Бондарев, А. Френды разбегаются. Какими будут соцсети нового поколения [Электронный ресурс] / А. Бондарев // Корреспондент.biz. – 2013. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/business/web/3209769-frendy-razbehautsia-kakumu-budut-sotssety-novoho-pokoleniya>. – Дата доступа: 30.12.2013.
4. Медиафера Беларуси. Социологический аспект [Электронный ресурс] / под ред. В. О. Дашкевича // Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – 2014. – Режим доступа: http://iac.gov.by/sbornik/Media-sfera_Belarusi.pdf. – Дата доступа: 19.08.2015.
5. Мальковская, И. А. Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
6. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
7. Слука, А. Г. Ідэалогія беларускай дзяржаўнасці (метадалогія фарміравання) / А. Г. Слука. – Мінск : РІВШ, 2007. – 334 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.03.2017

Levchuk N.N. Conceptualization of Network Influence in System of Mass Communications

Object of research of article is the phenomenon of network influence in the modern media sphere, the purpose – conceptualization of such influence in system of mass communications on the basis of criterion of neuroeffect. Such conceptualization assumes specification of network influence as the phenomenon caused by fragmentation of symbolical organizovannost of the human consciousness shipped in the sphere of interactive communication. The «network» motivation of reflexive behavior comes to light within the generating matrixes of responses (gabbitus). For achievement of the object set in article by the author the method of synergy modeling allowing to consider network influence in unity of technological and semiologicheskы approaches is used. The neuroeffect is meant as the effect of neurolinguistic impact causing mass or individual behavioural reaction. Results of research can be applied to development of information policy of the state for the purpose of counteraction to models of destabilization of society.

УДК 327 + 502.1

О.А. Посталовская

канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА:
АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ**

Статья посвящена изучению взаимосвязи экологических проблем и современной международной политики. Обоснована неизбежность столкновения экологических интересов различных социальных групп, политических партий, общественных движений в условиях переплетения с социальными, экономическими, политическими противоречиями современного мира. На основании изучения влияния современных процессов на экологическую политику раскрывается необходимость международного сотрудничества в разрешении проблем взаимодействия общества и природы. Формирование современной экологической политики требует координации усилий всех государств и других субъектов политики в международном масштабе, сочетания национальных усилий и международных инициатив.

Экологические проблемы в современной политике достаточно остро стоят практически перед всеми государствами и, по сути, ставят на повестку дня вопрос о будущем всего человечества. Председатель правления некоммерческого партнерства «Российское водное общество» А.П. Катков в интервью журналу «Экология и жизнь» отметил: «Все данные свидетельствуют о том, что сейчас экологическая обстановка в мире самая неблагоприятная за всю историю человечества» [1, с. 26]. Об этом шла речь и на Саммите тысячелетия (Нью-Йорк, 2000). Как отмечал Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН (1997–2006), именно от «природной системы жизнеобеспечения зависит само выживание рода человеческого». И все эти сложные проблемы «заставляют нас подходить к этому вопросу творчески и корректировать наши традиционные концепции с тем, чтобы они больше отвечали потребностям новой эры» [2, с. 10–11]. Формирование экологической стратегии как одной из важнейших политических линий развития ООН в современных условиях стало важнейшим направлением в деятельности и преемника Аннана Пан Ги Муна. В своих выступлениях он постоянно подчеркивает, что «необходимо мобилизовать мир в поддержку экологически устойчивого мироустройства с гарантиями благополучия человечества и с сохранением планеты для будущих поколений» и призывает государства сообща решать экологические проблемы» [3]. Сложность и острота экологических проблем отмечалась и на Саммите по устойчивому развитию «РИО+20» (2012), где премьер-министр Российской Федерации Д. Медведев отмечал, что «при принятии решений относительно будущего необходимо учесть интересы каждого государства» [4, с. 52].

Тесно переплетаясь с социальными, экономическими, политическими противоречиями современного мира, экологические проблемы неизбежно вызывают столкновение интересов. Они все очевидней приобретают ярко выраженную политическую окраску. Нельзя не увидеть, что в их решении сталкиваются не только интересы общества и природы, но и политические курсы и цели различных государств, партий, классов, движений. Именно принятие тех или иных политических решений наиболее ярко демонстрирует все сложности и противоречия, возникающие при разработке, а особенно при реализации экологической политики. Несмотря на всеобщее признание необходимости целого ряда безотлагательных решений в сфере экологии, противоречия между государствами по вопросам экологической политики разрешаются сложно. Политические и государственные деятели используют обострение экологических проблем для достижения своих целей в глобальном моделировании развития цивилизации. Множество политических партий, общественных организаций и движений, заинтересованных в ре-

шении этих проблем, разрабатывают свои политические доктрины, выдвигают собственные программы решения глобальных проблем.

Особое внимание необходимо обратить на политические противоречия при решении экологических проблем современности. Они затрагивают экономическое развитие, прогнозирование, управление государством, правовое обеспечение и целый ряд других направлений политической деятельности. Процессы глобализации формируют новые исторические реальности, новое видение политики, затрагивающие судьбу человечества в целом. При этом нельзя не отметить одну очень существенную проблему, которая состоит в том, что, достигнув на международном уровне соглашений по основным целям и задачам экологической политики, различные политические силы далеко не всегда стремятся к их воплощению на практике. Эту проблему видят и ученые, и политики. «Важно, чтобы благие намерения подкреплялись практическими делами». Так называлось интервью Председателя Совета Федерации, председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ В.И. Матвиенко журналу «Экология и жизнь» [5, с. 4]. Поэтому главное значение в оценке результативности политики, проводимой в сфере решения экологических проблем, имеют не провозглашенные лозунги, а ее практические достижения.

Современные экологические проблемы выступают как совокупность не решенных в свое время противоречий в области экологии в отдельных государствах или регионах. От их решения в значительной мере зависит судьба грядущих поколений, которым, может быть, придется иметь дело со значительно более серьезными конфликтами в системе «общество – природа», затратить больше ресурсов и усилий для их урегулирования, разрабатывать новые направления экологической политики. Член-корреспондент РАН, доктор биологических наук А.В. Яблоков обращает внимание уже сегодня живущих поколений, что «человечеству надо прекратить прекраснорудные мечтания об “устойчивом развитии” и придумать, как поскорее перейти к кризисному управлению биосферой» [6, с. 6]. Многие политики и ученые в разных странах отмечают, что «такие цели, как экономическое развитие в чистой окружающей среде, высокое качество жизни, требуют новых подходов к интеграции и координации политических инициатив». Это мнение председателя Совета по устойчивому развитию Германии Фолькера Хауффа, высказанное им еще в начале XX в. [7, с. 41].

Понимание экологических проблем как проблем планетарных требует не только «глобальности» в подходе к их решению, что наблюдается в мировом политическом и научном сообществе, но и еще раз подтверждает необходимость международного сотрудничества в их разрешении. Однако следует учитывать и тот факт, что международное сотрудничество очень часто осложняется тем, что выбор тех или иных приемов и методов диктуется не реальными проблемами, стоящими перед странами и народами, а политическими интересами. Анализируя результаты Конференции ООН по вопросам изменения климата (Доха, Катар, 2012), исполнительный секретарь Рамочной конвенции ООН об изменении климата Кристиана Фигерес отметила, что на конференции государства подтвердили свои действия по разработке единого для исполнения всеми странами соглашения по решению экологических проблем. «Однако многие правительства не подкрепили свои намерения решительными и незамедлительными действиями по выполнению уже принятых обязательств» [8, с. 40].

Экологическая политика достаточно ярко проявляет свою специфику и в системе международных отношений, где первоочередное значение приобретает проблема обеспечения всеобщей безопасности. Основными инструментами ее осуществления являются развитие международного сотрудничества, укрепление доверия и взаимопонимания между народами. Однако еще раз подчеркнем, что, признавая важность международного сотрудничества для решения данных проблем, далеко не все государства осуществляют его на практике. Ярким примером, подтверждающим данное положение вещей, является политика «технологической дипломатии», разработанная в США. Она

приобрела особую популярность в 70–80-е гг. XX ст. Эта политика изначально была нацелена на то, чтобы обеспечить сохранение интересов монополий США в странах, добывающих сырье, и на этой основе укрепить позиции американских корпораций в мировой экономике. Развивающимся странам предлагались новейшие научно-технические разработки, а в качестве платы за их использование экономически развитые государства самостоятельно присваивали себе «право» на бесконтрольный доступ к природным богатствам этих стран. Такие неравноправные политические и экономические условия, навязываемые этим странам, закрепляли их в качестве сырьевых придатков для Америки и Европы.

В международных отношениях используются также и другие способы экологического давления. Так, например, в торговой войне используется «экологическое оружие», т.е. запрет на ввоз товаров, не укладывающихся в определенные экологические стандарты, которые являются явно завышенными. Особенно большое значение экологические стандарты приобрели в торговой политике США. Под предлогом заботы о природной среде эти стандарты используются для защиты внутреннего рынка, поскольку они распространяются только на импортные товары. В то же время такие экологические стандарты не затрагивают продукции, экспортируемой из развитых стран. Так, в США общественные природоохранные организации не раз требовали запретить вывоз из страны экологически опасных товаров и технологий. Но эти предложения не получили поддержки в правительственных кругах. Несмотря на международный запрет использования пестицида ДДТ, его вполне легально поставляли в страны «третьего мира» вплоть до начала 1990-х гг. Поэтому его содержание в крови жителей Гватемалы и Никарагуа более чем в 30 раз превышает показатели у жителей США. Многие ученые связывают быстрое распространение вирусных болезней в популяции тюленя обыкновенного летом 1988 г. с наличием остатков пестицидов в Северном море [9].

Во взаимоотношениях развитых стран также можно найти достаточно примеров, подтверждающих наличие противоречий, сложившихся в сфере экологии. Мировую известность в 1960–70-е гг. приобрела проблема превращения реки Рейн в «сточную канаву» Европы. К началу XXI в. проблема загрязнения речных бассейнов Европы была практически решена. Но по-прежнему серьезную угрозу представляют техногенные аварии, в результате которых, как правило, страдают те страны, которые расположены ниже по течению рек.

Во взаимоотношениях между различными государствами в сфере экологии нередко сохраняется серьезная напряженность. И, несмотря на целый ряд достигнутых договоренностей и соглашений, не следует забывать и о существующих разногласиях. На углубление политических противоречий между государствами влияют и загрязнение пограничных территорий. Острой также остается проблема кислотных дождей. Ведь, как правило, они наносят наибольший вред соседним странам. Особенно беспокоит эта проблема Канаду и страны Скандинавии. Для этих северных территорий, практически не имеющих собственных экологических проблем, взаимоотношения с соседями приобрели характер политического противостояния.

Актуальной остается и проблема ресурсов. Здесь следует отметить американо-канадские противоречия по поводу доступа к ресурсам нефти и газа, пресной воды и леса. Достаточно острые противоречия существуют в Западной Европе, в Японии, в Китае и других государствах. Подтверждают наличие проблемы ресурсов «рыбные войны» в Балтийском море и Тихом океане, «нефтяное противоборство» и многие другие.

Как отмечал еще в начале XX в. видный немецкий экономист и социолог Г. Шерер, «нет ничего более важного для человечества, чем обеспеченность ресурсами». Подтвердились также его слова, что «борьба неизменно обостряется, все чаще переходя в вооруженное противостояние» [10, с. 24–27]. Ученый предупреждал: дальнейшее обострение «ресурсных» конфликтов еще раз подтверждает необходимость развития международного сотрудничества. И если мировое сообщество не сможет эти конфликты

урегулировать, то «существует опасность их перерастания в общественные конфликты, грозя навеки похоронить саму идею о возможности всеобщего мира» [10, с. 24–27]. Идеи Г. Шееера сегодня получили дальнейшее развитие. Так, Президент Глобального экономического и геополитического центра ESADE Хавьер Солана пишет: «Взаимозависимость фактически является всеобщей зависимостью – всеобщей подверженностью рискам. Ничто теперь не может быть абсолютно изолированным, и “иностраных” дел больше не существует: все стало национальным, даже личным» [11, с. 13].

Вполне очевидно, что экологические проблемы уже давно стали объектом острой политической и идеологической борьбы, столкновения разных мировоззренческих установок. И формирование экологической политики происходит на фоне столкновения интересов различных общественных групп, социальных институтов, отдельных стран, регионов, социально-экономических систем. Острота этой борьбы не снижается, потому что проблемы природопользования охватывают все новые страны и народы, а также порождают все новые и весьма острые проблемы. Необходимость международного сотрудничества в разрешении проблем взаимодействия общества и природы диктуется, прежде всего, их общечеловеческой значимостью. Экологические проблемы в гораздо большей степени, чем прежде, включаются в число факторов, от которых зависят удовлетворение потребностей в энергии, сырье, обеспечении продовольствием растущего населения Земли, здоровья и благосостояния людей, развитие торгово-экономических и научно-технических связей между странами. Именно поэтому формирование современной экологической политики требует координации усилий не только государств, но и других субъектов международной политики. За несколько последних десятилетий человечество разработало целый ряд новых способов борьбы с последствиями губительной для природы деятельности. Эти достижения должны быть доступны для всех стран, ибо, как подчеркивают и политики, и ученые, экологическая безопасность в современных условиях должна рассматриваться не только как национальная задача, но и как международная проблема.

«Стратегической целью обеспечения экологической безопасности, – подчеркивает белорусский ученый А.М. Кабушко, – является создание и поддержание такой благоприятной среды, при которой формируются условия для жизнедеятельности каждого члена общества» [12, с. 219]. Проблема глобальной экологической безопасности включает в себя такой важнейший аспект, как прекращение практики «экологического экспорта», в результате которой развитые страны как бы переносят «болезнь» с одного участка планеты на другой. Сохраняется также вынос «грязных» производств в развивающиеся страны, что является острой проблемой мировой политики и обеспечения экологической безопасности. Такие отрасли промышленности развитых стран, как сталелитейная, химическая, целлюлозно-бумажная и т.д., практически полностью выведены в развивающиеся страны. Ускоренный рост зарубежных инвестиций в «грязные» отрасли промышленности создает иллюзию промышленного развития этих стран. Расплачивается за это природа. Появление практики установления «долгов за ресурсы» способствует тому, что долговое бремя развивающихся стран уменьшается, но продолжается использование их ресурсов. Возрастает экологическая «эксплуатация» этих стран, которая усугубляется еще и тем, что здесь нет квалифицированных специалистов по охране природы. К тому же эти страны не всегда способны, а иногда и просто не стремятся установить эффективные режимы управления экологической сферой. Кроме того, нельзя не отметить, что до 2000-х гг. в развивающихся странах природоохранное законодательство было слишком мягким или вообще отсутствовало.

Проблема разработки и выполнения государствами природоохранных законов требует особого анализа. Первые законодательные акты в этой области были приняты в развитых странах к середине 1970-х гг., а в США – еще в 1970 г. Большинство из них имели довольно четкие формулировки и предусматривали серьезные ограничительные меры для нарушителей природного равновесия. Но принимаемые одна за другой по-

правки и дополнения создавали возможности для более гибкого применения законов. Так, например, в Швеции 15% всех первоначальных стандартов были пересмотрены в течение 4 лет после их принятия. По сути, перед правительством и общественностью ставились две совершенно несовместимые цели: с одной стороны, прибыль, с другой – качество окружающей среды. И как правило стремление к выгоде побеждало. Наказания в виде штрафов за нанесение непоправимого ущерба природе были несопоставимы с тем, какую выгоду сулило игнорирование ограничений.

В современных условиях не вызывает сомнений, что в решении экологических проблем приоритет принадлежит международному сотрудничеству. К таким выводам все чаще приходят ученые, политики и экологи. Международное сотрудничество в сфере экологии должно стать той основой, которая позволит значительно улучшить взаимоотношения различных стран и в других сферах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катков, А. П. Чистая вода – глобальная проблема человечества / А. П. Катков // Экология и жизнь. – 2012. – № 6. – С. 26–30.
2. Миняев, А. О. Конституционные основы экологического права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / А. О. Миняев ; Моск. гос. ун-т. – М., 2003. – 23 с.
3. Выступления и доклады Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/sgf/sgstmt_default.asp. – Дата доступа: 15.11.2016.
4. «РИО+20»: Будущее, к которому мы стремимся. Программа-минимум или новый импульс для перехода к устойчивому развитию? // Экология и жизнь. – 2012. – № 7. – С. 52–54.
5. Матвиенко, В. И. Важно, чтобы благие намерения подкреплялись практическими делами / В. И. Матвиенко // Экология и жизнь. – 2012. – № 5. – С. 4–7.
6. Яблоков, А. В. Земля может отторгнуть человечество / А. В. Яблоков // Экология и жизнь. – 2012. – № 6. – С. 6–8.
7. Хауфф, Ф. Ключ к будущему / Ф. Хауфф // Deutschland. – 2002. – № 1. – С. 40–45.
8. Фигерес, К. Заключение всеобщего соглашения по климату необходимо и возможно / К. Фигерес // Экология и жизнь. – 2012. – № 1. – С. 40–41.
9. Melting glaciers: a probable source of DDT to the Antarctic marine ecosystem [Electronic resource] / H. N. Geisz [et al.] // Environmental Science & Technology. – 2008. – Vol. 42, № 11. – Mode of access: <http://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/es702919n>. – Date of access: 15.11.2016.
10. Шеер, Г. Знак беды XXI века / Г. Шеер // Экология и жизнь. – 2002. – № 5. – С. 24–27.
11. Солана, Х. Новая грамматика власти / Х. Солана, Д. Иннерарити // Экология и жизнь. – 2012. – № 6. – С. 12–13.
12. Кабушко, А. М. Экологическая безопасность и устойчивость развития «зеленого туризма» / А. М. Кабушко // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – 2014. – Вып. 16, ч. 1. – С. 218–226.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.02.2017

Postalovskaya O.A. Environmental Issues in Contemporary International Politics

The article focuses on studying the relationship between environmental problems and current international politics. The work has proved the inevitability of the collision of environmental interests of different social groups, political parties, and social movements in a weave with the social, economic, political contradictions of the modern world. Based on the study of the influence of modern processes on environmental policy, the need for international cooperation in solving problems of interaction between society and nature is revealed. The author comes to the conclusion that the formation of a modern environmental policy requires the coordination of efforts of all states and other political subjects on an international scale, a combination of national efforts and international initiatives.

УДК 32.019.5

Е.И. Васильева

*аспірант каф. історыі журналістыкі і менеджмента СМІ
Інстытута журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
e-mail: followthekeaton@gmail.com*

**ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ
КОНСТРУКТА «МЕДИАИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ «THE NEW YORK TIMES»)**

Исследуется влияние этнических стереотипов на процессы формирования медиаимиджа Республики Беларусь в американском медиадискурсе. Отмечается, что политический имидж Беларуси в отличие от имиджа СССР не является центральным в системе медиаобразов государств, моделируемых СМІ США. Указывается, что универсальным «фильтром», применимым ко всему объему изученных публикаций в «The New York Times», являются этнические стереотипы, существование которых на протяжении истории отношений Беларуси и США позволяет говорить об универсальной матрице восприятия Беларуси в Америке. Дана оценка периоду сотрудничества государственных структур Республики Беларусь с международной компанией Bell Pottinger Group, которая занималась разработкой проекта по улучшению имиджа Беларуси в 2008–2009 гг. Доказывается, что первичной задачей государственных структур для формирования позитивного внешнего имиджа Беларуси является искоренение этнических стереотипов о белорусах в массовом сознании реципиентов информации американских СМІ.

Введение

Известно, что формирование позитивного имиджа Республики Беларусь – одна из приоритетных задач социально-экономической политики Беларуси. Необходимость формирования позитивного экономического медиаимиджа Беларуси была названа одной из первоочередных задач в программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. и повторяется в программе социально-экономического развития Беларуси на 2016–2020 гг. Тем не менее данная проблематика редко затрагивается белорусскими учеными. Лишь некоторые из них: Н.А. Антанович, М. Гилевич, И.Н. Горский, Н.П. Денисюк, А. Савиных, С.В. Дубовик – в своих работах уделяют внимание вопросам формирования внешнего имиджа белорусского государства.

Информационное общество вынуждает реципиентов СМІ в значительной степени формировать свое представление о мире на основе материалов, предлагаемых медиа. Чтобы сформировать комплексное представление о характере сложившегося имиджа Республики Беларусь, необходимо проанализировать медиаимидж государства, сформированный зарубежными СМІ, а также результаты деятельности государственных структур, реализуемой в данном направлении и находящей свое отражение в публикациях зарубежных СМІ. Важнейшим этапом деятельности правительства по формированию позитивного имиджа государства следует считать приглашение в Беларусь британского пиар-специалиста лорда Тимоти Белла (анализ результатов его работы будет представлен в статье).

В связи с налаживанием двусторонних отношений Беларуси и США и ростом товарооборота между странами изучение медиаимиджа Беларуси в американских СМІ представляется особенно актуальным. Задачей статьи является определение влияния стереотипов на формирования медиаконструкта «Имидж Беларуси» в американском медиадискурсе.

Научный руководитель – Д.Н. Дроздов, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории журналистики и менеджмента СМІ Института журналистики Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Медиа, являясь первичным агентом политической коммуникации и средством выстраивания отношений между структурами власти и обществом, формируют в массовом сознании комплексы представлений о политических акторах и специфике политического поля, в котором они функционируют. Под понятием медиаобраза политических субъектов и институтов подразумевают комплекс представлений о политической реальности, сформированный СМИ и оказывающий влияние на имидж госструктур. Эти представления определяют и доверие граждан к проводимой государством политике, и легитимизацию принимаемых властью решений. В статье поставлена проблема формирования, позиционирования и трансляции медиаобраза (медиаимиджа) Беларуси и влияния стереотипов на данный процесс.

США являются важным торговым партнером Беларуси: экспорт белорусских товаров в США вырос с 2011 г. почти в полтора раза (2011 г. – 86,4 млн дол.; 2016 г. – 122,7 млн дол.). В течение последних лет наблюдается улучшение двусторонних отношений между нашими странами. Бывший временный поверенный в делах Соединенных Штатов Америки в Беларуси Скотт Роланд летом 2016 г. допустил возможность расширения в 2017 г. штата обоих посольств (американского и Минске и белорусского в Вашингтоне). Таким образом, представляется особенно важной работа над имиджем Республики Беларусь в зеркале ведущих СМИ США, определение доли стереотипа в заявленном конструкте и выработка путей улучшения белорусского имиджа в американском медиадискурсе.

Для анализа медиаобраза Беларуси в американском медиадискурсе и доли стереотипов в них была выбрана газета «The New York Times» – одно из крупнейших изданий Соединенных Штатов Америки, занимающее 39 место в мире по объему тиража.

Понятие «медиаобраз»: структурные компоненты и практика использования

Несмотря на то, что термин «медиаобраз» впервые закреплен в научном обороте сравнительно недавно, в диссертации Е.Н. Богдан «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики» [1], сейчас дефиницию этого понятия раскрывают ряд исследователей. Среди них О.Ф. Русакова, Е.Н. Богдан, В.С. Феклюкина, А.В. Федоров.

Трактовки понятия «медиаобраз» («медиаимидж») разнообразны; в данной статье будет использовано определение, предложенное исследователем внешнего имиджа Российской Федерации О.Ф. Русаковой: медиаобраз – это структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия, запечатленную в информационных носителях и общественном сознании [2]. При этом имидж не столько отображает реальность, сколько создает виртуальные объекты: неся оценочную нагрузку и образуя в массовом сознании устойчивые духовные конструкции, имидж формирует отношение целевой аудитории к предмету. Таким образом, он создает символический капитал, основанный на признании компетенции, респектабельности, надежности своего носителя, и этот капитал является важнейшей составляющей конкурентоспособности.

Понятие «медиаобраз Беларуси» обозначает представление о белорусском государстве, создаваемое медиа, процесс демонстрации в журналистских материалах отдельных сторон жизни белорусского общества. Медиаобраз, существуя в виде текстов СМИ, обладает определенной автономией и потому требует отдельного исследования в рамках изучения конструкта «страновой имидж» [3].

Непременным элементом медиаобраза наряду с реальными атрибутами объекта исследования является проекция на него ожиданий субъекта, на основе которой формируются стереотипы восприятия. Посредником в политической коммуникации между гражданами, политическими партиями, государством, зарубежной аудиторией являют-

ся СМИ, из чего следует, что информация доходит до потребителя в искаженном виде: на реципиента оказывает влияние и канал коммуникации, и личность журналиста, ее транслирующего. По мнению исследователя медиаобраза России в современном французском политическом медиадискурсе Д.Д. Цирюлик, на характер феномена «медиаобраз» влияют также политические убеждения реципиента СМИ [4].

Влияние стереотипов на медиаобраз Беларуси

Политический имидж Беларуси (в отличие от имиджа, например, СССР) не является центральным в системе медиаобразов государств, моделируемых СМИ США. Уступая место политическим имиджам стран, представляющим серьезную угрозу для безопасности Соединенных Штатов, медиаобраз Беларуси отходит на периферию и во многом базируется на элементах имиджа Советского Союза.

В Беларуси вопросы создания позитивного внешнего имиджа государства стали актуальны лишь в последнее десятилетие, в то время как для стран Запада имиджевая проблематика обрела значимость уже в конце XX ст. в связи с развитием глобализационных процессов и ростом международной конкуренции. Имидж Беларуси, претерпевшей в те годы трансформацию социально-политической системы, долгое время формировался стихийно, а белорусское правительство не прибегало к услугам имиджмейкеров до 2008 г., когда для работы над имиджем Беларуси был приглашен британский пиар-специалист Тимоти Белл.

Образ Беларуси в американском медиадискурсе во многом базируется на стереотипах, оставшихся со времен Советского Союза, поэтому необходим анализ имиджа БССР и определение тех его характеристик, которые вошли в конструктор образа Республики Беларусь. Нужно также отметить чрезвычайную важность стереотипов в конструировании медиаобраза государства и его политики. Облик государства, его репутация часто базируется на элементах мифа, обобщенных стереотипах об этносе. Доля подобных «мифов» в политике велика, мышление стереотипами характерно психологии человека, так как применение такого рода клише позволяет экономить усилия, составляя представление об окружающей действительности. Имидж наделяет объект дополнительными характеристиками, выделяет его из ряда схожих с ним объектов, а стереотип нивелирует эти характеристики. Поэтому особенно важным представляется целенаправленное конструирование имиджа государства с опорой на уже существующие в сознании реципиента информации характеристики – стереотипы.

Максимальное влияние на формирование стереотипов в отношении Беларуси и белорусов оказали исторические процессы, происходившие на ее территории. В связи с тем, что межличностное общение между белорусами и американцами не было интенсивным, в этнических стереотипах почти не закрепились характеристики народа, которые могут познаваться лишь при живом общении (например, гостеприимство, миролюбие). До начала XX в. рубрика, посвященная новостям из Европы, в одной из ведущих американских газет «The New York Times» назывались «Три дня спустя из Европы», потому что технически трудно было оперативно передавать информацию через океан. Это затрудняло полноценное общение между людьми.

The New York Times начала систематически публиковать материалы о Беларуси лишь со времен образования БССР. Для имиджа республики в эту историческую эпоху определяющей было вхождение в состав СССР; говорить об автономном имидже БССР практически не приходится по причине масштабов государственного образования, в которое она входила. Первое упоминание о Беларуси появляется в The New York Times в 1955 г. в материале, посвященном восстановлению Минска в послевоенный период. Между тем сведения о событиях, происходящих на территории Беларуси, появлялись на страницах издания и прежде, но вместо топонима «Беларусь» использовалось «Бело-

руссия»; упоминалась также столица современной Республики Беларусь и ряд других белорусских городов. Максимально положительный имидж Беларуси создавали материалы о действиях Советской армии во времена Второй мировой войны. На этом этапе в имидже Беларуси закрепляются позитивные характеристики, связанные с героизмом советских солдат и успешностью наступательных операций. Образ СССР в глазах мировой общественности стал отождествляться со страной – победительницей фашизма и страной – освободительницей народов. В одном из материалов журналисты *The New York Times* называют освобождение Минска «самым большим бедствием», которые когда-либо терпели немецкие войска на восточном фронте. В статье рассказывается, что последствия освобождения столицы БССР для войск фашистов столь значительны, что даже битва под Сталинградом по своей значимости не может сравниться с освобождением Минска («Not even the colossal defeat at Stalingrad can match it»). Именно в период окончания Второй мировой войны у Беларуси начинает формироваться отдельный от имиджа СССР медиаобраз, некоторые черты которого легли в основу медиаобраза современного Белорусского государства.

«Линия немецкой обороны на востоке прорвана, и теперь ничто не может остановить наступление Советской армии», – сообщали журналисты американской газеты, отметив, что все группы вражеской армии на север и на юг от Минска в смертельной опасности. Газета писала, что Минск – место на карте, где не единожды происходили поворотные моменты истории. Кроме того, заключают журналисты, «российская армия не собирается останавливаться и планирует подобрать ключи к Берлину в Минске».

В структуре политического имиджа Беларуси до сих пор значительную долю составляют стереотипы, отсылающие реципиента текста к обобщённому образу «советского народа». Данный тезис подтверждается рядом публикаций *The New York Times*, в которых для пояснения места Беларуси на международной арене использовались такие маркеры: «a museum-quality relict of the Soviet Union» ‘музейные останки времен Советского Союза’, «little has changed since the U.S.S.R.» ‘со времен СССР мало изменилось’, «has strong ties with Russia» ‘тесно связаны с Россией’. Именно этнические стереотипы могут быть названы универсальным «фильтром», применимым ко всему объёму изученных публикаций в американской газете, что позволяет говорить об универсальной матрице восприятия Беларуси в США. Очевидно, что автостереотип (представление нации о себе) не совпадает с гетеростереотипом – представлением о нации, сформированном в сознании иных народов. Следовательно, разумно на государственном уровне проводить работу не только по искоренению невыгодных стереотипов об этносе, но и по закреплению в имидже государства позитивных автостереотипов.

В условиях всё возрастающих темпов глобализации, которая, по признанию экспертов, несёт с собой угрозу вымирания самобытных национальных культур, особая роль в числе имиджеобразующих факторов принадлежит культурному потенциалу нации, потому особенное внимание стоит уделить культурным событиям и отражению достижений белорусской культуры на страницах *The New York Times*. Одним из наиболее ярких материалов на культурную тематику стала статья, опубликованная в 1968 г., посвященная книге воспоминаний о белорусском художнике Марке Шагале. Книга была написана Говардом Гринфельдом, который был лично знаком с художником. На примере этого, а также ряда других материалов культурологической тематики можно заметить, что авторы не обращаются к стереотипам для описания Беларуси. Таким образом, культура может стать источником большого количества информационных посылов, направленных на выделение в конструкторе «медиаимиджа Беларуси» характеристик, отделяющих его от образа БССР.

Американский социолог автор оригинальной концепции общественного мнения У. Липпман отмечал существование систем стереотипов двух разновидностей: жесткой

и умеренной. Он утверждал: «Когда система стереотипов является жёсткой, мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают её, и не замечаем факты, которые ей противоречат» [3]. Так, в публикациях The New York Times можно заметить тенденцию к поддержанию и закреплению существующих стереотипов о Беларуси как об экономически ослабленном государстве, которая начала меняться лишь в 2008 г., когда белорусское правительство пригласило для работы над имиджем государства британского специалиста по пиару Тимоти Белла.

В отличие от стереотипа, формирующегося стихийно, медиаобраз представляет собой искусственное образование. Если стереотип является простейшим обобщенным представлением, спонтанно возникающим в массовом сознании, то медиаобраз – конструкция, которая формируется на основе личного опыта людей или под воздействием источников информирования, в частности, СМИ. Профессионально сконструированный и продвигаемый в массовое сознание образ, по выражению И.Я. Рожкова, «ненавязчиво навязывает» целевой аудитории определенное восприятие информации о предметах, событиях, явлениях – запрограммированные эмоции и мыслительные связи [5]. Благодаря этому потребители имиджевой информации воспринимают объект как результат собственного видения, а не как нечто, навязанное извне. Целенаправленное создание позитивного медиаобраза государства делает возможным замену одних мифологем, присущих массовому сознанию, другими, более выгодными государству.

Для создания позитивного имиджа Беларуси с целью ликвидации стереотипов, сложившихся в сознании реципиента информации, можно воспользоваться рядом техник, рекомендуемых профессором Г. Почепцовым.

1. **Снятие защиты.** Человек консервативен в своих убеждениях и подсознательно «отсеивает» несоответствующую им информацию. Однако с данными установками можно бороться, используя ссылки на публикации, высказывания или действия авторитетных личностей, цифры и факты из вызывающих доверие СМИ и других солидных институтов. Так, действительно обращение к результатам международных рейтингов, положительно характеризующих Беларусь.

2. **Смещение акцентов.** Информация подается так, что специально обращается внимание на одну сторону вопроса или проблемы и намеренно скрывается другая. Так если, например, The New York Times транслирует невыгодную для Беларуси информацию, необходимо предоставить журналистам ряд «безопасных» культурных поводов, которые не вызывают негатива в сознании потребителя информации издания и могут помочь противостоять сложившимся стереотипам, представив Беларуси в качестве центра культуры. В некоторых случаях даже отрицательные стороны действительности при умелом менеджменте можно использовать как позитивный источник. Так, к примеру, при верном позиционировании коммунистическое наследие СССР может стать не почвой для стереотипов, а основой для познавательного туризма и изучения сталинского ампира.

3. **Растянутасть во времени.** В случае необходимости заместить одну информацию, предлагаемую реципиенту, другой, более увлекательной, первая тема потеряет актуальность. Средний срок «забывания сенсации» – всего 9 дней; при этом негатив нужно нейтрализовать ненавязчиво, чтобы не подхлестнуть новую волну интереса к теме, которую необходимо «забыть». Из этого следует, что нет поводов ожидать, будто стереотипы о Беларуси как о постсоветском государстве исчезнут в одночасье. Тем не менее если Беларусь будет чаще упоминаться в связи с развитием двусторонних отношений со странами Запада, это даст основания ожидать скорое изменение имиджа государства и уменьшение в нем доли стереотипов.

Опыт построения медиаобраза Республики Беларусь

Переходом к целенаправленной политике по созданию позитивного имиджа государства можно считать обращение белорусского правительства к британской пиар-компании Bell Pottinger Group. Можно отметить и иные процессы, демонстрирующие, что процесс имиджирования страны вышел на качественно новый уровень. Исследователь имиджа Беларуси Е.А. Бикетова среди характерных особенностей, сопутствующих переменам в характере формирования имиджа Беларуси, называет следующие: началось формирование основных групп, адресантов политического имиджа Беларуси, – стран ЕС и Латинской Америки; формирование имиджа страны стало осуществляться целенаправленно и вышло на первый план во внешнеполитической деятельности государства [6]. В целях проведения имиджевой политики государством стали широко применяться возможности СМИ, деятельность МИДа, организация выставок и проведение форумов, пропагандистская деятельность, социальная реклама, издательская деятельность. Можно говорить о складывании имиджеформирующей сети и расширении информационного поля.

Именно обращение белорусского правительства к услугам Bell Pottinger Group можно считать переломом в процессе формирования имиджа Беларуси и переходом к плановой имиджевой политике. В июле 2008 г. Республика Беларусь заключила годовой контракт с агентством Тимоти Белла; было запланировано сформировать более достоверное представление о Беларуси в противовес образу, созданному в мировых СМИ [7]. Стратегия лорда Белла предполагала работу по двум направлениям: проведение информационной кампании, в рамках которой должно было быть создано максимальное количество позитивных информационных поводов, в связи с которыми СМИ могли упоминать Беларусь, и маркетинговой. Контракт обошелся в 10 млн. евро [8]. Результатом данной кампании должно было стать улучшение внешнего имиджа Республики Беларусь на мировой арене. Т. Белл прославился благодаря своей роли в трех предвыборных кампаниях Маргарет Тетчер, когда по его совету «железная леди» даже изменяла причёску. Кроме того, он занимался работой с имиджем таких компаний, как «Роллс Ройс» и «Дисней». Контракт Белла с белорусским правительством закончился в августе 2009 г. и не был продлен по инициативе Беларуси. Тем не менее наблюдатели отметили позитивное влияние деятельности Тимоти Белла на имидж государства.

По результатам работы над имиджем Беларуси Белл представил отчет, состоящий из семи разделов («Стратегическое консультирование», «Прямое лоббирование», «Взаимодействие со СМИ», «Поддержка визита премьер-министра», «Специальный репортаж для The Financial Times», «Цифровые технологии», «Мониторинг»). Во введении к отчету он отметил, что за время информационной кампании наметилось улучшение в отношениях Беларуси и Запада, а именно, в двусторонних отношениях Беларуси с Европейским союзом и США, что нашло подтверждение в изменении тональности публикаций, посвященных Беларуси, в The New York Times.

До 2008 г., пока Тимоти Белл и его PR-компания Bell Pottinger Group не начали работу над имиджем Республики Беларусь, американское сообщество получало минимум информации о государстве, а The New York Times в условиях информационного дефицита создавала непривлекательный образ Беларуси, используя упомянутые выше этнические стереотипы. Особое место в формировании системы стереотипов занимала Чернобыльская трагедия, к которой журналисты издания апеллировали для представления белорусов как уязвимой нации, например, «Everyone is afraid here all the time because of Chernobyl» ‘Из-за Чернобыля здесь все всё время боятся’. Но уже в 2009 г. Чернобыльская трагедия используется журналистами для создания положительных коннотаций, связанных с Беларусью: в публикациях рассказывается о международном со-

трудничестве республики и стран Европы, направленной на преодоление последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Важно отметить: отличительной особенностью национальных стереотипов является то, что «их связь с действительностью зависит ... от уровня и состояния межнациональных отношений, от формы существующего соседства». Во второй половине 2010 г. активизировалось участие Беларуси на международной арене, в связи с чем стали возможны публикации, посвященные участию государства в программе «Восточное партнёрство» и заявлениям белорусского руководства о намерениях нормализовать отношения с США: «Belarus agreed to join the European Union's Eastern Partnership program» 'Беларусь присоединилась к программе Евросоюза «Восточное партнёрство», «Александр Лукашенко заявил о желании укрепить связи с США».

С 2015 г. необходимость обращения к стереотипам при трактовке белорусских событий снижается еще больше. The New York Times пишет о возможном снятии санкций в отношении Беларуси со стороны ЕС, не апеллируя к постсоветским стереотипам. Издание всё чаще акцентирует внимание на миротворческой роли Республики Беларусь в урегулировании украинского конфликта.

Анализируя ситуацию, в которой оказался имидж Беларуси, наметим два пути его улучшения на основе подходов, которые выделяет И. Рожков: утилитарный и кризисный.

Кризисный подход предполагает включение в деятельность по формированию позитивного образа страны органов государственной власти, первых лиц государства. Классическими примерами успешного использования этого подхода могут быть Япония и Германия, который в короткий срок в послевоенный период смогли изменить имидж государства-агрессора. Кризисный менеджмент полноценно применим в ситуации, когда имидж страны препятствует ее развитию, когда налицо необходимость противодействовать внешним силам, которые формируют его по своему усмотрению. Беларусь оказалась в схожей ситуации, когда устарелые этнические стереотипы мешают ее полноценному участию в международной жизни.

Утилитарный подход подразумевает перенесение акцентов на экономическую привлекательность страны, имидж в таком случае используется как ресурс развития экономики. Для Беларуси было бы целесообразно выработать собственный метод, интегрирующий два этих подхода.

Заключение

Сегодня проблема формирования привлекательного имиджа Беларуси за рубежом является одной из приоритетных задач белорусских властей. К решению данной проблемы привлечены МИД Беларуси, министерство туризма Беларуси, СМИ и бизнес-структуры. Только системная работа всех этих и других структур над позиционированием Беларуси на международной арене гарантирует позитивные изменения в сложившемся внешнем имидже Белорусского государства.

Стереотип не отражает объект, а гиперболизирует определённые его черты, следовательно, чем больше актуальной информации поступает в общество из СМИ о том или ином государстве, тем меньше у субъектов медиа возникает необходимость обращаться к стереотипу для формирования образа страны и её этноса. Следовательно, чем больше информации о Беларуси будет поступать в зарубежные СМИ, тем реже зарубежные журналисты будут вынуждены обращаться к стереотипам, и этот принцип в полной мере необходимо использовать в работе над имиджем Беларуси.

Деятельность Т. Белла повлияла на узнаваемость Беларуси в США, но для устранения коннотаций между Беларусью и Советским Союзом зарубежным изданиям необходимо большее количество информационных поводов, связанных с Беларусью. Необ-

ходимо также отметить, что за время работы кампании пиар-агентства Bell Pottinger Group тональность публикаций в The New York Times позитивно изменилась.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Е. Н. Богдан. – М., 2007. – 224 л.
2. Русакова, О. Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология / О. Ф. Русакова // Многообразие политического дискурса : сборник / отв. ред. О. Ф. Русакова. – Екатеринбург, 2004. – С. 7–32.
3. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. и предисл. Т. В. Барчуновой. – М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. – 382 с.
4. Цилюрик, Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе: по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008–2012 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Д. Д. Цилюрик. – М., 2013. – 289 л.
5. Рожков, И. Я. Бренды и имиджи: страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги / И. Я. Рожков, В. Г. Кисмерешкин. – М. : РИП-холдинг, 2006. – 255 с.
6. Бикетова, Е. А. Эволюция имиджа Республики Беларусь в СМИ Западной Европы в 1991–2015 гг. / Е. А. Бикетова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 407. – С. 36–43.
7. Антанович, Н. А. Формирование политического имиджа государства (на примере Республики Беларусь) / Н. А. Антанович, К. А. Девлеканова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 21, Управление (государство и общество). – 2009. – № 2. – С. 28–39.
8. Belarus – Chime Communications plc. [Electronic resource] : quart. rep., Nov. 2008 – Jan. 2009 // Facebook. – Mode of access: <http://www.facebook.com/media/set/?set=a.-4953052266255.18375.1297362360&type=1>. – Date of access: 05.10.2015.
9. Олпорт, Г. Становление личности : избр. тр. : пер с англ. / Г. Олпорт ; под общ. ред. и с предисл. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2002. – 461 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.02.2017

Vasilyeva A.I. The Influence on the Ethnic Stereotypes on the Construct «Image of the Republic of Belarus» (by the Materials of «The New York Times»)

The political image of Belarus is not central for the US media in contrast to the image of the Soviet Union. Universal «filter» that is possible to apply to the entire volume of the studied articles in «The New York Times» is the ethnic stereotypes that existed throughout the whole history of bilateral relations between Belarus and the US. This allows us to speak about the universal matrix of perception of Belarus in the United States. According to this matrix the actions of the Belarusian government that match Western values are interpreted by the authors of publications in a positive way, in other cases, the materials have negative connotation. At the same time, the stereotype does not reflect the object but exaggerates its features, as a result the more relevant information comes into the society, the less the media appeal to the stereotype. The best example of effective work with the image of Belarus was the experience of hiring Bell's Pottinger Group.

УДК 329(476)

А.В. Лазуткин

аспирант каф. политологии Белорусского государственного университета
e-mail: ost.lazutkin@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрены политологические аспекты правового регулирования деятельности общественных объединений, проведен сравнительно-правовой анализ подходов законодателя в Российской Федерации и Республике Беларусь. В рамках обзора российской политико-правовой практики проанализированы такие категории некоммерческих организаций, как «иностранная организация» и «нежелательная организация», а также субъекты экстремистской деятельности. В русле рассмотрения белорусского законодательства предложено законодательное закрепление понятия «политическая деятельность» в качестве критерия разграничения ряда политизированных общественных объединений, выступающих контрагентами политических партий.

Введение

В настоящий момент партийная система Республики Беларусь находится в процессе становления, что обуславливает ряд сопутствующих рисков при ее институционализации. К таким рискам относится и внешнее влияние. К примеру, стратегия деятельности в Беларуси иностранных объединений: фонд Ф. Эберта, фонд К. Аденауэра и пр. – строится на поиске и тестировании организаций на предмет сотрудничества. Т.н. «режиссерские» проекты данных фондов целенаправленно формируют круг зависимых соискателей. В качестве контрагентов ими рассматриваются, в первую очередь, политико-образовательные институты идеологически близких партий, а также условно нейтральные организации – исследовательские центры и экспертные сообщества, большая часть которых имеет регистрацию в качестве общественных объединений. Данный подход в работе фондов обусловлен как слабостью белорусских политических партий, так и прямым запретом на их иностранное финансирование.

В силу приведенных обстоятельств важным политологическим аспектом становления партийной системы является правовое регулирование деятельности общественных объединений, поскольку данная совокупность отношений на современном этапе требует тщательного анализа на предмет выявления рисков.

Кроме того, белорусская политическая практика сталкивается с рядом однотипных проблемных ситуаций в сфере деятельности общественных объединений:

1) отдельные организации пытаются получить регистрацию в форме общественных объединений, декларируя политические цели под видом неполитических: образовательных, культурных, правозащитных;

2) часть аффилированных с партиями общественных объединений, имея регистрацию, позиционирует себя как неполитические (историко-просветительские объединения, аналитические центры, организации неформального образования, экспертные сообщества и др.);

3) отдельные организации получают иностранную регистрацию (в Литве, Чехии) для избежания ответственности за ведение деятельности без регистрации;

Научный руководитель – Л.Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела Белорусского государственного университета культуры и искусств

4) некоторые организации активно используют в наименованиях не предусмотренную в национальных законодательных актах организационно-правовую форму («движение», «консорциум», «общественная кампания», «ассамблея», «конгресс»);

5) часть организаций открыто ориентирована на противоправную деятельность, в т.ч. экстремизм, и не заинтересована в легализации.

Но Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) в ч. 4 ст. 49 указывает, что обеспечение конструктивной направленности деятельности общественных объединений и повышение созидательной активности населения выступают основой формирования и развития белорусского гражданского общества [1].

Цель данного исследования состоит в доказательстве тезиса о том, что для упорядочения деятельности общественных объединений, выступающих контрагентами политических партий и иностранных организаций, требуется особый правовой режим функционирования.

Задачи исследования: 1) выявить и проанализировать категории некоммерческих организаций (НКО), деятельность которых подверглась законодательным ограничениям в Российской Федерации; 2) по примеру российского законодателя выявить и сформулировать правовой критерий для отграничения политизированных и неполитизированных общественных объединений, действующих в Республике Беларусь; 3) оценить данную правовую практику в политологическом аспекте.

Категории организаций и их правовое положение в Российской Федерации

В рамках мер по ограничению иностранного влияния в Российской Федерации были законодательно закреплены такие понятия, как «иностранный агент» и «нежелательная организация», представлявшие собой юридическую новацию в регулировании деятельности некоммерческих организаций.

Различия в правовом положении указанных организаций представлены в таблице. Как видим, в ряду приведённых в таблице организаций следует отличать организации, признанные нежелательными, и иностранных агентов от субъектов экстремистской деятельности (т.е. радикальных политических группировок), деятельность которых запрещена либо приостановлена.

Таблица. – Категории организаций и их правовое положение

Организации	Характеристика	Ограничение деятельности и ответственность
Иностранные агенты	Российские НКО, получающие денежные средства и иное имущество из иностранных источников и занимающиеся политической деятельностью.	НКО, выполняющее функции иностранного агента, обязано информировать федеральный орган государственной регистрации об объеме денежных средств и иного имущества, полученного из иностранных источников, о целях расходования этих денежных средств и использования иного имущества и об их фактическом расходовании. Материалы, издаваемые НКО, выполняющей функции иностранного агента, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы изданы и (или) распространены организацией, выполняющей функции иностранного агента. Отчетность иностранного агента подлежит обязательному аудиту. Деятельность иностранного агента подвергается ежегодной плановой проверке. Деятельность НКО, подпадающей под определение иностранного агента, но не подавшей сведения для включения в реестр иностранных агентов, может быть приостановлена на срок до шести месяцев.

Окончание таблицы

Нежелательные организации	Иностранные или международные неправительственные организации, чья деятельность признана представляющей угрозу основам конституционного строя, обороноспособности или безопасности государства.	Финансовые организации должны отказывать таким организациям в проведении операций с денежными средствами и иным имуществом и предоставлять информацию в Росфинмониторинг, а он – в Генпрокуратуру и Минюст. За осуществление деятельности нежелательной организации на территории Российской Федерации устанавливается уголовная и административная ответственность.
Запрещенные организации	Организации, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».	Запрет деятельности.
Организации, деятельность которых приостановлена	Организаций, функционирование которых приостановлено согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности.	Запрет деятельности.

Иностранные агенты

В отличие от белорусского законодательства об общественных объединениях, российское законодательство оперирует базовым понятием «некоммерческая организация». Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», некоммерческая организация – это организация, которая не имеет извлечения прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками [2]. П. 2 ст. 2 данного Закона указывает, что некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Отметим, что такой подход схож с подходом белорусского законодателя. Некоторое отличие состоит в том, что белорусский законодатель в ст. 1 Закона «Об общественных объединениях» сначала указывает на то, что объединение создается на основе общности интересов для удовлетворения нематериальных потребностей и достижения

уставных целей, а затем подчеркивает некоммерческий характер таких объединений [3]. Принципиальное отличие состоит в том, что Федеральный закон содержит легальное определение понятия «иностранный агент», которое не имеет аналога в Республике Беларусь. Так, в п. 6 ст. 2 под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации.

Таким образом, российский законодатель выделил два основных признака организации, выполняющей функции иностранного агента: иностранное финансирование и участие в политической деятельности. Данные квалифицирующие признаки должны выявляться в совокупности, т.е. для признания организации иностранным агентом необходимо наличие обоих признаков одновременно. Иностранное финансирование признается любое финансирование (включая гранты и пожертвования частных лиц вне зависимости от их гражданства), если деньги пришли из-за границы. В свою очередь, согласно п. 2 п. 6 ст. 2 указанного Закона организация признается участвующей в политической деятельности, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях.

Нежелательные организации

В отношении иностранных и международных организаций в Российской Федерации действует такая мера, как отнесение организации к числу нежелательных. Так, Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» содержит легальное определение нежелательной деятельности. В частности, ст. 3.1 Закона указывает, что такая деятельность представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства [4]. Субъектами данной деятельности выступают иностранные или международные неправительственные организации. На наш взгляд, Закон пока не содержит достаточно четких критериев разграничения нежелательных организаций, что позволяет толковать его излишне широко. При этом ст. 20.33 КоАП РФ предусматривает ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности [5]. Ст. 284.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за аналогичные действия в случае административной преюдиции [6].

По состоянию на февраль 2017 г. к иностранным и международным неправительственным организациям, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, отнесены «Национальный фонд в поддержку демократии» (The National Endowment for Democracy), Институт Открытое Общество Фонд Содействия (OSI Assistance Foundation), Фонд Открытое общество (Open Society Foundation), «Американо-российский фонд по экономическому и правовому развитию» (U.S. RUSSIA FOUNDATION FOR ECONOMIC ADVANCEMENT AND THE RULE OF LAW), Национальный Демократический Институт Международных Отношений (Natio-

nal Democratic Institute for International Affairs), Корпорация «Международный Республиканский Институт» (International Republican Institute) и др. [7].

Экстремистские организации

В белорусском законодательстве содержится легальное определение понятия «экстремизм», схожее с подходом российского законодателя. Например, части 1–4 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» определяют экстремизм (экстремистскую деятельность) через перечисление субъектов экстремистской деятельности и закрытого списка составов преступлений, на действия по планированию, организации, подготовке и совершение действий, которые направлены против деятельности данных субъектов [8]. В составе экстремистской деятельности упомянуты насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь, захват или удержание государственной власти неконституционным путем, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности, разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни, а также социальной розни, связанных с насилием или призывами к насилию, унижение национальной чести и достоинства, организация и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды и ряд других.

Субъектами экстремизма (экстремистской деятельности) могут выступать политические партии, другие общественные объединения, религиозные и иные организации, а также физические лица. Вместе с тем согласно ч. 5 ст. 1 данного Закона организация может быть признана экстремистской только в случае, если в отношении нее принято и вступило в законную силу решение Верховного Суда Республики Беларусь о признании экстремистской. Таким образом, радикальные группировки правомерно считать экстремистскими только по решению суда.

Отметим, что определение экстремизма через составы преступлений был ранее продемонстрирован российским законодателем в Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [9]. Среди организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным Законом «О противодействии экстремистской деятельности», – межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия», международное общественное объединение «Национал-социалистическое общество» («НСО», «НС»), межрегиональное общественное объединение «Формат-18», украинская организация «Правый сектор», украинская организация «Тризуб имени Степана Бандеры» и ряд других.

Общими причинами возникновения радикальных политических группировок можно назвать неэффективную работу и непривлекательность политических партий и общественных объединений, отсутствие канализации молодежного протеста, неразвитость структур гражданского общества.

Устранение «правовых пробелов»

Возвращаясь к определению понятия «политическая деятельность», отметим, что данная правовая новация представляется весьма важной, поскольку в Законе Республики Беларусь «Об общественных объединениях» нет указания на случаи, когда вопреки уставным целям неполитическое общественное объединение осуществляет политическую деятельность. Между тем такая практика достаточно распространена: общественные объединения выступают контрагентами политических партий.

Представляется, что в данном случае политизированная деятельность либо является некой характерной спецификой общественного объединения, либо связана с невозможностью легализоваться в качестве политической партии. Политическая практика

показывает, что указанные структуры могут даже декларировать совместные цели и заявлять о политической «коалиции», не имея соответствующего правового статуса. Так, в период избирательной кампании в Палату представителей Национального Собрания Республики Беларусь 6 созыва была сформирована т.н. «правоцентристская коалиция», состоявшая из трех разнородных субъектов: зарегистрированной политической партии, зарегистрированного общественного объединения и оргкомитета политической партии. Кроме того, существует практика формирования партиями своих молодежных организаций на базе общественных объединений, которые, как правило, в дальнейшем регистрацию в Министерстве юстиции не проходят и действуют на правах оргкомитета общественного объединения.

В белорусском законодательстве легального определения понятия «политическая деятельность» нет. Так, в ст. 8 Закона Республики Беларусь от 05.10.1994 г. № 3266-ХІІ «О политических партиях» перечислены способы деятельности политических партий, к которым законодатель отнес разработку и пропаганду политических программ, обращений и заявлений, проведение съездов, конференций и иных собраний, участие в выборах, активизацию участия граждан в управлении государственными и общественными делами, в формировании представительных органов, а также воздействие в рамках законодательства иными способами на состояние общественного мнения [10]. Однако все перечисленные действия относятся только к одному субъекту – политическим партиям.

Несмотря на отсутствие в белорусском законодательстве понятия «политическая деятельность», в отдельных актах существуют перечни составов, которые ее подразумевают. В частности, нормы, частично схожие с российскими и позволяющие отнести деятельность других субъектов к политической, содержатся в Декрете Президента Республики Беларусь от 28.11.2003 г. № 24 «О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи». П. 4 указанного Декрета запрещает использование иностранной безвозмездной помощи для подготовки и проведения выборов, референдумов, отзыва депутата, члена Совета Республики, организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, забастовок, изготовления и распространения агитационных материалов, а также для проведения семинаров и других форм политической и агитационно-массовой работы среди населения [11].

Отметим, что п. 6 ст. 2 ранее упомянутого Закона № 7-ФЗ под политической деятельностью понимает более узкий круг составов, к которым отнесены проведение политических акций и формирование общественного мнения. Российский законодатель (в отличие от белорусского) прямо не запрещает использования иностранной материальной помощи в политической деятельности, но при этом, согласно п. 10 ст. 13.1 указанного Закона, организация должна быть внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Согласно подпункту 5 п. 1 ст. 24, материалы, издаваемые некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента и (или) распространяемые ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы изданы и (или) распространены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

На наш взгляд, данное требование направлено на повышение политической культуры граждан, формирование общественного мнения и ориентирования российских некоммерческих организаций на внутреннее финансирование, что представляется крайне важным и в белорусских условиях.

Между тем в белорусском законодательстве содержится правовой пробел. Так, в ряде законов Республики Беларусь: Законе «О статусе военнослужащих», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О Вооруженных Силах Республики Беларусь», Кодексе Республики Беларусь об образовании, Трудовом Кодексе Республики Беларусь,

Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей и других нормативных правовых актов – перечислены ограничения, связанные с деятельностью политических партий **и иных общественных объединений, преследующих политические цели**. Эти ограничения обусловлены ст. 36 Конституции, ч. 2 которой гласит, что судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, Комитета государственного контроля, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели [12].

Однако в законодательстве не существует легального критерия для разграничения общественных объединений, преследующих и не преследующих политические цели. В Российской Федерации таким легальным критерием выступает участие в политической деятельности, как нами уже было указано выше.

Заключение

1. Ключевой проблемой для выявления вышеупомянутой категории организаций («иностранный агент») выступает наличие критерия разграничения политизированных и неполитизированных российских НКО. В настоящее время в белорусском законодательстве об общественных объединениях аналогичный критерий отсутствует, хотя понятие «иное общественное объединение, преследующее политические цели», активно используется.

2. Представляется возможным дополнить Закон Республики Беларусь «Об общественных объединениях» нормами, аналогичными российским, перечислив составы действий, которые относятся к политической деятельности. А именно: независимо от целей и задач, указанных в учредительных документах, участие (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях. Законодательное закрепление понятия политической деятельности позволит отграничить политизированные и неполитизированные общественные объединения. Представляется также допустимым изучить российскую практику правоприменения и в случае необходимости использовать данный критерий наряду с иностранным финансированием для отнесения общественного объединения к категории «иностранный агент» или аналогичной.

3. Опыт Российской Федерации показывает, что правовое регулирование деятельности общественных объединений играет при становлении партийной системы значительную роль, поскольку ограничивает нежелательное иностранное влияние. С политологической точки зрения добавление в законодательство таких понятий, как «иностранный агент», «нежелательная организация», «политическая деятельность», направлено на ряд позитивных изменений:

- ориентация организаций на поиск внутреннего финансирования;
- структурирование, дифференцирование гражданского общества;
- оздоровление гражданского общества, ограничение иностранного влияния;
- повышение правовой культуры населения;
- упорядочение практики взаимодействия политических партий и общественных объединений.

С учетом данных аспектов активная позиция законодателя позволяет позитивно влиять на архитектуру гражданского общества и моделировать его структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Прези-

дента Респ. Беларусь от 24 янв. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О некоммерческих организациях [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 12 янв. 1996 г., № 7-ФЗ : в ред. Федер. закона от 19.12.2016 г. // КонсультантПлюс. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

3. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.11.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 28 дек. 2012 г., № 272-ФЗ : в ред. Федер. закона от 23.05.2015 г. // КонсультантПлюс. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 декабря 2001 г., № 195-ФЗ : текст Кодекса по состоянию на 2 февраля 2017 г. // КонсультантПлюс. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : текст Кодекса по состоянию на 2 февраля 2017 г. // КонсультантПлюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

7. Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Российской Федерации. – 2016. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted>. – Дата доступа: 04.02.2017.

8. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ : в ред. Федер. закона от 23.11.2015 г. // КонсультантПлюс. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

10. О политических партиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.11.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2003 г., № 24 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 16.01.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

12. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.02.2017

Lazutkin A.V. Legal Regulation of the Activity of Public Associations as the Factor of Formation of the Party System in the Republic of Belarus

The article deals with some aspects of legal regulation of activity of public associations. A comparative legal analysis of the approach of the legislator in the Russian Federation and the Republic of Belarus is conducted. Such categories of nonprofit organizations as «foreign agent» and «undesirable organization», as well as subjects of extremist activity are analyzed according to Russian political and legal practices. A legislative consolidation of the concept of «political activity» as a criterion of differentiation of politicized public associations is offered to Belarusian legislation.

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316.344(476)

Р.А. Смирнова

д-р филос. наук, доц., руководитель Республиканского научно-исследовательского центра социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси

e-mail: smirnovasoc@yandex.ru

К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Предлагается авторский подход к изучению социальной структуры современного общества, основанный на синтезе марксистского (естественно-исторического), позволяющего выявить экономическую природу изменений в социальной структуре; неовеберовского, раскрывающего сложный и противоречивый социальный характер социальной динамики, а также культурно-символического, составляющего идеальный контекст современных социально-структурных трансформаций. Предлагается социологическое определение классов, позволяющее не только избежать элементов экономизации и дихотомичности марксистского понимания классов, но и операционализировать понятия с целью социологического изучения социально-классовой структуры белорусского общества.

Проблема социальной структуры общества, с одной стороны, достаточно традиционна, а с другой – в современных условиях совершенно не прояснена. Что такое социальная структура? В рамках различных социологических парадигм понятие социальной структуры трактуется по-разному. Не вдаваясь в систематизацию определений социальной структуры, чему посвящено достаточно много литературы, обозначим лишь общий смысл: в любом обществе существует многообразие социальных групп и институтов, связанных таким образом, что баланс их взаимоотношений при относительной изменчивости сохраняет общество в целостности.

Социальные группы могут быть разными: гендерная, возрастная, профессиональная, отраслевая, этническая и т.д. Однако в социуме есть структура, которая напрямую связана с производством и распределением в обществе, с теми социальными силами, которые либо заинтересованы в социальных изменениях, либо не заинтересованы в них, всячески стараясь сохранить тот порядок, который существует на момент их жизни и удовлетворяет их интересам. Это и есть социально-классовая структура. Она рассматривается как атрибут современного рыночного общества, результат конвертирования экономических процессов воспроизводства капитала в социальные процессы его неравного распределения. Если в Беларуси есть частная собственность на средства производства, есть свободный рынок труда и капиталов, то есть и классовая структура. Если же есть такая структура, то, на наш взгляд, необходим и классовый анализ как теоретический инструмент ее интерпретации, хотя другие типы социальных структур (гендерная, возрастная, профессиональная, отраслевая, этническая и т.д.) играют важную роль в социоструктурных процессах. В этом смысле социально-классовая структура общества рассматривается как сеть устойчивых и регулярных связей между социальными группами и институтами, существующими и взаимодействующими вне рамок отдельно взятого производственного или территориального образования, оказывающая влияние на функционирование и развитие социума в целом.

Авторский подход основывается на том, что понятие социально-классовой структуры, классовый подход и теория классов являются, прежде всего, инструментами познания, так же как и стратификационная теория, и теория П. Бурдьё, пытающаяся объяснить социальное расслоение общества через обладание разного вида социальными ре-

сурсами (социальный, культурный и экономический капиталы), и многие другие, что говорит о недопустимости их онтологизации и реификации.

Каждая из этих теорий пытается по-своему объяснить объективно происходящие социальные сдвиги и в зависимости от целей исследования способна не только описывать те или иные явления социальной жизни, но и открывать новые, неизвестные грани этих явлений, новые типы отношений и даже новые социальные группы, восходящие на историческую арену. При этом их использование зависит от места и времени: при стабильном социальном порядке и для определенных целей успешно может описывать социальную структуру стратификационная теория; в условиях смены общественного уклада – классовая теория К. Маркса; в периоды неустоявшихся социоструктурных изменений, зарождения новых и упадка некоторых прежних классов, обусловленных сменой общественного уклада, могут использоваться социологами новые социально-классовые теории или комбинированные из уже известных.

В то же время и в любой исторический момент для разных целей можно использовать разные подходы и методологии к одному объекту исследования, но в разных отношениях. Поэтому совершенно оправдан стратификационный подход, которого придерживается белорусский философ и социолог, академик НАН Беларуси Е.М. Бабосов. Этот подход позволяет дать картину социальной реальности, основанную на таких критериях стратификации, как доход, власть, престиж, территория, профессия и др. Не менее оправдан подход известных российских и белорусских социологов, в частности, Т.И. Заславской и Г.Н. Соколовой, выделяющих базовый слой общества как основу социальной структуры. Таким образом, использование того или иного методологического подхода зависит от предмета исследования и задач, которые ставит перед собой ученый.

В связи с такой методологической установкой предлагается авторская схема теоретико-методологического анализа социальной структуры современного общества, основанная на системном использовании трех ключевых подходов: марксистского (естественно-исторического), позволяющего выявить экономическую природу изменений в социальной структуре, неовеберианского, раскрывающего сложный и противоречивый социетальный характер социальной динамики, и культурно-символического, составляющего идеальный контекст современных социально-структурных трансформаций.

С помощью естественно-исторического подхода появляется возможность показать причину социально-классовой динамики в изменениях материальной жизни общества (советской индустриализации, урбанизации, трудовой мобильности, перехода на рыночную экономику и т.п.) в Беларуси, объяснить появление новых социальных групп (собственников, наемных работников и новой бюрократии) сменой прежнего социально-экономического уклада на рыночно-капиталистический.

Неовеберианский подход позволяет раскрыть специфическую социальную сторону белорусской траектории социально-структурных изменений по сравнению с изменениями в других постсоветских странах, обусловленную наличием и уровнем развития человеческих, социальных и материальных ресурсов, сложившимися в обществе политическими отношениями, межпоколенческими связями, социальными межгрупповыми и внутригрупповыми отношениями, менталитетом, традициями, политической активностью, доверием и отношением к власти и обществу в целом.

Культурно-символический подход акцентирует формы и способы самоидентификации индивидов, групп и классов, выраженных в ценностно-мировоззренческой системе этих индивидов и социальных коллективов.

Многоаспектный подход к изучению социодинамики социальной структуры общества помогает выявить противоречивый, неоднозначный характер проявления классово-дифференцирующих признаков в социальном положении их носителей, а также

появления промежуточных социальных групп и тем самым определить точки роста новых социальных общностей.

Так как сегодня существующие представления о классовой структуре связаны либо с дальнейшим развитием марксистской парадигмы, либо с обоснованием веберинской, либо вовсе с отказом от представления о классовом делении общества в пользу теорий стратификации, то необходимо четко понимать особенности каждой. Принципиальное отличие марксистского классового подхода от стратификационных теорий заключается, во-первых, в том, что классы определяются через отношение, а не через градацию. Во-вторых, отношения, определяющие класс, анализируются с точки зрения социальной, а не технической организации экономических отношений. И в-третьих, акцентируются социальные отношения, возникающие в процессе производства, а не обмена. И главное: стратификационная теория даже не ставит себе задачу объяснения социодинамики социальной структуры общества. Для этих целей марксова теория классов более эвристична и методологически корректна.

Однако нужно заметить, что уже в воззрениях Маркса видны все те противоречия и тенденции, которые в дальнейшем разовьются в самостоятельные теоретические представления. Наличие этих тенденций вызвано гносеологическими и онтологическими проблемами, стоявшими перед автором классовой теории.

Во-первых, это проблема объективности классов, во многом связанная с давней дискуссией номинализма и реализма. Маркс ее решал в пользу объективности классов, однако рассуждал о классах для себя, что, по его мнению, придавало классам полноценный характер. В контексте этой проблематики в западной социологии развилось т.н. «немарксистское» направление, связанное с отрицанием объективного характера классов. Например, Л. Уорнер, представитель этого направления, определил классы как социальные группы, в существование которых верят члены общества.

Во-вторых, это проблема неоднозначности в сфере классовой идентификации и самоидентификации. Впрочем, и до Маркса обращалось внимание на различие в образе жизни, образовании и т.д. В дальнейшем эта проблематика, которую можно назвать социологической, была глубоко раскрыта М. Вебером и получила развитие в неовеберинских концепциях классов.

В-третьих, это проблема разнообразия социальных групп, имеющих разное положение в общественной иерархии и не сводимое к строгой дихотомичности. Маркс разрешал ее, полагая, что это временное состояние, когда существуют остатки классовых пар предыдущих способов производства, и общество развивается в направлении строгой дихотомичности, когда останутся лишь два класса – буржуазия и пролетариат. Эта проблема приобрела новую актуальность во второй половине XX в., когда начался рост новых классов, которые было невозможно определить как обломки тех или иных старых классов.

В этой связи, чтобы избежать категоричности экономизации и дихотомичности марксового понимания классов, предлагается в контексте развития неомарксистской теории классов дать их социологическое определение через такие критерии классовообразования, как:

- 1) типичные формы и способы взаимодействий индивидов или групп людей по поводу производства и распределения;
- 2) специфические для них внутригрупповые и межгрупповые отношения, образ жизни и социальные ресурсы;
- 3) ценностно-мировоззренческую систему и связанные с ней формы самоидентификации.

Следовательно, можно сказать, что классы – это большие группы людей, отличающиеся типичными формами взаимодействия индивидов в отношении производства

и распределения, специфическими способами межгрупповых и социальных взаимоотношений и обладающие особой ценностно-мировоззренческой системой, являющейся основным способом и формой их самоидентификации.

Возможность и необходимость использования разных методологических подходов к определению классов и больших социальных групп обусловлена их многоаспектностью: их можно рассматривать и как предмет исследования, и как процесс изменения, и как процесс генезиса и смерти классов, и как элементы устойчивой структуры или иерархии; их можно рассматривать и с точки зрения групповой динамики, и с точки зрения индивидуального жизненного пути человека.

Предложенное определение социально-классовых групп как больших групп людей, отличающихся типичными формами взаимодействия индивидов в отношении производства и распределения специфическими способами межгрупповых и социальных взаимоотношений и обладающих особой ценностно-мировоззренческой системой, являющейся основным способом и формой их самоидентификации, носит именно социологический характер и поэтому позволяет осуществить социологическую операционализацию для использования его в конкретных социологических опросах. Поэтому при изучении классов необходимо выделять показатели объективного, субъективного и субъективно-объективного существования классов.

Показателями объективного существования классов и других социальных групп являются: разделение деятельности общности на умственный и физический, управленческий и исполнительский, квалифицированный и неквалифицированный, творческий и стереотипный труд; уровень доходов, наличие и отношение к частной собственности; специфический образ жизни; устойчивость социальных взаимодействий в процессе трудовой деятельности; социальные отношения и общность, выходящие за местные и региональные границы; социальные интересы.

В качестве субъективных показателей классового образования выступают ценности, мировоззрение, политические установки, идеологические взгляды.

Субъективно-объективными показателями классового положения являются социальный статус и его осознание, межпоколенческая мобильность в рамках отдельной биографии индивидов и групп, образование и социальные связи как ресурс социальной мобильности и др.

В качестве примера можно продемонстрировать процесс операционализации понятия крестьянства как нового класса, возникшего в условиях рыночной экономики, и сельскохозяйственных рабочих в агро сфере постсоветского пространства, в частности, в Беларуси, осуществленный в ходе социологического исследования человеческого потенциала белорусского села в 2014 г. отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси (руководитель – д-р филос. наук Р.А. Смирнова). Всего было опрошено 1 458 человек – жителей сел и агрогородков Беларуси.

При разработке модели классовой структуры сельского сообщества учитывался тот факт, что имущественное расслоение в белорусской деревне еще не получило широкого распространения, а если оно и существует, то не в таких масштабах и не так явно, как в других странах постсоветского пространства. Кроме того, в данном примере рассматривается только социальная структура работников сельского хозяйства, занимающихся физическим трудом (руководители, специалисты и сельская интеллигенция являются предметом специального этапа научной деятельности).

Для начала обозначим основные критерии классового образования в сельском сообществе. На наш взгляд, такими критериями выступают место в разделении труда, характер труда, способы получения дохода, отношение к собственности, образ жизни, социальные взаимоотношения, ценности и мировосприятие как способы самоидентификации сельских жителей.

В качестве одной из гипотез выступает предположение, что по мере углубления процессов индустриализации аграрного производства, урбанизации способов жизни и демократизации взаимоотношений на селе происходит постепенное разграничение сельских жителей, занимающихся физическим трудом, на три группы:

1) работающие на производстве в городе и ведущие городской образ жизни, но живущие в сельской местности;

2) работающие в индустриализованной аграрной сфере, но живущие по нормам сельской жизни;

3) работающие на собственном подворье и ведущие товарное хозяйство при сохранении крестьянского жизненного уклада.

Согласно данной гипотезе, к крестьянству как классу можно отнести лишь тех селян, характер труда которых (в отличие от сельскохозяйственных рабочих), во-первых, определяется нерегламентированными временными рамками; во-вторых, требует совмещения функций рабочего, руководителя, хозяина, собственника, распорядителя и продавца выращенной продукции, что делает труд крестьянина в меньшей степени отчужденным, нежели труд рабочего; в-третьих, осуществляется членами семьи или небольшим количеством наемных работников, которые трудятся на партнерских началах; в-четвертых, выступает главным источником дохода семьи (даже если они формально работают в общественном производстве); и в-пятых, связан с жизнью в сельской местности.

Соответственно, основными классовообразующими признаками (показателями) крестьянства выступают: ведение расширенного товарного производства сельхозпродукции; высокая доходность личного хозяйства; необременительность ненормированным рабочим днем; нежелание работать под чьим-то началом; самостоятельность в принятии решений; неотчужденный труд; участие в работе по хозяйству всей семьи или использование наемной силы на правах партнерства, а не найма по контракту; рыночное отношение к собственности на землю, средства и продукцию производства (желание приобрести больше земельных угодий, положительное отношение к частной собственности и др.); низкая миграционная мобильность; крестьянская самоидентификация и образ жизни.

Основываясь на этих критериях, первые две группы сельских жителей квалифицировать как крестьян очень трудно, но можно отнести их к рабочим сельскохозяйственного или промышленного производства. Их образ жизни и экономическое поведение радикально отличаются от крестьянского: если у рабочих и есть подворье, на котором трудятся все члены семьи, но получаемая продукция имеет исключительно потребительский характер (подобно дачному труду горожан), а основные доходы они получают с постоянного места работы в относительно крупном сельскохозяйственном производстве, где выступают в роли наемных работников.

Как правило, рабочие отличаются нерыночным отношением к собственности на землю (не хотят приобретать землю для производства) и продукции с подворья (не продают ее с целью получения и увеличения дохода); отсутствием потребности в расширении земельных угодий; высокой миграционной мобильностью; стремлением жить по городским образцам; ориентацией детей на «городские» профессии и городской образ жизни; желанием работать строго по времени, оговоренном в контракте (с выходными, праздниками и заслуженным отпуском); способностью участвовать в сложной технологической системе производства, достаточно точно выполняя технологические регламенты, нормативы и указания начальства; классово-коллективистской солидарностью и социальной субъектностью.

В ходе социологического исследования выяснились такие параметры, как: 1) источники доходов и уровень материального обеспечения; 2) потребительский или товар-

ный характер отношения к продукции; 3) согласие на миграцию ради дохода и т.п.; 4) желание заняться фермерством, агротуризмом; 5) желание приобрести землю; 6) отношение к собственности на землю; 7) миграционные намерения; 8) демографическое поведение и семья (сколько детей, какого возраста и др.); 9) способы самоидентификации и др.

Используя выше указанные показатели, полученные в ответах на вопросы, можно получить социальный портрет современных работников материального производства в белорусском селе. На основании результатов социологического опроса и анализа данных, полученных в 2014 г., было выявлено, что в сельском сообществе в сфере материального производства складываются две самостоятельные социальные группы работников физического труда: крестьяне (пока еще в стадии формирования) и сельскохозяйственные рабочие. Каждая из этих групп выполняет свою социально-экономическую функцию, дополняя друг друга в решении проблем продовольственной безопасности и стабилизации сельского социума.

Социологический анализ представленного методологического подхода к изучению социальных групп и классов позволяет не только показать социально-классовую карту белорусского общества, но и выявить те социальные группы, которые, являясь «точками роста» и качественного изменения, могут «переформатироваться» в новые социальные силы, способные стать в авангарде социального прогресса белорусского общества. Ситуация усложняется невозможностью коренных социально-экономических преобразований, крупных национальных проектов и даже текущих социальных программ без знания социально-структурной карты Беларуси, определения той социальной базы, на которую можно опираться при их реализации. Кроме того, актуальность изучения социодинамики социальной структуры белорусского общества обусловлена необходимостью выяснения политического и протестного потенциала разных социальных групп, а также масштабов влияния на общество социальных сил, заинтересованных в сохранении сложившегося социального порядка в стране.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2017

Smirnova R.A. To the Question of Methodology of Study of Social-class Structure of the Belarusian Society

The author's approach to the study of the social structure of modern society based on the synthesis of Marxism, which allows to determine the economic nature of the changes in the social structure; Neoveberian, which reveals the complex and contradictory nature of social dynamics, as well as cultural and symbolic, which is an ideal context of contemporary social and structural changes is offered. A sociological definition of classes that helps to avoid economization and dichotomy of the Marxist understanding of the class, as well as to implement this concept with a view to the sociological study of social-class structure of the Belarusian society is given.

УДК 316.343:316.324.5/8

Е.В. Скакун¹, С.Т. Кавецкий²

¹канд. полит. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: skakun.ev@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕГО КЛАССА В ТЕОРИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВ

Рассматриваются возникновение и эволюция понятия «средний класс»; социальные классы в учениях О. Конта и К. Маркса; теории социальной стратификации М. Вебера и П. Сорокина; опыт эмпирического изучения среднего класса за рубежом. Сделан вывод о том, что в первоначальном смысле под термином «средний класс» понималась буржуазия, которая формировалась за счет экономических и интеллектуальных ресурсов и представляла собой самостоятельный класс, имеющий собственные интересы. Рассмотрены различные научные подходы к изучению социальной структуры общества и среднего класса в частности.

Понятие среднего класса вызывало интерес почти на всех стадиях общественного развития человечества. Выражения «класс» и «средний класс» фигурировали в трудах античных мыслителей (Платона, Аристотеля), представителей Средневековья (А. Августина, Ф. Аквинского) и эпохи Возрождения (Н. Макиавелли, Т. Мора) прежде всего в качестве идеологических представлений. Еще в работах мыслителей Древнего Востока и Древней Греции отмечалось, что между «верхами» и «низами» общества есть некая более или менее многочисленная «середина». Философы древней античности определяли классы как иерархию трех основных слоев (высшего, среднего и низшего), которая основана на таких отличиях между людьми, как знатность, власть и богатство. Аристотель в своем труде «Политика» отмечал существование во всех государствах трех социальных элементов: самостоятельные (богатые), крайне неимущие и стоящие посередине. «Стоящие посередине», по его мнению, являлся самой прочной основой общества и организации общества, так как отличался рациональностью и умеренностью. И поэтому преобладание в обществе среднего класса над «богатыми» и «бедными» было самым важным фактором в стабилизации жизни государства.

Несмотря на то, что четкого понимания признаков среднего класса в то время еще не существовало, тем не менее анализировались его социальная значимость и содержание политических реформ, направленных на его развитие. Все это свидетельствует о существовании представлений о среднем классе и их определенной устойчивости.

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли развил античные постулаты о стабилизирующей роли среднего класса, к которому он относил торгово-ремесленное население итальянских городов. Принципиально иной позиции придерживался Т. Гоббс, провозгласивший равенство всех людей в правах, свободах, власти и привилегиях.

В Новое время средний класс также рассматривался как социальная категория, представляющая слой между богатыми и бедными. Средний класс выделялся по «остаточному» признаку, а не на основе каких-то его качественных особенностей. Фактически при такой трактовке он оказывался аналогом «третьего» сословия в Европе, объединявшего ремесленников, купцов, лавочников и т.п.

Таким образом, анализ работ предвестников социологии позволил сделать вывод, что в первоначальном смысле под термином «средний класс» понималась буржуазия, которая формировалась за счет экономических и интеллектуальных ресурсов и представляла собой самостоятельный класс, имеющий собственные интересы.

У О. Конта и К. Маркса мы находим различные научные подходы к изучению социальной структуры общества и среднего класса в частности. Так, О. Конт при выделении социальных классов учитывал моральные и интеллектуальные характеристики, которыми должны обладать индивиды для выполнения значимой функции в обществе. В основу образования классов он положил разделение труда, разграничив класс философов, или ученых, образующих интеллектуальную и моральную основу общественного порядка; индустриалов, или патрициат (предпринимателей, «средние классы»), а также производителей, или пролетариат. Раскрывая их сущность и функции, О. Конт указывал на сочетание «двух особых классов, чрезвычайно неравных по численности, но одинаково необходимых, – патрициат и пролетариат. Внутри них выделяются более мелкие социальные группы. Так, патрициат делится на банкиров, управляющих капиталами, и предпринимателей, непосредственно управляющих работами. Предприниматели, в свою очередь, делятся на промышленных и сельскохозяйственных [1, с. 80]. О. Конт подробно описывал еще один социальный класс – философов, или мыслителей, к которому по своим умственным и моральным характеристикам наиболее приближен класс производителей, или пролетариат.

Проведенный анализ показал, что в отличие от многих своих предшественников О. Конт передовыми социальными группами считал класс мыслителей и класс пролетариата, обладающих особыми интеллектуальными и моральными характеристиками. Под средним классом О. Конт подразумевал социальные категории (предпринимателей, управляющих, банкиров), которые не имеют способности к необходимому философскому мышлению, но благодаря соответствующим навыкам обеспечивают управление материальным благосостоянием общества.

В марксизме категория «класс» используется наиболее активно. Однако ни у Маркса, ни у Энгельса нет четкого ее определения. В письме И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. К. Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [2, с. 426–427]. В трактовке «класса» К. Марксом и Ф. Энгельсом нередко переплетаются экономические, политические и философские аспекты содержания. В «Манифесте Коммунистической партии» сказано: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу». В целом из работ К. Маркса следует, что социальный класс обладает следующими базовыми характеристиками: а) является объективным социальным образованием; б) определяется отношением к средствам производства; в) обладает четко выраженным интересом, необходимым для борьбы с другими классами.

При анализе классовой структуры общества марксизм различает классы основные и неосновные, а также учитывает наличие различных групп, слоев внутри классов и промежуточных прослоек между классами. Основными классами называются такие классы, существование которых непосредственно вытекает из господствующего в данной общественно-экономической формации способа производства. Это рабы и рабовладельцы, крестьяне и феодалы, помещики, пролетарии и буржуазия. Но наряду с господствующим способом производства в классовых формациях могут сохраняться и остатки прежних способов производства или возникать ростки новых в виде особых укладов хозяйства. С этим связано существование неосновных (переходных) классов. В тех капиталистических странах, где сохранились значительные пережитки феодализма, существуют в качестве неосновных классов помещики, все более срастающиеся с буржуази-

ей. В большинстве капиталистических стран имеются неоднородный слой мелкой буржуазии (мелкие крестьяне, ремесленники), который по мере развития капитализма дифференцируется. Внутри классов обычно имеются различные группы, интересы которых частично не совпадают.

Как мы видим, теория К. Маркса, хотя и исключала сам термин «средний класс», однако предусматривала существование промежуточных групп общества – социальной прослойки, находящейся между двумя основными противоборствующими классами (буржуазией и пролетариатом). По К. Марксу, представители этого слоя обладают особыми управленческими способностями, благодаря чему совмещают в своей деятельности функции капитала и труда.

Большой вклад в развитии идей социальной стратификации, социальных классов и среднего класса в частности внес М. Вебер, который «класс» определял как «всякую группу людей, находящихся в одинаковом классовом положении» [3, с. 141], или в одинаковой «классовой ситуации» [4, с. 163]. Одинаковую «классовую ситуацию» он понимал как «совокупность типичных шансов на получение прибавочного продукта, внешних условий жизни и личного жизненного опыта, поскольку эти шансы детерминированы объемом и видом власти (либо недостатком таковой), позволяющей распоряжаться товарами или квалификацией в целях получения дохода в рамках данного экономического порядка» [3, с. 163]. Очевидно, что ключевым в определении социального класса у М. Вебера является понимание «жизненного шанса» и вытекающего из него «рыночного шанса» как общего условия судьбы индивида.

Классовые разделения, по мнению ученого, проистекают из других экономических факторов, напрямую не связанных с собственностью. В качестве центрального критерия М. Вебер предложил жизненные шансы индивидов, определяемые как материальные вознаграждения, социальные и культурные возможности, которых может ожидать типичный член группы или класса в пределах конкретного общества. Количество и качество ресурсов, которыми обладает индивид, обуславливают его возможности в рыночных отношениях. К таким ресурсам Вебер относит владение не только средствами производства, но и знаниями, рабочей силой. Высокие рыночные позиции могут занять те, кто обладает ценной и востребованной квалификацией: «Природа современной организации государства и общества ... обуславливает привилегированное положение профессиональной подготовки, а тем самым ... образованности, этого наимоощнейшего элемента межсословных различий в рамках современного общества» [5, с. 71].

М. Вебер не дает исчерпывающего определения среднего класса, однако выделяет его ключевые характеристики – владение собственностью или профессиональным капиталом. В своей теории М. Вебер выделил два сегмента: «нижние средние классы» (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы) и «профессионалы» (специалисты, чиновники, интеллектуалы, администраторы). Как и у предшественников, средний класс у М. Вебера неоднороден; он имеет промежуточный статус и располагается между «позитивно привилегированными классами», владеющими собственностью, и «негативно привилегированными классами», не имеющими собственности и квалификации.

По мнению А.Э. Чаплыгина, М. Вебер представляет социальную структуру капиталистического общества в виде разделения на высший, средний и низший классы. При этом в основе ключевого признака различий между классами выступает размер собственности (угодий). Для представителей среднего класса важно то место, которое они занимают на рынке труда, что обеспечивает им хороший доход. По этому признаку он определяет некую социальную мобильность в отношении рабочих, которые, выступая монополистами – владельцами исключительных знаний, выходят из низших позиций в обществе. Следовательно, профессиональные навыки являются отправной точкой в формировании среднего класса [6, с. 292].

П.А. Сорокин сформулировал свои базовые представления о социальной структуре общества и о социальных классах в работе «Система социологии». Концепция П.А. Сорокина демонстрирует интегральность подхода к вопросу о социальных классах. Под социальным классом П. Сорокин понимал совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные социально-правовые интересы [7, с. 375–376]. Согласно данной классификации, население большинства государств распадается на четыре основных класса:

1) трудовые крестьяне (профессия – обработка земли физическим способом; имущественное положение среднее или относительно бедное; объем прав – ограниченный);

2) наемные рабочие (профессия – наемный труд физического характера; имущественное положение – от среднего до бедного; объем прав ограничен рамками трудовых контрактов);

3) землевладельцы (профессия – помещики, живущие земельной рентой и выполняющие интеллектуально-управленческие функции; имущественное положение – богатые относительно рабочих и крестьян; объем прав – привилегированный);

4) капиталисты (профессия – представители промышленного, торгового и финансового капитала; имущественное положение – богатые; объем прав – привилегированный, но иной, чем у землевладельцев).

Отсюда следует, что автор предполагает плюралистический, многофакторный подход к общественным классам.

В работе «Человек. Цивилизация. Общество» П. Сорокин особое место отводит социальной стратификации. Согласно Сорокину, стратификация функционально необходима для развития общества. Он определяет социальную стратификацию как «дифференциацию некой данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге» [8, с. 302], выражающуюся в существовании высших и низших слоев. Основными критериями социальной стратификации, по его мнению, выступают экономические, политические и профессиональные факторы. Экономическое расслоение означает неодинаковость экономических статусов, иначе говоря, наличие экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровней жизни, в существовании богатых и бедных слоев населения. Политическая дифференциация описывает систему иерархических рангов, которая опутала, подобно гигантской паутине, все общество. Она включает авторитеты, власть, престиж, звания, почести. Профессиональная дифференциация – это разделение населения по родам деятельности, занятиям и профессиям, одни из которых считаются более престижными, другие менее, а их организация обязательно предполагает руководителей различного ранга и подчиненных.

Очевидно, концепция П. Сорокина демонстрирует интегральность подхода к вопросу о социальных классах, которые он понимал как «кумулятивные коллективные единства». П.А. Сорокин не проводил конкретного анализа категории «средний класс», однако разработанная им методология способствовала развитию его теории социальной стратификации, в рамках которой он уделил среднему классу особое внимание.

Исследование социальной стратификации постиндустриального общества нашло свое выражение в работах таких авторов, как Л. Уорнер, Ч. Миллз, Г. Брейверман, О. Райт, А. Турен, Р. Дарендорф, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Б. Барбер, К. Дэвис, Дж. Голдторг, Э. Гидденс и др.

Теории социальной стратификации базируются на представлении, что страта – социальная группа – представляет собой реальную, эмпирически фиксируемую общность, объединяющую людей на каких-то общих позициях или имеющих общее дело, которое приводит к конструированию данной общности в социальной структуре общества и противопоставлению другим социальным общностям. В основе теории стратификации лежат объединения людей в группы и противопоставление их другим группам

по статусным признакам: властным, имущественным, профессиональным, образовательным и т.д. При этом предлагаются различные критерии стратификации.

Западногерманский социолог Р. Дарендорф предложил в основу социальной стратификации положить политическое понятие «авторитет», которое, по его мнению, наиболее точно характеризует отношения власти и борьбу между социальными группами за власть. На основе этого подхода Р. Дарендорф представляет структуру общества, состоящего из управляющих и управляемых. Первых он, в свою очередь, делит на управляющих собственников и управляющих несобственников, или бюрократов-менеджеров. Вторых он также подразделяет на две подгруппы: высшую, или рабочую аристократию, и низшую – низкоквалифицированных рабочих. Между этими двумя основными группами он помещает т.н. «новый средний класс» [9, с. 112].

Американский социолог Л. Уорнер предложил свою гипотезу социальной стратификации. В качестве определяющих признаков группы он выделил четыре параметра: доход, престиж профессии, образование и этническая принадлежность. На основе этих признаков правящую элиту он разделил на шесть групп: высшую, высшую промежуточную, средне-высшую, средне-промежуточную, промежуточно-высшую, промежуточно-промежуточную.

Американский социолог Б. Барбер провел стратификацию по шести показателям: 1) престиж, профессия, власть и могущество; 2) уровень дохода; 3) уровень образования; 4) степень религиозности; 5) положение родственников; 6) этническая принадлежность.

Французский социолог А. Турэн считает, что все эти критерии уже устарели и предлагает определять группы по доступу к информации. Господствующее положение, по его мнению, занимают те люди, которые имеют доступ к наибольшему количеству информации [9, с. 112–113].

Английский социолог Э. Гидденс, который разрабатывает вопросы стратификации современного общества, считает, что классы можно определить как большие группы людей, обладающих сходными экономическими ресурсами, что оказывает сильное влияние на доступный им образ жизни. Владение богатством, а также род занятий являются основой классовых различий. В современном западном обществе существуют следующие основные классы: высший класс, состоящий из незначительного меньшинства людей, которым принадлежит как богатство, так и власть и которые могут передавать свои привилегии по наследству своим детям; средний класс, сформированный в основном из тех, кто занят видами деятельности, характерными для «белых воротничков» (учителя, специалисты-медики и служащие в индустрии услуг); рабочий класс, который образуют люди, занятые физическим или ручным трудом [10, с. 251–273]. По его мнению, средний класс наделен особыми функциями стабилизации социального пространства как на уровне объединенного социума, так и на уровне территориальных образований.

Во второй половине XX в. происходит методологическое переосмысление концепции среднего класса, который начинает рассматриваться в ракурсах «старого» и «нового» среднего класса. Основным отличием нового среднего класса выступало наличие специфического человеческого капитала. Постепенно исследовательский интерес переходит именно на «новый» средний класс, который в то время был представлен менеджерами, учеными, инженерами и др.

В работах 1970-х – начала 80-х гг. Дж. Голдторп разработал «классовую схему», позволяющую дифференцировать классовые позиции в терминах отношений занятости. Именно отношения занятости выступают тем фактором, который детерминирует структуру классовых позиций в современном обществе. Эта идея была положена в основу исследований социальной мобильности. Анализируя классовую ситуацию, Дж. Голдторп вычленяет «старый» и «новый» средний класс и считает, что происходит усиление дифференциации внутри класса по уровню образованности и квалификации.

Британские ученые М. Севедж, Дж. Барлоу, П. Диккенс, Т. Филдинг отмечают, что средний класс в социальной структуре британского общества остается значимым; что большую роль в его анализе должно играть рассмотрение миграционных практик и географического расселения его представителей; что средний класс в современной Великобритании становится все более фрагментированным, но при этом все же остается единым. Ученые приходят к выводу, что подгруппа менеджеров как часть среднего класса в Великобритании сформировалась в первую очередь благодаря наличию у них организационных активов. Однако возможности эксплуатации, обусловленные организационными активами, связаны прежде всего с определенными позициями в бюрократической структуре, а не с менеджерами, которые их занимают. Поэтому формирование класса менеджеров как особого класса затруднено.

В работах О. Зунца, Л. Шоппа и Н. Хиватари представлен развернутый обзор истории среднего класса в разных странах и его современного положения. Авторы рассматривают историю формирования среднего класса в Германии, Великобритании, Франции, Японии и США, анализируют социальные конфликты внутри среднего класса (проблемы расы, гендера, семьи и т.п.) и, наконец, прогнозируют будущее среднего класса в условиях глобализации. Они отмечают, что численность среднего класса в послевоенной Европе значительно увеличилась, благодаря трансформациям социальных контрактов. Социальные контракты в разных странах принимали различные формы, общим же было одно – упор на создание и сохранение новых институционализированных паттернов социального единства общества. Это происходило в условиях, когда численность среднего класса начала возрастать в результате размывания границы между «синими» и «белыми воротничками», сокращения первичного сельскохозяйственного сектора, роста числа рабочих мест для «белых воротничков», расширения рынков, улучшения доступа к образованию, возможностей вертикальной межпоколенческой мобильности.

На формирование средних классов оказали значительное влияние уникальные социополитические и экономические условия каждой из стран. Так, Х. Сигрист, анализируя ситуацию в Германии, описывает оказавшиеся разными для западной и восточной частей страны последствия объединения двух непохожих социально-экономических систем. В Западной Германии в послевоенные годы шло возрождение демократически ориентированного среднего класса, в то время как в Восточной Германии средний класс занял положение обслуживающих интересы социалистического государства в целом и рабочего класса в частности. Объединение Германии заставляет ее средний класс сегодня беспокоиться в большей степени о формах социального контракта на объединенной территории, чем о своем будущем в условиях глобализации.

В свою очередь, Франция выделяется степенью различий, которые долгое время существовали в рамках среднего класса вследствие сильных региональных различий и больших преимуществ, которые дает статус государственного служащего. Средний класс во Франции, по словам К. Шарля, долгое время не имел единой групповой идентификации. Однако к концу XX в. можно говорить о формировании в стране широкого среднего класса, который все же нельзя назвать однородным: госслужащие и чиновники занимают в нем особое, привилегированное положение.

В Японии до Второй мировой войны средний класс оставался несущественным социальным слоем. Однако опыт войны и поражения, по утверждению Э. Гордона, имели значительный эффект, так как все население направило силы на достижение успеха в новой жизни. Такой исторический опыт содействовал росту гомогенности общества, однако только к концу 1950-х – началу 1960-х гг. средний класс стал здесь значимым социальным субъектом. В это время произошло «размывание» границ между рабочими физического и нефизического труда, чему способствовало, в частности, развитие общеобразовательной системы.

В Великобритании рабочие долго сохраняли собственную классовую идентификацию, и средний класс там в целом оказывается численно меньше, чем в других европейских обществах. М. Севедж говорит, что традиционная гордость, присущая английским рабочим, их приверженность демократическим ценностям привели к низкому уровню идентификации населения со средним классом.

При анализе положения и роли среднего класса в развитых индустриальных обществах послевоенных лет в отличие от исследования социальной структуры общества в целом ученые особо акцентируют внимание на субъективном критерии – классовой идентичности, «самозачислению» в тот или иной класс. Этот критерий может быть довольно эффективен в обществах со стабильной социальной структурой [11, с. 49–56].

Н.В. Тихонова выделяет четыре основных подхода, которые в настоящее время используются в социологии для выделения среднего класса.

Первый связан с бытующим представлением о среднем классе как о таком массовом социальном субъекте, который характеризуется, прежде всего, сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления. В качестве критерия выделения среднего класса используют уровень душевого дохода и/или наличие определенного набора дорогостоящего имущества. Именно этот подход характерен обычно для маркетинговых исследований (что позволяет условно назвать его маркетинговым), однако он иногда встречается и в социологической литературе. Ключевым предметом дискуссий при этом обычно выступает вопрос «сколько и чего» должен иметь человек, чтобы его можно было рассматривать как представителя среднего класса.

Второй подход связан с тем, что исследования среднего класса имеют не только маркетинговое, но и политическое значение. Такой подход предполагает акцент при определении критериев среднего класса прежде всего не на имущественные, а на идентификационно-психологические характеристики индивидов, поскольку именно они в наибольшей степени влияют на их социальное самоощущение и социально-политические настроения и поведение. В этом случае средний класс выделяется на основе самоидентификаций людей, «самозачисления» ими себя в состав среднего класса или определенных оценок ими своего социального статуса, что позволяет назвать этот подход субъективным.

И маркетинговый, и субъективный подходы имеют, однако, при всей их распространенности весьма ограниченные эвристические возможности и не позволяют выделить гомогенные социальные группы, в том числе и тот средний класс (а не просто средние слои), который мог бы рассматриваться как элемент реальной социальной структуры общества.

Третий подход основывается на специфике объема, типа и структуры активов (реурсов), которыми располагает тот или иной человек. Согласно ему средний класс делится на т.н. «новый» средний класс (менеджеры и специалисты, являющиеся владельцами развитого человеческого капитала) и «старый» средний класс – малый бизнес, получающий дивиденды со своего экономического капитала.

Наконец, четвертый подход связан с попыткой комплексного применения традиционных для неовеберианской традиции критериев выделения среднего класса: определенные характеристики социально-профессионального статуса, образование, имущественно-доходные характеристики; иногда к ним добавляется и самоидентификация. Этот подход наиболее широко распространен в мире при исследованиях среднего класса [11, с. 8–10].

Подходы, которые мы рассмотрели, анализируя средний класс, вытекают из особенностей развития общества на том или ином этапе, прямо отражая эволюцию самого среднего класса по мере перехода от одной эпохи к другой. Таким образом, средний класс, появившийся в индустриальном обществе как промежуточное образование меж-

ду элитой и неимущими, прошел путь развития и трансформации. Его формированию способствовали эволюция экономического пространства, третичного сектора, а также особая политическая направленность государств Запада.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гофман, А. Б. Семь лекций по истории социологии : учеб. пособие для вузов / А. Б. Гофман. – 2-е изд. – М. : КДУ МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. – 208 с.
2. Маркс, К. Письмо И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М., 1955–1981. – Т. 28. – 1962. – 767 с.
3. Вебер, М. Сословия и классы / М. Вебер ; пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вестн. МГУ. Сер. 18, Социология и политология. – 2003. – № 4. – С. 141–148.
4. Кравченко, А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика / А. И. Кравченко. – М. : На Воробьевых, 1997. – 208 с.
5. Вебер, М. Избирательное право и демократия в Германии / М. Вебер // Политические работы (1895–1919). – М. : Праксис, 2003. – 424 с.
6. Чаплыгин, А. Э. Средний класс: эволюция понятия / А. Э. Чаплыгин // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. – 2010. – Т. 4, № 1. – С. 291–297.
7. Сорокин, П. А. Система социологии : в 2 т. / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1993. – Т. 2. – 527 с.
8. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. ; под ред. А. Ю. Соколова. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Социология : учеб. пособие / А. Н. Елсуков [и др.] ; под ред. А. Н. Елсукова. – 2-е изд., испр. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 544 с.
10. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс, К. Бердсолл : пер. с англ. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
11. Тихонова, Н. Е. Средний класс: теория и реальность / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева. – М. : Альфа – М, 2009. – 320 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2017

Skakun E.V., Kavetski S.T. Historiographical Challenges of the Middle Class in the Theories of Industrial and Postindustrial Societies

The article discusses the origins and evolution of the «middle class» concept; social classes in O. Cont and K. Marx studies; M. Weber's and P Sorokin's social stratification theories; foreign empiric middle class studies. The analysis of sociology's predecessors enabled to conclude that initially the term «middle class» referred to the bourgeoisie that developed from economic and intellectual resources and represented a separate class with the interests of its own. Various scientific approaches to studying the social structure of the society, and, in particular that of middle class are discussed.

УДК 323.21

А.И. Лысюк¹, М.Г. Соколовская²¹д-р полит. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкинаe-mail: msokolovska@yandex.by**ВЕЛОСИПЕДЫ И ВЕЛОСИПЕДИСТЫ В ГОРОДСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

С помощью социологического инструментария дается анализ состояния и перспектив велосипедного движения в г. Бресте. Указывается на зависимость его развития от ориентации человека на следование принципам здорового образа жизни. Констатируется наличие значительного количества велосипедов, находящихся в распоряжении жителей, что они используются нечасто и для преимущественно утилитарных целей. Относительно высоко оценивается потенциал развития велосипедного движения в городе, отмечена позитивная динамика в развитии велосипедной инфраструктуры, в целом положительно оценивается деятельность в этой сфере общественности и органов государственной власти. Критически оцениваются темпы и качество преобразования велосипедной инфраструктуры в городе, особенности оборудования велостоянок и количества велодорожек.

Введение

Очевидным является тот факт, что в современном мире (и в нашей стране тоже) с каждым годом все большее число людей при передвижении по транспортным и туристическим артериям отдают предпочтение велосипеду. Поэтому важное значение имеет проведение социологического анализа проблемных вопросов развития велосипедного движения в городе Бресте сквозь призму их восприятия местными жителями.

Целью исследования является определение широкого спектра ориентаций горожан относительно возможностей, рисков, проблем, достижений, ограничений, рамочных условий и т.п., связанных с использованием велосипеда в городе, что важно для последующей корректировки этой системы (инфраструктуры) в первую очередь при принятии государственных решений. Одной из локальных задач данного исследования стало определение перспектив велосипедного движения в г. Бресте, а также разработка предложений по его оптимизации и приближению к «евростандартам». Следует отметить, что подобное исследование в Республике Беларусь проведено впервые.

Группой социологов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина под руководством А.И. Лысюка был проведен социологический опрос с целью выявления отношения жителей г. Бреста к различным аспектам использования ими велосипедов в городском и туристическом форматах. По случайной выборке нами были опрошены 350 человек (ошибка репрезентативности не превышает 5%), проживающих в городе и представляющих основные демографические группы. Учитывая то важное обстоятельство, что пользование велосипедом требует определенной физической готовности, мы ограничили группу респондентов возрастом 60 лет. Исследование было проведено в сентябре–октябре 2016 г.

Велосипедное движение в контексте здорового образа жизни

Говоря о развитии велосипедного движения в городе, необходимо первоначально отметить, что этот процесс напрямую связан с популярностью или отторжением горожанами здорового образа жизни и существующими трендами в этой сфере. Очевидно, что чем большее число людей будут выбирать его алгоритмы и принципы в качестве своих мотивационных стратегий, тем шире станет круг велосипедистов.

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что существенное число жителей Бреста (56,9%) уже выбрали в качестве своего жизненного ориентира формат здорового образа жизни. Правда, следует констатировать, что немалое число горожан (28,9%) пока еще не готовы следовать принципам ЗОЖ. Затруднились ответить 14,2% опрошенных (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «Ведете ли Вы здоровый образ жизни?», %

Да	56,9
Нет	28,9
Затрудняюсь ответить	14,2

С какими же моделями поведения, особенно активными, ассоциируется у наших респондентов здоровый образ жизни, и в какой степени он связан с использованием велосипеда? В первую очередь, отметим тот социологический факт, что современные горожане относительно слабо связывают формат ЗОЖ с физической активностью. Социологический опрос показывает, что здоровый образ жизни ими воспринимается преимущественно в контексте наличия либо отсутствия у человека вредных привычек (об этом заявили 50,0% респондентов): в белорусском дискурсе в этом случае речь идет об умеренном потреблении алкоголя (чаще) или его полном игнорировании (реже) и, разумеется, об абсолютном игнорировании курения.

35,4% жителей города постоянно следят за состоянием своего здоровья, а это значит то, что в некоторых жизненных ситуациях для улучшения его качества они потенциально могут выбрать активные физические занятия включая и велосипед, но, разумеется, этот выбор может и не состояться.

Важным действием в пользу ЗОЖ для 25,4% опрошенных является соблюдение правил здорового питания.

Естественно, дорога к здоровью традиционно связана с активными физическими упражнениями (нагрузкой). Такой способ поведения для 44,3% брестчан связан преимущественно с тем, что, по их представлениям, они достаточно много ходят пешком. Как правило, это не спортивная либо скандинавская ходьба, а передвижение по городу, особенно его центральной части, для решения собственных житейских проблем.

Относительно небольшая часть респондентов (21,1%) указала на активно-спортивный формат ЗОЖ, а именно на занятия спортом и танцами. И только 7,1% горожан напрямую связывают велосипед с этим феноменом.

Некоторая часть респондентов в подразделе «другое» указала на то, что они не системно (изредка, периодически, время от времени) стремятся вести ЗОЖ, но установка на него плохо «срабатывает» по причине отсутствия времени и иным объективным (не зависящим от них) причинам (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Каким образом Вы следуете принципам здорового образа жизни?», %

Не имею вредных привычек	50,0
Много хожу пешком	44,3
Слежу за здоровьем	35,4
Правильно питаюсь	25,4
Занимаюсь спортом и танцами	21,1
Регулярно передвигаюсь на велосипеде	7,1
Другое	2,9

Существует ли в городе потенциал для усиления тренда «здоровый образ жизни»? Для того чтобы понять это, тем респондентам, которые заявили, что они не ведут подобного образа жизни, адресовался вопрос о причинах этого, казалось бы, совсем нерационального решения. В процессе исследования выяснилось, что эти причины у многих респондентов носят, как правило, личный, субъективный характер. Среди таких факторов «лидирующее положение» занимает сам факт отсутствия темы ЗОЖ в сознании и бессознательном. Так, чуть более половины брестчан (50,5%) в силу особенностей личной культуры просто не думают на эту тему. К ним можно присовокупить и тех опрошенных (11,9%), которые полагают, что у них «здоровье и так хорошее», а еще 7,9% убеждены, что им «еще рано об этом думать», а значит, нет явного смысла размышлять в этом направлении.

Особая и довольно значительная часть горожан (48,5%) относится к категории тех, которые все знают и правильно понимают (в том числе и необходимости ведения ЗОЖ), но не способны при этом на волевой поступок, а значит, нуждаются, как и обозначенная выше группа респондентов, в создании системы мотивации и стимулирования для изменения жизненной стратегии в пользу более достойного («здорового») ее варианта, поскольку на данный момент основным тормозом в его выборе является безответственная лень. 42,6% жителей Бреста констатируют, что они могли бы вести ЗОЖ, но не делают это по вполне объективному обстоятельству – отсутствию времени. Думается, однако, что здесь присутствует известное лукавство, а проблема заключается не в отсутствии времени, а в существующей у человека системе жизненных приоритетов.

Несколько более четверти опрошенных (27,7%) указывают на такой личностный ограничитель ЗОЖ, как отсутствие денег, что отчасти верно, поскольку в стране неумолимо расширяется спектр платных спортивных, физкультурных и танцевальных услуг. Однако очевидно и то, что существенный комплекс оздоровительных занятий требует не денег, а простого волевого решения.

10,8% опрошенных в той или иной степени подвержены негативному действию механизмов подражания своему окружению, поскольку в их «ближнем круге» никто не ведет ЗОЖ. Отдельные опрошенные игнорируют ЗОЖ, так как им очень даже нравится потребление алкоголя и курение, ночная клубная жизнь, а у кого-то просто нет мотивации, и они не видят в ЗОЖ важного для себя смысла. Некоторые из них, правда, планируют что-то со временем изменить в этом направлении, но только потом, а не сейчас (таблица 3).

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос «По каким причинам Вы не ведете здорового образа жизни?», %

Как-то об этом не думаю	50,5
Просто лень	48,5
Нет времени	42,6
Нет денег	27,7
У меня здоровье и так хорошее	11,9
Никто в моем окружении не ведет здоровый образ жизни	10,8
Еще рано об этом думать	7,9
Другое	3,8

Количественные параметры использования велосипедов

Результаты социологического исследования указывают на довольно большое количество велосипедов в наших домах и квартирах – почти две трети семей (64,3%) имеют их в своем распоряжении (таблица 4). Можно даже утверждать на примере Бреста, что в количественном плане Беларусь уже является велосипедной страной.

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос «Имеется ли в Вашей семье велосипед?», %

Да	64,3
Нет	35,7

При этом 44% респондентов сами пользуются этим велосипедом. Одновременно его используют и 62,2% членов их семей. Бывают случаи, когда велосипед передается в «аренду» друзьям или знакомым. Только 12,8% опрошенных заявили о том, что имеющийся велосипед никто не использует.

Не следует, однако, опираясь на эти цифры, делать оптимистические выводы о высокой степени «велосипедизации» города и массовом использовании местными жителями велосипедов. Анализ опроса показывает, что во многих случаях мы имеем дело, образно говоря, с «кладбищами велосипедов», поскольку их обладатели применяют их нечасто либо совсем не используют. Так, только 6,2% их хозяев используют велосипед почти каждый день; 8,9% их владельцев – примерно один раз в неделю; 13,8% опрошенных – 2–3 раза в месяц; 19,6% – несколько раз в полгода. Серьезный интерес к велосипедам у 28,9% горожан «просыпается», как правило, летом во время отпуска (каникул), особенно у молодых людей (таблица 5). Некоторые горожане используют велосипед только при хорошей погоде, по выходным дням, когда есть время и т.п. Очевидно, таким образом, что использование велосипедов в городе является редким, спорадическим и зависимым от погодных условий. В любом случае говорить о массовом использовании брестчанами велосипедов нет никаких оснований.

Таблица 5. – Распределение ответов на вопрос «Как часто используется велосипед в Вашей семье?», %

Почти каждый день	6,2
Примерно один раз в неделю	8,9
Два-три раза в месяц	13,8
Несколько раз в полгода	19,6
Только во время отпуска (каникул)	28,9
Другое	4,4

Следует отметить, что использование велосипедов носит и очевидный сезонный характер: среди опрошенных число использующих его часто летом доходит до 88,9%, а зимой это делают часто только 3,0% брестчан. Благоприятным временем для велосипедистов является весна: в этот период велосипед часто используют 48,5% опрошенных, а редко – 39,4%. При детализации этого вопроса выяснилось, что наибольшая активность велопередвижений приходится на теплые месяцы – апрель и май. Осень – это время постепенного снижения интенсивности пользования велосипедом: часто его используют только 10,1% местных жителей, а редко – 75,8%.

Цели использования велосипедов

Для каких же целей и по каким причинам люди, живущие в Бресте, обычно выбирают и используют велосипед? Результаты социологического исследования позволяют нарисовать следующую картину. В первую очередь, бросается в глаза тот социологический факт, что у жителей г. Бреста преобладают вполне прагматичные соображения: большинство опрошенных (55,6%) выбирают велосипед как один из важных способов улучшения своего здоровья. Свою роль в «присоединении» к велосипедистам (чаще всего «по случаю») играет и чисто логистическая мотивация: для 37,4% опрошенных выбор в пользу велосипеда связан с удобством передвижения по городу и повышением своей транспортной мобильности (для 17,2% это способ добраться на работу

или учебу, а для 15,1% – на дачу). В настоящее время, учитывая пребывание белорусской экономики в фазе рецессии, важна и экономическая составляющая: 22,2% брестчан выбирают велосипед в качестве средства передвижения, поскольку для них важной является экономия средств на транспорт.

В современном мире велосипед выполняет и важную рекреационно-познавательную функцию. Поэтому неудивительно, что 20,2% местных жителей используют велосипед для передвижения по туристическим маршрутам, преимущественно «зеленым». А еще для 9,0% респондентов велосипед – это одновременно и возможность получения удовольствия и радости от самого процесса передвижения.

Велосипед – это еще и коммуникативная площадка, особенно для молодых людей. Как следствие, 18,2% респондентов заявили о том, что они используют велосипед «за компанию» с друзьями. Разумеется, маршруты и цели при этом могут быть совершенно различные, но здесь важен тот факт, что без чувства локтя и личностной солидарности выбор средства передвижения по городу и за городом совсем необязательно был бы сделан в пользу велосипеда.

В современном все более «зеленеющем» мире велосипед обладает и своей пришедшей с Запада ценностной (экологической) составляющей, включая даже аспект моды. Отсюда неудивительно, что 11,1% местных жителей отдали предпочтение велосипеду, стремясь попасть в современные социальные тренды, а 8,0% – по числу экологическим соображениям.

Респонденты называли также и такие веломотивы: поездки в магазин, на рыбалку, в гости, в церковь, желание просто колесить по городу, прокатиться для повышения настроения и др. (таблица 6).

Таблица 6. – Распределение ответов на вопрос «По каким причинам Вы лично пользуетесь велосипедом?», %

Для укрепления здоровья	55,6
Из удобства передвижения по городу	37,4
Ради экономии денег на транспорт	22,2
Для поездок по туристическим маршрутам	20,2
За кампанию с друзьями (знакомыми)	18,2
Для поездки на работу (учебу)	17,2
Для поездки на дачу	15,1
Это можно (престижно)	11,1
По экологическим соображениям	8,0
Другое	7,5

Любопытно при этом «социологически» оценить две категории людей. Первая – это те, у кого велосипед уже есть, но они его не используют. Важно выяснить, по какой причине это происходит. Вторая же – это те, кто его не имеет, но планирует приобрести. В обоих случаях речь идет о потенциальных участниках велосипедного движения. Относительно первой группы можно утверждать, что эта категория потенциальных активных велосипедистов, ведь главные препятствия на этом пути преодолимы. Первая из них – это состояние велосипедной инфраструктуры: 44,8% респондентов констатировали отсутствие в городе хорошей инфраструктуры, а еще 31% отметили, что по улицам города на велосипеде опасно передвигаться. У 41,4% респондентов «просто сломан велосипед», а у 37,9% на велосипед «нет времени». Конечно, и эти люди могут присоединиться к велосипедному движению.

Примерно треть опрошенных (34,5%) не пользуются велосипедом по причине отсутствия практической пользы и смысла. Несколько человек игнорируют велосипед

по причине немодности, устарелости той модели, которая у них есть. Что же касается покупки велосипедов, то выяснилось, что, хотя у двух третей брестчан он уже есть, достаточно большое число из них (41,4%) планируют купить еще как минимум один – для своих домочадцев (таблица 7).

Таблица 7. – Распределение ответов на вопрос «Планирует ли в Вы покупать велосипед в ближайшем будущем?», %

Да	41,4
Нет	58,6

Складывается отчасти противоречивая картина. С одной стороны, люди, не имеющие велосипеда, но планирующие его приобрести, в целом руководствуются теми же мотивами, что и обладающие им (таблица 6). Правда, существенно большее значение в их мотивации начинают играть факторы удобства передвижения по городу, по туристическим маршрутам и на работу (учебу), чему, можно предположить, благоприятствует нынешнее улучшение велосипедной инфраструктуры в городе; срабатывает также фактор психологического подражания.

С другой стороны, горожане, не обладающие велосипедом, декларируют и дополнительные мотивации: велосипед необходим не только для индивидуального, но и семейного отдыха; важен переход на более качественную («навороченную») модель велосипеда; актуализировалась потребность в прохождении по туристическим веломаршрутам; просто для получения удовольствия и др.

Оценка велосипедной инфраструктуры

Очевидно, что популярность велодвижения в городе неуклонно растет, как и то, что улучшается его инфраструктура. Поэтому принципиальное значение для перспектив его развития имеет квалифицированная оценка ее качества, что позволит принять в этой сфере компетентные государственные решения.

Для того чтобы сделать такой анализ, мы попросили наших респондентов выставить оценочные баллы относительно различных аспектов велосипедной инфраструктуры города. При анализе результатов ответов обращает на себя внимание тот социологический факт, что здесь доминируют достаточно критические оценки (ощущения безысходности или коллапса в этой сфере, правда, не выявлено).

Например, минимальное число «голосов» по параметру количества велодорожек набрали крайние оценочные варианты: 1 балл (15,7% опрошенных) и 5 баллов (4,3%), в то время как в 2 балла количество велодорожек оценили 37,7% брестчан, в 3 балла – 32,6% и 4 балла – 9,7% опрошенных.

Несколько выше оценено качество велодорожек за счет некоторого (небольшого) уменьшения самого нижнего балла и увеличения самых высоких баллов – 4 и 5. 35,7% опрошенных выставили по этому параметру 3 балла, а 34,5% – 2 балла.

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, важной проблемой развития велодвижения является также недостаточное количество стоянок для велосипедов: три четверти опрошенных выставили этому сегменту «двойки» и «тройки».

Наиболее высокие баллы были получены по такому параметру, как ремонт велосипедов (41,4% местных жителей оценили его на 3 балла, 14,3% – на 4 балла и 7,4% – на 5 баллов). Но это не заслуга частных ремонтных мастерских, специализирующихся на ремонте велосипедов (они отсутствуют), а свидетельство наличия многочисленных «народных умельцев» и проявление солидарности велосипедистов, готовых оказать помощь друг другу по ремонту велосипедов (таблица 8).

Таблица 8. – Оценка состояния велосипедной инфраструктуры в Бресте, %

Варианты	Балл				
	«1»	«2»	«3»	«4»	«5»
Количество велосипедных дорожек по городу	15,7	37,7	32,6	9,7	4,3
Качество велосипедных дорожек	12,6	34,5	35,7	10,9	5,7
Стоянки для велосипедов	16,6	37,1	37,1	6,3	2,8
Ремонт велосипедов	4,0	32,9	41,4	14,3	7,4

Заклучение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. При значительном количестве велосипедов, имеющих в распоряжении брестчан, они используются нечасто и для ограниченного спектра целей.

2. Ориентация на следование принципам здорового образа жизни лишь частично связана с приобщением к велосипедному движению – приоритет отдается не активным физическим занятиям, а правильному питанию, отсутствию вредных привычек и т.п.

3. Брестчане используют велосипед чаще всего по вполне утилитарным соображениям, связанным с удобствами передвижения по городу, экономией средств, заботой о поддержании физической формы и др.

4. Относительно высоко оценивается потенциал развития в г. Бресте велосипедного движения, поскольку зафиксировано значительное число горожан, нацеленных на покупку велосипедов; отмечена позитивная динамика в развитии велосипедной инфраструктуры, в целом положительно оценивается деятельность в этой сфере органов государственной власти.

5. Противоречивую оценку получила велосипедная инфраструктура: с одной стороны, респонденты справедливо указывают на позитивные изменения в этой сфере, с другой – критически оценивают их темпы.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.01.2017

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Bicycles and Bicycle Riders in Urban Interior: Sociological Analysis

In this article, with the help of sociological tools the analysis of current state and perspectives of bicycle traffic in Brest, Belarus is given. The dependence of its development on the one's orientation towards the principles of healthy lifestyle is highlighted. The existence of a significant number of bicycles belonging to the Brest citizens is acknowledged. However, they are used rarely and for the limited range of aims – mostly, utilitarian. The potential of development of bicycle traffic in the city is estimated relatively high, the positive dynamics of bicycle infrastructure development is noted, positively perceived are the related activities of the community as well as organs of state authority. However, the pace and quality of transformation of bicycle infrastructure in the city – first of all, bicycle stands and number of bicycle paths are criticized.

УДК 316.344(476)

В.Э. Смирнов

канд. социол. наук, ст. научный сотрудник
Института социологии НАН Беларуси
e-mail: smirnoffv67@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Осуществлен критический анализ индивидуалистического подхода к изучению социальной структуры общества на примере теории российского социолога Н.Е. Тихоновой, посвященной анализу социально-классовой структуры российского общества. Обосновывается, что сведение классовообразующих признаков к обладанию разнообразными ресурсами, преимущественно квалификационными, личностными и социальными, означает перенос ответственности за социальное положение индивида на него самого. Поэтому любое социальное неравенство (материальное, статусное, властное и др.) есть следствие лености или консервативности основной массы населения, отсутствия у них инновационного мышления, предприимчивости и открытости новому. Предлагается авторский подход к методологии изучения социально-классовой структуры общества.

В настоящее время в социологической науке общепринятыми являются три подхода к изучению социальной структуры общества: марксистский, структурно-функциональный и стратификационный. Однако отечественная социология, решительно порвав в годы реформ с материалистическим пониманием истории и социальных процессов, постепенно стала склоняться к методологическому индивидуализму – дискурсу, на наш взгляд, откровенно мало эвристичному и ограниченному.

В чем же заключается индивидуалистический подход к изучению социальной структуры? В качестве примера рассмотрим точку зрения на социально-классовую структуру российского общества российского социолога Н.Е. Тихоновой [1]. Как обычно, скрупулезно сделав что-то, что, по словам Тимофеева-Ресовского, «все равно сделают немцы», а именно, изучив историю вопроса, она посредством сложных манипуляций с цифрами – данными социологических исследований, пришла к поистине удивительному выводу, что никакой классовой структуры российское общество не имеет. Т.е. какие-то группы, конечно, есть, но они существуют так, в виде бессистемной «мозаики». И обусловлена, по мнению социолога, такая ситуация не чем иным, как издревле идущей российской социально-политической традицией. Впрочем, мы хотим поговорить не об этой социально-классовой «мозаике», а о самом подходе. Свой анализ Н.Е. Тихонова строит на том, что все граждане обладают определенными ресурсами, которых множество: экономический, квалификационный, личностный, физиологический, культурный и социальный. Обладание этими ресурсами и определяет, в какой класс или группу следует отнести того или иного гражданина.

Индивидуализм данного подхода состоит в том, что за основу берется некий сферический (абстрактный) индивид в вакууме, который обладает всеми этими ресурсами. Из таких сферических индивидов, по мнению Н.Е. Тихоновой, и состоит российское общество. Эти индивиды, родившись и получив ресурсы, тут же устремляются наверх, расталкивая локтями конкурентов, и оседают на том месте, до которого дотянутся. Именно наличие этих ресурсов и определяет, в какой класс или группу отнести гражданина. Сами же ресурсы рассматриваются, если так можно выразиться, в «вещественном» смысле – как некое количество полезных ценностей, которые получил и носит с собой индивид. Какие-то ресурсы и в самом деле могут так рассматриваться, например, экономические (при наличии собственности и капиталов у родителей индивида,

естественно, он входит в жизнь, обладая этим ресурсом). Впрочем, даже и тут не все так однозначно, так как влияние и контроль над капиталами далеко не прямо соотносятся с денежными средствами и капитализированной собственностью, находящимися в непосредственном владении индивида. Однако не эти ресурсы являются главными в контексте меритократического идеала. А нужно иметь в виду, что именно на этом идеале построена вся система либеральных ценностей социального порядка.

Основным объектом внимания социологов индивидуалистического направления в толковании социальной структуры современного общества сделались такие ресурсы, как квалификационный и личный, выступающие определяющими факторами социально-классовой архитектоники современного общества, что, по сути, означает перенос ответственности за социальное положение индивида на него самого. В этом смысле любое социальное неравенство (материальное, статусное, властное и др.) есть следствие лености или консервативности основной массы населения, отсутствия у них инновационного мышления, предприимчивости и открытости новому. Н.Е. Тихонова пишет о не-обходимой для работы на более или менее высокооплачиваемых рабочих местах способности осваивать новые виды деятельности: умение работать на компьютере, навык освоения новых программных продуктов и т.д.

Какой же вывод делает известный социолог на основе хитроумно закрученных подсчетов разных шкал ответов на такие же хитрые вопросы? Простой. По ее мнению, около 60% населения России не имеют квалификационного ресурса в том объеме, когда он начинает выступать в качестве актива. Учитывая методику расчета показателей этой шкалы, такие данные по работающему населению свидетельствуют об очень низком уровне квалификационного ресурса большинства населения страны. С личным еще хуже. В общем, это то, что раз за разом рассказывают либеральные пропагандисты: народ у нас не креативный, не желающий осваивать новые способы заработка и достижения успеха. Не хотят токари и фрезеровщики переходить и переучиваться на менеджеров по клинингу!

Так в чем же тут ошибка и причем тут индивидуализм? Дело в том, что не только социологические данные, но и исторически недавние события, например, связанные с эпохой советской индустриализации, показывают, что большинство населения страны, люди, веками жившие в своих селах и деревнях, не меняя своего образа жизни, враз поменяли и место жительства, и сферу деятельности, причем куда более решительно, чем это делает любой современный человек, изучая «новый программный продукт». Переход от крестьянской жизни и труда к городской индустриальной, освоение совершенно новых форм деятельности почти во всех сферах жизни (даже естественные потребности удовлетворять технологически приходилось иначе – совсем не так, как в деревне) – все это требовало реальной, а не виртуальной способности осваивать новое.

Так что же, за прошедшие годы способность к освоению нового так катастрофически упала? Неужели «проклятая советская власть» уничтожила генофонд нации?

Все дело в том, как понимать индивида. На самом деле нет никакого сферического индивида в вакууме, который сначала получает эти ресурсы, а потом соответствует или не соответствует рабочим местам (во всяком случае, в тех сферах, о которых мы говорим, а именно, квалификационной и личной; Впрочем, и социальной, но об этом позже). Дело в том, что подавляющее большинство рабочих мест вовсе не созданы для людей с выдающимися способностями. Они для людей средней образованности (и даже несколько ниже), средних способностей (и даже несколько ниже) и среднего ума (и даже несколько ниже). Поэтому 90% работоспособных граждан разных возрастов в состоянии усвоить все необходимое, чтобы успешно исполнять свои профессиональные обязанности на тех рабочих местах, которыми располагает «массовая» экономика.

Так в чем же дело, почему они не осваивают? Вот освоили бы все жители глубинки профессии дизайнеров и других мерчендайзеров с супервайзерами или всяких специалистов по логистике, например, – как бы мы зажили! Но нет. Нет в «замкадье» таких креативных личностей. Не рождаются они там или рождаются крайне редко. Не могут они осваивать новое. Только мы, креативные личности, на это способны. На самом деле понятно, что экономика постсоветских стран, которая за последние десятилетия решительно скукожилась, в состоянии предоставить только вполне ограниченное количество дизайнерских рабочих мест. Как, впрочем, и любых иных. Поэтому никакого смысла для трудящихся переучиваться на дизайнера нет. Более того, именно тот факт, что люди не идут никуда переучиваться, как раз и говорит о том, что такая деятельность не вознаграждается. Если бы вознаграждалась, если бы усилия по переучиванию, по изменению места жительства давали бы отдачу в виде относительно более высокооплачиваемых рабочих мест и более высокого социального статуса, мы бы наблюдали и массовую миграцию, и массовое освоение новых профессий – примерно так, как это было в эпоху индустриализации.

С социологической точки зрения ситуация выглядит так: не сначала некий индивидуум где-то получает квалификационный ресурс (пускай генетически), с помощью которого занимает определенную позицию в системе разделения труда со своим статусом, материальным вознаграждением и т.д., а, наоборот, сначала, занимает эту позицию, если такая позиция существует и доступна в конкретной ситуации общественного производства, а затем, осваивая профессию, поднимает и свой квалификационный ресурс.

Впрочем, ситуация не так однозначна, например, с высшим образованием. Очевидно, высшее образование получают как ресурс до занятия той или иной профессиональной позиции. Однако очевидно, что и ценность высшего образования зависит от того, предполагаются ли соответствующие рабочие места или нет. Впрочем, к образованию мы еще вернемся.

Указанная коллизия разрешается в контексте куда более принципиальной проблемы, которая связана с социальной мотивацией человеческой деятельности. Ведь вышеописанную ситуацию можно понять в крайне упрощенном виде, а именно совершенно бихевиористски представлять человеческую деятельность как движение индивидуума к прямой выгоде. Т.е. индивидуум делает только то, что вознаграждается. На самом деле в сложном человеческом обществе это попросту невозможно. Личный опыт слишком ограничен, чтобы на индивидуальном уровне понять, будет ли вознаграждение за те или иные действия или усилия пропадут втуне. Ведь практически всегда можно привести в пример историю индивидуального успеха или, наоборот, неудачи, но, насколько эти истории типичны и как велики шансы успеха или неудачи, подсчитать на быденном уровне при принятии решения в принципе невозможно. Описанный бихевиористский парадокс преодолевается за счет того, что между опытом и действием индивида находится сфера общественного идеального, где опыт аккумулируется и преобразуется во взаимосвязанную систему аксиологически окрашенных представлений. И уже в такой общественно организованной идеальной форме он возвращается к индивиду как основа для принятия им решений для своих индивидуальных действий.

Итак, рассмотрев то, как именно связан опыт (о вознаграждении) с действиями индивида, мы можем вернуться к вопросу о методологии, где в основу социально-классового деления кладется описанный набор ресурсов. Очевидно, что получение и наличие ресурса для занятия профессиональных и статусных позиций находится в диалектических отношениях с наличием самих позиций в социально-экономической системе, причем именно последнее первично. Не некая мифическая лень, нежелание учиться новому и осваивать новые способы трудовой деятельности не позволяют совершенст-

воватъ эканамическую систему, а, наоборот, стагнирующая экономика ограничивает возможности для приобретения членами общества квалификационных ресурсов.

Если вернуться к современному образованию, то можно заметить один важный факт: подавляющее большинство людей, получивших высшее образование, не работают по специальности. Более того, они и не предполагали работать по специальности, когда получали образование. Таким образом, высшее образование в существенной части перестало быть компонентом того, что в рамках обсуждаемой методологии определяется как квалификационный ресурс. Зачем в таком случае его получают? Вероятно, дипломы вузов сделались в первую очередь элементом символического ресурса. Т.е. с точки зрения именно квалификации, необходимой для исполнения тех или иных профессиональных обязанностей, высшего образования зачастую совсем не требуется. Этот факт многое говорит о содержании популярных сегодня «креативных» профессий, ведь трудно предположить, что профессии инженера или преподавателя (даже токаря или фрезеровщика) могли бы с легкостью быть освоены «на месте» и не требовать профильного образования. Это напрямую связано с состоянием экономики, где, как сказано, квалифицированные трудовые ресурсы попросту не востребованы или востребованы в существенно меньшей степени, чем их может «производить» система образования, созданная для гораздо более сложной и развитой экономической системы – советской.

Вследствие этого те, кто все-таки занял высокооплачиваемые места всевозможных дизайнеров, специалистов по маркетингу или логистике, не имея никакой специальной подготовки (имею знакомого высокооплачиваемого дизайнера, который даже не умеет рисовать и вся подготовка которого свелась к разглядыванию западных журналов с картинками, рекламирующих мебель, где эта мебель красиво расставлена), находят для себя обоснование того, почему же им так «свезло» в жизни. Место труда после получения соответствующих знаний заняла неуловимая «креативность», которая, похоже, имеет «генетическую» природу.

До сих пор мы рассматривали квалификационный и в какой-то степени личный ресурсы. На первый взгляд, может показаться, что с социальным ресурсом, под которыми, если просто сказать, понимаются «связи», дела обстоят иначе. Однако при внимательном рассмотрении ситуация выглядит существенно сложнее. Само понимание социального ресурса как «полезных связей» уже говорит о перекосах и диспропорциях в обществе. Тут вот в чем проблема. С одной стороны, можно предположить, что поскольку доступ к высокооплачиваемым рабочим местам не обусловлен квалификацией, а объяснение его врожденной «креативностью» мы оставим пропагандистам – апологетам современного порядка, то на первый план в роли определяющего ресурса выходит ресурс социальный. Под социальным ресурсом в рамках описываемого подхода понимается включенность в сети социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различным по объему и структуре капиталом. Чем более «качественна» социальная сеть, в которую включен индивид, тем больше у него шансов на занятие высокооплачиваемой и высокостатусной профессиональной позиции. Так что предположить, что вышеописанные рабочие места занимаются вследствие обладания социальным ресурсом, вполне разумно, что подтверждается результатами социологических опросов, в которых в массе своей респонденты как фактор жизненного успеха на первое место ставят связи, а вовсе не навыки и квалификацию.

Однако можно ли считать социальный ресурс чем-то стабильным, получаемым по наследству как капитал? Ведь человек, занимая все более высокостатусные профессиональные позиции, увеличивает свой социальный ресурс, ибо в существенной степени более высокий профессиональный статус прямо связан с усложнением связей, в которые по своим профессиональным обязанностям человек должен вступать. И, таким образом, социальный ресурс есть не только причина статусного роста, но и его следст-

вие. Определенный социальный ресурс является необходимым для выполнения профессиональных обязанностей и осваивается наряду с их усвоением. И тут уже нелепо говорить о социальном ресурсе «разного качества» в том смысле, в каком качество социального ресурса определяет социолог Н.Е. Тихонова. Тут, скорее, качество социального ресурса связано с профессиональной позицией, а не существует вне ее как некая наследуемая данность.

И в таком контексте социальный ресурс индивида, его важность с точки зрения его профессионально статусного роста приобретает несколько иное значение. Речь идет о том, что рост социального ресурса социума в целом как функция от увеличения сложности системы социальных связей в обществе прямо зависит от развития общественного производства и, если более конкретно, от экономической системы. Но верно и обратное. Рассмотрим, например, еще раз индустриализацию в СССР. Миллионы людей, недавних крестьян, чей социальный опыт замыкался в рамках соседской общины и чьи редкие поездки в город были чем-то сродни путешествиям в другой мир, решительно меняют свои социально-профессиональные статусы, причем именно их новая трудовая деятельность обуславливает рост их социального ресурса. Социальный ресурс в этом смысле куда адекватнее понимать не индивидуалистически (как ресурс, используемый в конкурентной борьбе за повышение своего статуса и накопления иных ресурсов), а как ресурс для выполнения своих профессиональных и социальных обязанностей, ресурс как часть профессиональной и новой социальной квалификации и компетенций, как часть навыков, приобретенных в процессе освоения новой профессии и нового, городского образа жизни.

Впрочем, как и в примерах с квалификационным ресурсом, мы видим диалектические связи между социальным ресурсом как ресурсом для конкуренции за социально-профессиональный статус и как ресурсом для выполнения своих обязанностей в его рамках. Другое дело, какой аспект положить в основу описания общества? К сожалению, современная постсоветская социология, анализируя описываемый ресурс, обращает на него внимание почти исключительно как на ресурс для социальной конкуренции, чем отражает реальное состояние общественного производства и общества. В первую очередь это связано с процессами деградации общественного производства на постсоветском пространстве, где следствием такой деградации становится упрощение социально-профессиональной структуры общества. Причем т.н. «новая экономика» в лучшем случае представляет собой анклав экономики других стран на нашей территории, и социальные связи, необходимые для осуществления трудовой деятельности в таких анклавах, замыкаются на экономиках этих стран, а не на нашей экономике и, соответственно, социум. В худшем – социально-профессиональные позиции в рамках «новой экономики» являются всего лишь частью карго-культуры, способом имитации западных экономик. Вследствие этого социальный ресурс и становится в первую очередь конкурентным преимуществом, существенно более важным для занятия должностей, чем умения и навыки. Причем этот ресурс получает новое качество по той причине, что в нем непропорционально раздувается тот его аспект, который связан именно с социальной конкуренцией особого типа. В этом отношении социальные связи оцениваются не с точки зрения выполнения профессиональных обязанностей, трудовой деятельности и даже социальной конкуренции на базе профессиональных успехов, а в зависимости от возможностей к статусному росту. Собственно, в своем определении социального ресурса Н.Е. Тихонова акцентирует внимание именно на этом аспекте. Напомним: речь идет о комплексах социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различным по объему и структуре капиталом.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности соотношения различных ресурсов (в данном случае это квалификационный и социальный) обусловлены не мен-

талитетом и социально-политической традицией, как это утверждает Н.Е. Тихонова, а состоянием экономики и общественного производства в целом. Т.е. речь идет о деградации от высшей и более сложной системы организации к низшей, более простой и архаичной. Как следствие, с одной стороны, упрощение социальной структуры и ее архаизацию, а с другой (ввиду неравномерности процессов деградации) – сохранение высокоорганизованных анклавов наряду с совершенным одичанием в других сферах экономики. Кроме того, это влечет сложность анализа, если, конечно, подходить к нему не с точки зрения сущностных характеристик классов, а с точки зрения совокупности формальных признаков. Причем даже эти формальные признаки определяются методологически некорректно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. – М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. – 408 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2017

Smirnov V.E. Social-Class Structure Through the Prism of Individualistic Methodology: a Critical Analysis

A critical analysis of the individualistic approach to the study of social structure of the society by the example of the point of view of Russian Sociologist N.E. Tikhonova, dedicated to the analysis of the social and class structure of Russian society is carried out. It is proved that the narrowing down the forming of classes' criteria towards the criteria of getting the qualification, personal, social and other resources, means the transfer of responsibility for the social status of the individual on himself. The author's approach to methodology of study of social-class structure of society is offered.

УДК 316.334.55(476)

Т.В. Кузьменко*канд. социол. наук, зав. сектором социологии деревни
Института социологии НАН Беларуси
e-mail: kuzmenkot1@mail.ru***ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КАК ИСТОЧНИК СОЛИДАРНОСТИ В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ**

Повседневные практики взаимодействия рассматриваются как мощный социальный ресурс для решения жизненных проблем и первичная предпосылка формирования социальной солидарности в сельском сообществе. Анализируется специфика идентификационных предпочтений, включенности в сети взаимной поддержки, доверия и взаимопомощи основных групп сельского сообщества, отличающихся по объему располагаемых ресурсов и характеру включенности в общественное производство (руководители и специалисты сельхозпредприятий, предприниматели и фермеры, рабочие сельскохозяйственных предприятий, сельская интеллигенция, безработные, пенсионеры). Выявлено, что наиболее развитой сетью поддержки и взаимопомощи обладают представители высокоресурсных групп, а недостаточность человеческого капитала в любых его формах выступает барьером для включения в социальные сети. Установлена связь между степенью включенности в социальные сети и показателем социального самочувствия.

Современный этап развития общества характеризуется непрерывным усложнением социальной структуры. Автоматизация и роботизация производства обуславливают сокращение рабочих мест на предприятиях и развитие общества без массового труда, в котором возрастает сегмент социально исключенных, «лишних» людей, не вовлеченных в экономические процессы и утрачивающих способность зарабатывать себе на жизнь. Из них сегодня формируются такие группы, как прекариат, субсидируемые безработные [1]. Трансформируется и нивелируется роль традиционных классов – рабочих и крестьян. Развитие новых технологий обусловило подъем креативного класса и управленцев, а Интернет позволяет получать большие деньги очень небольшому числу людей. Возрастание роли сетевых структур и сетевого управления дает возможность отдельным группам «несимметрично» влиять на глобальные процессы, даже обладая минимальными ресурсами. Меняются основания и формы неравенства, а усиление экономического расслоения еще больше подчеркивается с распространением средств массовой информации и социальных сетей, поскольку жизнь самых богатых людей мира протекает у всех на виду. В такой ситуации особую актуальность приобретает проблема согласования и наиболее оптимального сочетания интересов и ценностей всех участников общественных отношений (индивидуальных, групповых, коллективных), укрепления социальной сплоченности и солидарности как оснований социального порядка. Коллективные связи выступают необходимым условием социальной интеграции даже в самых развитых обществах. В этом отношении исследовательский поиск представителей общественных наук, и социологии в частности, предполагает ответы на вопросы о том, насколько солидаризировано современное общество, на каких уровнях социальных общностей проявляется солидарность и каковы предпосылки для ее формирования.

Понятие социальной солидарности анализируется во всем многообразии его проявлений на разных уровнях социальной реальности. В самом общем плане социальная солидарность подразумевает общность, единство людей, осознанную принадлежность к определенному социальному образованию или группе. Основоположник теории социальной солидарности Э. Дюркгейм, рассматривая солидарность как условие общественного порядка, в качестве ее источников полагал схожесть сознаний (механическая солидарность) либо разделение труда и функциональную взаимозависимость (органиче-

ская солидарность). В марксизме понятие солидарности определяется в рамках конфликтного подхода – через социально-экономическое обоснование (противостояние и борьба буржуазии и рабочего класса, освобождение которого от эксплуатации возможно только с ликвидацией капиталистического способа производства) и становление субъектности, предполагающей осознание классовых интересов, самоидентификацию и наличие классового сознания. В таком приближении солидарность выступает индикатором субъектности группы, выявляющим степень ее сплоченности и решимости к выражению своих потребностей и защите своих интересов. Сущностная особенность солидарности заключается в объединении индивидов, базирующемся на общности их идей, ценностей, направленном на достижение общих целей, что выражается в интеграционной, мобилизационной и структурообразующей функциях [2, с. 147–148]. Выступая в качестве механизма социальной саморегуляции, социальная солидарность предполагает достижение равновесия между интересами каждого из субъектов и интересами общности.

Проявления солидарности можно рассматривать на макро- и микроуровнях. И в этом плане необходимо обратить внимание на размежевание терминов «социальная солидарность», носителем которой является общество или некая большая социальная общность, и «групповая солидарность», носителем которой выступают социальные группы. Макросоциальный уровень солидарности находит себя в различных сферах жизнедеятельности общества. Ее политическим проявлением является развитое общественное самоуправление и контроль за действиями власти. В этом аспекте солидарность находит свое выражение в идентификации, общности с большими социальными группами. В экономической сфере солидарность проявляется в развитости общественных форм собственности, степени участия государства в решении общественных задач вообще и величине государственных расходов в ВВП в частности [3]. В культурной сфере основой солидарности выступают разделяемая большинством идентичность и общие ценности. В социальной сфере это, прежде всего, социальная справедливость и сплоченность общества.

На микроуровне солидарность представляет собой взаимодействие индивидов, основывающееся на общих ценностях и представлениях об окружающем мире, общих интересах, сложившихся структурах поддержки солидарности, ради реализации совместно разделяемых целей [3]. В таком приближении солидарность рассматривается в двух аспектах: первый связан с самоидентификацией индивида с определенной социальной общностью, включает в себя сходство ценностей, приоритетов, общие взгляды и убеждения и предполагает определение идентификационных предпочтений (группы общности, степень общности) и выявление консолидирующих факторов для социальных групп. Второй объединяет устойчивые социальные практики взаимодействия внутри сообщества – социальные связи и взаимодействия между индивидами в рамках социальных групп и общества в целом: включенность в сети социальных связей, интенсивность и качество социальных отношений, активность и т.п.

Будучи вписанными в социальный контекст, текущие ежедневные взаимодействия человека в каждодневном окружении являются воплощением всех проблем и противоречий, существующих в обществе. Кроме того, формирование социальных сетей на уровне ближайшего социального окружения является исходной предпосылкой для институционализации коллективных стремлений и действий на уровне макросоциальном. Наличие налаженных социальных связей, взаимодействие с другими людьми и социальными группами позволяет человеку ощущать себя участником социальных взаимодействий, осознавать свою принадлежность к определенным группам, создавая основу для социальной интеграции в обществе. Сети социальных связей, доверие, участие в общих делах и взаимная поддержка позволяют эффективнее взаимодействовать для достижения общих целей, выступая в качестве ресурсов как для лиц, участвующих во взаи-

модействии, так и для общества в целом. Таким образом, ответ на вопрос о существовании предпосылок для формирования солидарности в современном обществе лежит в поле рассмотрения повседневных практик взаимодействия людей.

Особую значимость существование различных форм интеграции в ходе повседневных взаимодействий приобретает в сельских сообществах. Это обусловлено спецификой села, которая проявляется в большей персонификации отношений, в отсутствии анонимности и, следовательно, в неформальном контроле и взаимозависимости людей друг от друга. Жизнь в сельской местности – это жизнь в относительно замкнутом пространстве, на виду у знакомых, родственников, соседей, односельчан. Сельское сообщество можно определить как пространство соседства, в котором все друг друга знают. Автономность и самобытность крестьянского образа жизни проявляется в том, что, несмотря на смену социального времени, в нем сохранились такие качества, как крепкие семейные связи, трудолюбие, патриотизм, верность традициям, консерватизм, привязанность к устоям жизни и аграрному труду, органичное сочетание индивидуального и коллективного начал. Индивидуальность жизнедеятельности в крестьянском сознании специфическим образом дополняется коллективизмом общины, повседневной взаимопомощью, коллективными формами проведения досуга и нормами общения. Ограниченность жизненного пространства, а также коллективный характер труда на земле обуславливают этику совместного проживания и преодоления трудностей: семейные, родственные, соседские связи и отношения помогали выживать в трудные времена.

Не пытаясь идеализировать и переносить в современность крестьянскую трудовую и бытовую деятельность и принципы хозяйственного устройства вековой давности, можно, однако, утверждать, что сельские жители и сегодня гораздо больше зависят от социальных связей, чем горожане. Несмотря на совершенствование социальной инфраструктуры, строительство агрогородков, сближение сельского и городского образа жизни, модернизацию сельскохозяйственной техники и частичную замену ручного труда машинным, многие черты, определяющие своеобразие сельской жизни и значимость взаимопомощи и взаимоподдержки как дополнительного ресурса собственного жизнеобеспечения, не теряют своего влияния. Среди таких особенностей – относительная территориальная, инфраструктурная и информационная удаленность села и несколько худшие социальные условия труда и отдыха по сравнению с городом. Специфическими чертами обладает и сельскохозяйственное производство. При всей его высокотехнологичности сохраняется природообусловленность и сезонность большинства сельскохозяйственных работ, периодически приводящие к «сверхнапряжению» как на предприятиях, так и в личных подсобных и крестьянских хозяйствах. Непосредственная зависимость от природных условий, незначительность ресурсов, работа в зоне рискованного земледелия и по сей день ставят труженика села в ситуацию негарантированного бытия. Существенные особенности сельского хозяйства проявляются в невозможности узкой специализации и совмещении целого ряда трудовых функций вследствие многообразия видов работ и сжатых сроков их выполнения, а также в совмещении функций собственника и работника, руководителя и исполнителя в современных личных подсобных и крестьянских хозяйствах. Все это определяет особую значимость неформальных институтов поддержки – семейной и соседской взаимопомощи. К родным, друзьям и односельчанам обращаются за помощью в ремонтных и строительных работах, в обработке земельного участка или сада, по поводу обмена техникой и сельхозинвентарем, семенами или рассадой, покупки продуктов или других товаров при поездке в город, за денежной помощью займы до зарплаты или пенсии.

Включенность в сельское сообщество, установление и поддержание прочных и долгосрочных взаимодействий позволяет аккумулировать дополнительные ресурсы социальных сетей. Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформаль-

ной основе, выполняют роль стабилизирующего фактора экономической и социальной жизни сельской семьи и одного из важнейших ресурсов жизнеспособности и интеграции сельского социума. С этими особенностями во многом связаны черты, которыми большинство современных жителей Беларуси наделяют сельское сообщество. По результатам республиканского социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г. под руководством доктора философских наук Р.А. Смирновой (опрошено 1 458 человек: 955 жителей села и 503 – горожанина), село характеризуют: «более тесная связь с природой, животным и растительным миром» (так считают 89,4% опрошенных), «более теплые взаимоотношения с соседями и жителями своего населенного пункта» (71,8%), «люди добрее, отзывчивее» (59,2%), «традиционный образ жизни» (51,4%). В то же время город отличается разобщенностью между людьми (так охарактеризовали город 58,4% опрошенных; село – только 6,6%).

Основополагающим ресурсом и условием солидарности выступает осознание своей принадлежности к группе. Идентичность сама по себе не является гарантией формирования солидарности, однако вне самоопределения индивидов в социальных связях солидарность не может возникнуть. Общесоциологические основания становления социальной идентичности заключаются в различиях, складывающихся в результате общественного разделения труда, формирования статусов и ролей, неравномерности доступа к ресурсам и борьбы за них и формировании общности вследствие сходства условий жизнедеятельности, потребностей и интересов [4].

Анализ идентификационных предпочтений зафиксировал доминирование общности на уровне ближайшего окружения, первичных социальных групп (семья, друзья) над вторичными группами, абстрактными и символическими сообществами, опосредованными не личным опытом общения, а массовой и межгрупповой коммуникацией (люди того же материального достатка, люди той же национальности, граждане Союзного государства и др.). Так, при ответе на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности?» преобладают ответы «со своей семьей» (79,2%) и «с друзьями» (63,9%), менее значимыми группами общности являются товарищи по работе, учебе (37%) и «люди своего поколения» (37%).

Для сельчан в значительно большей степени, чем для горожан, характерна общность с жителями своего населенного пункта (27,7% и 8,1% соответственно). Это говорит о том, что сельские местные сообщества в отличие от урбанизированных территорий можно рассматривать как общность людей, осознающих свою связь друг с другом и с данной территорией, как социальное пространство, где сохраняется местная самобытность и создаются предпосылки для консолидации.

Вместе с тем при изучении условий для возникновения солидарности необходимо понимать, что сельчане сегодня не представляют собой некоего однородного слоя. С развитием рыночных отношений, появлением новых форм собственности и заимствованием норм и образцов городского и западного образа жизни происходит переход от унификации к разнообразию сельской жизни. И наибольшей дифференцирующей силой в этом отношении, по нашему мнению, обладают социально-статусные и профессионально-статусные характеристики как отражение типичных форм деятельности в сфере труда и самоидентификации индивидов. В этой связи изучение особенностей повседневных практик взаимодействия как предпосылок для возникновения солидарности осуществлялось в нескольких группах, отличающихся по объему располагаемых ресурсов и характеру включенности в общественное производство: 1) руководители и специалисты сельхозпредприятий; 2) предприниматели и фермеры; 3) рабочие сельскохозяйственных предприятий; 4) сельская интеллигенция (учителя, врачи, служащие с высшим образованием); 5) безработные; 6) пенсионеры.

Проведенный анализ выявил отличия в профилях идентификационных предпочтений выделенных групп. Так, значимость территориальной общности оказалась выше в низкостатусных группах – безработных (43,3%) и пенсионеров (39,6%), чем в наиболее высокоресурсных группах сельского сообщества – руководителей и специалистов сельхозпредприятий (23,3%), предпринимателей и фермеров (31,3%) и интеллигенции (19,7%). Указанная особенность отчасти объясняется тесной корреляцией ряда социальных позиций (пенсионеры) с возрастом и увеличением значимости территориальной идентификации по мере взросления и привыкания к своему дому, к родным местам, «обрастания» социальным капиталом в виде друзей, знакомых, соседей. Так, данные фиксируют, что с возрастом увеличивается значимость таких групп общности, как «жители моего населенного пункта» (среди молодежи до 30 лет – 18,7%, старше 50 лет – 32,1%) и «люди моего поколения» (29,9% среди молодежи и 54,7% – среди людей старше 50 лет). Специфика идентификационных предпочтений руководителей и специалистов проявляется в важности наряду с группами ближайшего окружения («семья» – 82,6% и «друзья» – 58,1%), территориальных (23,3%) и поколенческих (36%) общностей, идентификации по социальным и социально-профессиональным критериям: «товарищи по работе» (50%), «люди того же материального достатка» (22,1%). У представителей интеллигенции наряду с корпоративной (48,6%), поколенческой (35,3%) и профессиональной (27,5%) идентификацией более выражена общность с людьми, разделяющими взгляды на жизнь или верования (15,1%), и менее – общность с людьми того же материального достатка (11,9%). Для предпринимателей и фермеров наиболее значимой оказалась общность «друзья» (81,3%), «отвечающая» за социальные связи и контакты. Рабочие в большей степени склонны испытывать общность по социально-профессиональным признакам: с людьми той же профессии (26,8%) и с крестьянами (21,7%).

Существенные различия в идентификационных предпочтениях прослеживаются и в зависимости от намерения связать свои жизненные перспективы с селом. Respondенты, которые хотят остаться в селе сами и желали бы этого своим детям, чаще тех, кто ориентирован на городскую жизнь, испытывают общность с жителями своего населенного пункта (32,6% против 18,9%), селянами (18,5% против 6,3%), людьми своего поколения (44,6% против 33,9%) и того же материального достатка (14,1% против 9,4%) и реже – с друзьями (52,2% против 74%) и коллегами (30,4% против 42,5%).

Степень идентификации с окружающими людьми определяется включенностью в сети повседневных взаимодействий. Социальные связи, доверие, взаимная поддержка и участие в общих делах составляют основу общественной жизни и позволяют участникам хозяйственно-экономической деятельности эффективнее взаимодействовать для достижения общих целей, выступая в качестве ресурсов как для лиц, участвующих во взаимодействии, так и для общества в целом. Устойчивые, взаимопользные контакты, оказываемые на неформальной основе, формируют сеть, являющуюся структурной основой разнообразных социальных процессов.

Под сетевыми взаимодействиями понимаются устойчивые неформальные контакты между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами [5, с. 34]. Их главной особенностью является нерыночный, безвозмездный характер, а в основе лежат устные, не фиксируемые документально договоренности. Степень удовлетворения основных социальных потребностей индивида (семьи) посредством его взаимоотношений с другими членами общества объединяет понятие социальной поддержки. Система социальной поддержки включает материальную поддержку (получение и оказание финансовой, продуктовой, вещевой и любой другой материальной помощи), инструментальную поддержку (помощь по дому, ведению хозяйства, воспитанию и уходу за детьми, ремонту и т.д.), информационную поддержку (обмен информацией через социальные сети и различного рода неофициальное консульти-

рование), а также эмоциональную поддержку (сопереживание, взаимопонимание, сочувствие). Таким образом, индикаторами включенности в сети повседневных контактов и взаимопомощи выступают суждения респондентов об ощущении надежной поддержки и готовности помочь со стороны близких и коллег, о наличии надежных друзей, о том, как оценивается возможность общения с друзьями, о встречах и общении с друзьями как устойчивом компоненте досуга, о включенности в сети соседского и родственного общения, о характере и частоте получаемой помощи.

Количественный анализ отношений обмена в сети взаимодействий представляется довольно проблематичным, поскольку сетевые обмены не поддаются экономической логике, не являются инструментом максимизации прибыли их участников, им достаточно трудно подобрать какое-то материальное или денежное выражение. Каждый участвующий в таких обменах рубль или час трудовой помощи имеет свою, известную только участникам обмена, ценность. Внешне неэквивалентный обмен может быть абсолютно паритетным с точки зрения его участников. Кроме того, невозможность стоимостного измерения эмоциональных и информационных потоков исключает этот ресурс обмена из анализа. Но несмотря на то, что участники сетевых обменов в сельском социуме, как правило, не руководствуются соображениями экономической эффективности и выгоды, такие взаимодействия позволяют организовать мощный поток ресурсов, охватывающий, по оценкам исследователей, почти четверть общего бюджетного оборота семейного хозяйства сельских жителей [6].

Результаты исследования выявили высокую степень включенности сельчан в неформальные сети взаимной поддержки. На вопрос «Имеются ли в Вашем населенном пункте люди, к которым Вы всегда можете обратиться за помощью в трудную минуту, которым вы доверяете?», 70% опрошенных дали положительный ответ. В иерархии ресурсов, предоставление которых поддерживает сетевые взаимодействия, наиболее распространенными являются: помощь трудом, т.е. работа в хозяйстве, на участке, заготовка дров, строительные работы (55,9% оказывали такую помощь своим односельчанам за последние два года); денежная помощь займы или безвозмездно (40,1%), помощь продуктами, одеждой, вещами (34,2%), присмотр за детьми, уход за больными и престарелыми (23,8%), а также совет о том, где можно что-то купить дешевле или помощь в совершении покупки (26,4%). Неформальные институты поддержки, семейная и соседская взаимопомощь выступают своего рода механизмом выравнивания жизненных возможностей, выполняя функции социального капитала.

Анализ глубины и степени включенности в сетевые взаимодействия показал, что наиболее развитой сетью поддержки и взаимопомощи обладают представители высоресурсных групп – предприниматели, руководители и специалисты. О наличии нескольких надежных товарищей, которым они доверяют и которые помогут им в трудную минуту, заявила треть представителей всех выделенных групп, о четырех–шести – четверть руководителей, специалистов и предпринимателей, пятая часть рабочих и шестая часть пенсионеров и безработных. А вот наиболее многочисленную группу взаимной поддержки в своем населенном пункте (более 7 человек) имеют преимущественно предприниматели и фермеры (25,1%); среди руководителей и специалистов таких оказалось 15,1%, среди пенсионеров – 14,1%, среди интеллигенции – 13,4%, среди рабочих – 10,8%, среди безработных лишь 6,7%.

Принципом социального взаимодействия в социальных сетях и одной из основных закономерностей функционирования практик взаимопомощи является реципрокность обменов, взаимная конвертация социально значимых ресурсов. За получение предоставленных благ или услуг так или иначе необходимо расплачиваться в какой-либо эквивалентной форме («долг платежом красен»). Если в ближайшем окружении механизмом реализации принципа взаимности может выступать эмоционально-психологи-

ческая поддержка, то в отношениях с соседями и односельчанами преобладает ресурсный, а не личностный подход: они более рациональны, строятся целенаправленно, с учетом располагаемых сторонами ресурсов, а эмоциональная составляющая отходит на второй план. Поэтому обладание дополнительными ресурсами и преимуществами перед остальными, более высокий социальный и материальный статус позволяют рассчитывать на продуктивное и выгодное взаимодействие с односельчанами. Если у человека есть что предложить в обмен на помощь, он чувствует себя увереннее, так как сможет чем-то отблагодарить помощника. Результаты опроса свидетельствуют, что круг соседской и родственной поддержки шире среди сельчан, высоко оценивающих свое материальное положение. Достаток, наличие сельскохозяйственной техники, инвентаря, инструментов и т.п. выступают ресурсами для благодарности за оказанную помощь, что повышает возможности получения помощи со стороны односельчан.

Анализ данных показывает, что характер взаимоотношений с окружающими и степень включенности в социальные сети тесно связаны с социальным самочувствием: для людей с низкими показателями социального самочувствия, социального оптимизма и доверия характерен невысокий уровень социальной поддержки (в расчетах использовался обобщенный индекс социального самочувствия (Исс), по показателям степени защищенности от социальных опасностей, степени удовлетворенности своей жизнью в целом, степени социального оптимизма [7]). Позитивные и оптимистичные оценки социального самочувствия свойственны преимущественно респондентам, которые склонны оценивать взаимоотношения среди односельчан как дружеские; менее всего оптимистичных прогнозов у тех, кто характеризует взаимоотношения в селе как безразличные. Значение коэффициента оптимизма у тех, кто никому не доверяет в своем селе и не имеет возможности обратиться к односельчанам за помощью в трудную минуту, в 5 раз ниже, чем у респондентов, обладающих большим «кругом доверия». Для тех, кто отмечает, что соседи, знакомые всегда безвозмездно помогают друг другу, коэффициент оптимизма оказался в два раза выше, чем для указавших на отсутствие такой взаимопомощи в их населенном пункте. Таким образом, удовлетворенность материальным положением, социальный оптимизм и социальное самочувствие как интегральные характеристики собственного благополучия и включенность в сети повседневных социальных взаимодействий и взаимопомощи представляют собой систему взаимно обуславливающих показателей.

Готовность обратиться за помощью к тем или иным людям отражает уровень доверия им. Данные исследования свидетельствуют о том, что помощь, адресованная респондентам, исходит преимущественно от узкого круга людей, связанных с ними повседневным общением. В качестве адресантов сетевой поддержки в сельском сообществе с большим отрывом лидируют ближайшие родственники – родители, дети (68,2%). Помощь также оказывается со стороны других родственников (26,9%), а также соседей и односельчан, причем соседская взаимопомощь более распространена в селе (32,6%), чем в городе (28,6%). В выделенных по социальному положению группах адресанты сетевой поддержки распределены аналогичным образом. Однако для каждого десятого сельчанина, включенного в трудовой коллектив (руководителей, специалистов и рабочих), в круг оказания/получения помощи входят коллеги по работе. Оценка практик взаимопомощи связана с желанием продолжать жить в селе либо переехать в город. Среди тех, кто связывает свою дальнейшую судьбу, а также жизнь своих детей с селом, выше доля тех, кто рассчитывает на помощь односельчан, соседей, друзей (34,8%), а также коллег по работе (9,8%), чем среди ориентированных на переезд в город (25,5% и 3,1% соответственно). Стремление уехать снижает ориентацию на личные контакты и сетевые взаимодействия, увеличивая дистанцию между жителями села.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что повседневные практики взаимопомощи в сельском сообществе представляют собой достаточно мощный социальный ресурс неформальных связей и отношений, значимый для решения разнообразных жизненных проблем: улаживания повседневных бытовых вопросов, инструментальной, трудовой помощи, материальной поддержки, информационно-психологической взаимопомощи, удовлетворения потребностей в общении. Более 70% опрошенных являются участниками устойчивых неформальных контактов между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами. Однако это характеризует практики взаимопомощи, функционирующие преимущественно в «коротких» связях – в среде родственников и друзей, и в меньшей степени – коллег и соседей. Несмотря на очевидные преимущества и выгоды такой межличностной взаимопомощи, неформальная кооперация и сотрудничество ограничиваются целями самообеспечения и не преобразуются в какие-либо значимые гражданские инициативы. С опорой на взаимопомощь окружающих «возможны лишь пассивное выживание, решение той или иной проблемы и даже относительное улучшение ситуации отдельного человека или его семьи, но невозможно коллективно ориентированное действие в целях подъема или улучшения позиций самой группы, класса, слоя, института в целом» [8, с. 47].

В этом отношении совокупность повседневных практик взаимных реципрокных обменов и взаимопомощи как калькулируемый баланс сетей взаимной поддержки в местном сообществе нельзя приравнивать к солидарности. Солидарность возникает там, где люди начинают объединяться, чтобы осуществить одинаковые интересы и цели. Тогда представители социальных групп, территориальных сообществ – это не просто люди, проживающие на одной территории или объединенные по какому-либо признаку (социальная, профессиональная принадлежность, наличие собственности и т.п.), а субъект активности, в том числе и управленческой. Для возникновения солидарности не обязательны личные контакты между представителями группы, поскольку в ее основе лежат надличностные предпочтения, моральное долженствование и принципиальная готовность помочь людям, находящимся в сходном положении [9, с. 5].

Кроме того, анализ социологических данных подтвердил положение о том, что жители села не представляют некоего однородного, монолитного социального образования. Развитие рыночных отношений, появление новых форм собственности обусловили переход от унификации к разнообразию сельской жизни. Проведенное исследование позволило зафиксировать различия в идентификационных предпочтениях, степени включенности в повседневные практики взаимной поддержки и характере сетевых взаимодействий для разных социальных групп сельского сообщества. Наиболее развитой сетью поддержки и взаимопомощи обладают представители высокоресурсных групп, а недостаточность человеческого капитала в любых его формах выступает мощным сдерживающим барьером для включения в социальные сети.

Тем не менее большая по сравнению с городом выраженность показателей территориальной общности и включенности в практики сетевых обменов и соседской взаимопомощи в сельском сообществе основана, прежде всего, на ощущении единства и высоком уровне доверия между проживающими на одной территории людьми и связанными долгосрочными отношениями. И в этом плане социальные сети взаимной поддержки, возникающие и поддерживаемые в повседневных взаимодействиях, выступают фактором социального капитала и первичной предпосылкой для формирования групповой и социальной солидарности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фишман, Л. Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция / Л. Г. Фишман // *Полития*. – 2016. – № 3. – С. 116–129.
2. Урсулёнка, К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации / К. Урсулёнка // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2009. – № 1. – С. 138–157.
3. Скворцов, И. П. Солидаризм как перспектива развития социальной культуры России / И. П. Скворцов // *Культура и общество. Философия. Социология*. – 2014. – № 3 (54). – С. 37–40.
4. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // *Мир России*. – 1995. – № 3–4. – С. 158–181.
5. Барсукова, С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования / С. Ю. Барсукова // *Социол. исследования*. – 2005. – № 8. – С. 34–45.
6. Виноградский, В. Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств / В. Г. Виноградский // *Социол. журн*. – № 3–4. – 1999. – С. 39–52.
7. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., МФРАН, 2010. – 135 с.
8. Гудков, Л. Д. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин // *Мониторинг общественного мнения*. – 2003. – № 3 (65). – С. 33–52.
9. Барсукова, С. Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей / С. Ю. Барсукова // *Социол. исследования*. – 2002. – № 4. – С. 3–12.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2017

Kuzmenko T.V. Everyday Practices of Interaction as a Source of Solidarity in a Rural Community

Daily practice interactions are considered as a powerful social resource for solving life's problems and primary prerequisite for the formation of social solidarity in the rural community. The specific character of identity preferences, involvement in mutual support networks and trust of the main groups of rural communities, which differ in terms of the resources and the nature of involvement in social production (heads and specialists of agricultural enterprises, entrepreneurs and farmers, workers of agricultural enterprises, rural intellectuals, the unemployed, pensioners) are analyzed. It is revealed that the most extensive network of support and mutual assistance belongs to the groups with high level of resources, and that the failure of human capital acts as a restrictive barrier for inclusion in a social network. The connection of the involvement in social networks and the indicators of social well-being are proved.

УДК 316.354.2

С.Н. Щербинин

*ст. преподаватель каф. социологии и специальных социологических дисциплин
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы,
аспирант каф. социологии Белорусского государственного университета
e-mail: s.scherbinin@grsu.by*

**КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ
КАК ОСНОВА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОДЕЛИ ВЫБОРА**

Статья посвящена анализу критериев принятия управленческого решения. Цель исследования – рассмотреть сущность критериев как основы для определения модели выбора при осуществлении управленческой деятельности. Объект исследования – процесс принятия управленческого решения, а предмет – критерии осуществления управленческого решения как основа для определения модели выбора. Показана актуальность изучения проблем управленческого решения и осуществления выбора в управлении. Определены факторы, оказывающие влияние на формирование и применение критериев. Проанализированы основные критерии решения и сформированные на их основе модели осуществления выбора. Рассмотрен основной принцип формирования критериев, который представлен как показатель временной ориентации развития и функционирования организации. Обоснована необходимость применения нескольких критериев при осуществлении выбора.

Введение

Любое управленческое решение представляет собой выбор альтернатив развития объекта управления. С одной стороны, выбор предполагает определенную свободу и творческую составляющую. С другой – решение и выбор в управлении являются достаточно систематизированной деятельностью. Это определяет решение как практическое применение правил реализации выбора с учетом специфики определенной ситуации [1, с. 117]. В связи с этим определяющую роль играют именно критерии принятия решения, которые устанавливают правила и границы выбора. Наличие критериев формирует сущность самого выбора из определенного набора альтернатив. Это определяет обязательное наличие возможности выбора (вариативность) вариантов альтернатив. Кроме того, с позиции процессного подхода определение критериев и допущений выбора является одним из основных этапов процесса принятия управленческого решения. Это определяет основную цель исследования, которая состоит в рассмотрении сущности критериев как основы для определения модели выбора при осуществлении управленческой деятельности. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить факторы, оказывающие влияние на формирование и применение критериев выбора; 2) охарактеризовать главные категории критериев, определяющие основные виды решений в управлении; 3) проанализировать критерии решения и сформированные на их основе модели осуществления выбора; 4) представить модель осуществления выбора в условиях риска и неопределенности.

Принципы формирования и характеристика критериев принятия управленческого решения

Целесообразным является выделение факторов, оказывающих влияние на формирование и применение критериев. В качестве содержательной первоосновы поведения выступает культура как субъективная составляющая. Ее формируют ценности и нормы, которыми руководствуются индивиды в процессе социального взаимодействия и при принятии решения. На субъективном уровне можно выделить и мораль как эле-

Научный руководитель – Д.К. Безнюк, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета

мент определения поведения и формирования критериев выбора [2, с. 92]. Это определяет влияние на формирование критериев выбора таких основ морали, как индивидуальный рационализм и стремление к выгоде. Именно культурная составляющая наполняет взаимодействие определенным ценностным смыслом, определяет ориентиры для выбора в процессе управленческого решения [3, с. 61]. С другой стороны, критерии выбора напрямую связаны с ресурсами. Их наличие и располагаемый объем определяют предпочтительные варианты решения, иными словами, количественные и качественные показатели, с помощью которых определяются ожидаемые результаты [4, с. 39]. Чем больше ресурсов находится в распоряжении субъекта, тем шире перечень вариантов предпочтительного развития объекта и более высокие требования к качеству результата управленческой деятельности. Ресурсами могут быть как финансы, так и информация, социальный капитал, техническое обеспечение.

В современной научной литературе выделяют две категории критериев: процессные и стратегические [1, с. 117]. Стратегические критерии характеризуются высоким уровнем абстракции, именно они формируют долгосрочный эффект решения, формулируют исходные посылки и ожидаемые результаты. Процедурные критерии обусловлены результатами стратегических решений. Эти критерии содержат методы реализации стратегических установок. Во многом именно данная типология критериев определяет виды решений: стратегические (выбор, обусловленный ценностными ориентирами с указанием конкретных последствий) и обеспечивающие.

С целью обеспечения эффективности управленческой деятельности, вне зависимости от вида управленческого решения, при определении критериев необходимо соблюдать ряд характеристик, которые переносятся на сами решения и их результаты. Первой характеристикой является степень свободы [5, с. 129]. Критерии должны предоставлять определенную степень свободы для выбора альтернатив, путей реализации и корректировки мероприятий по реализации решения. Тем самым должен быть реализован принцип вариативности решения.

Следующей характеристикой является согласованность [1, с. 119]. Данное требование направлено на обеспечение внутренней согласованности составляющих решения, его свойств и результатов с целью недопущения структурных конфликтов и противоречий. Реализация этой характеристики связана с четкостью критериев. Сами критерии, а впоследствии и решения, должны быть четкими и ясными, ориентированными на формирование образа точного ожидаемого результата. Четкость и согласованность определяются присутствием трех составляющих в критериях и решениях: финансы, система человеческих отношений и качество основной деятельности.

Необходимо указать еще одну характеристику – принятие и согласие участников управления [6, с. 174]. Данная характеристика имеет отношение к коллегиальным решениям и решениям, принимаемым на надорганизационном уровне (когда в качестве субъекта управления рассматриваются представители небольших организаций либо субъекты малого предпринимательства, а решения принимаются на уровне бизнес-ассоциаций). Согласно данной характеристике будущий успех управленческого решения зависит от степени согласованности мнений всех участников управления.

Сущность применения критериев при принятии управленческого решения заключается в обеспечении эффективного выбора оптимальной альтернативы из набора возможных и установлении правил выбора. В современной научной литературе рассматривается большое количество разнообразных критериев, которые направлены на измерение различных параметров и характеристик объекта управления. Для оценки их значения в деятельности по принятию управленческого решения необходимо определить единую типологию и проанализировать основные принципы их применения.

Анализ основных критериев принятия решения в управлении

Следует отметить, что рационалистский подход к принятию управленческого решения предполагает проведение определенного объема работ до осуществления выбора, направленного на формирование набора альтернатив [7, с. 106]. Это представляется возможным посредством моделирования показателей объекта управления, в результате чего мы получаем измеримые характеристики. Представленные ниже критерии и обусловленные ими модели выбора могут не иметь формального выражения в детальных подсчетах, однако они диктуют здравую логику, которая и определяет модель поведения при принятии решения. Это означает, что при принятии решения субъекты всегда используют определенные инструменты моделирования (пусть и неосознанно), направленные на формирование будущего образа объекта управления.

В качестве одной из моделей выбора можно определить применение критерия среднего значения показателей объекта управления (подобно известному в статистике критерию Лапласа) [8, с. 63]. Методологически данный подход опирается на подсчет средней арифметической суммы значения составляющих показателей альтернативы и выбор наибольшего значения. По своей сути применение данной модели предполагает выбор той альтернативы, которая имеет наибольшее значение средней арифметической суммы оценок показателей. Например, при выборе изменения порядка оказания услуги (развитие оптовой либо розничной торговли) необходимо определить основные показатели, отражающие изменения объекта. В качестве показателей могут выступать объем прибыли от розничной и от оптовой реализации. Для каждой альтернативы определяется предполагаемое значение каждого показателя, а выбор делается в пользу той, у которой среднее значение прибыли по двум показателям является наибольшим.

В соответствии со следующим критерием осуществляется выбор в пользу той альтернативы, наихудший показатель которой имеет наилучшее значение по сравнению с наихудшими показателями других альтернатив (подобно критерию Вальда) [8, с. 69]. Данная модель часто применяется при выборе альтернативы в условиях неопределенности при сильном влиянии факторов внешней среды. Этот подход отражает осторожность при принятии управленческого решения, рассчитан на наихудшие результаты и не учитывает других показателей. Как правило, именно данный критерий применяется при принятии управленческого решения, направленного на разрешение проблемной, конфликтной либо кризисной ситуации, способной оказать существенное негативное влияние на основную деятельность объекта управления. Например, при определении путей выхода из кризиса анализируются наименьшие предполагаемые значения показателей. В случае если самое низкое значение имеет показатель «объем прибыли от оптовой торговли», то выбор делается в пользу той альтернативы, которая имеет наилучшее значение данного показателя.

Отдельного внимания заслуживает критерий «компромисса» [9, с. 223]. Применение данного подхода предполагает выделение определенного коэффициента, который сглаживает результаты и приводит значения показателей объекта управления к единым оценкам. Указанная модель выбора предусматривает поиск положительных моментов в различных альтернативах и оценку приоритетности показателей в случае, когда альтернативы неразличимы (либо не представляется возможным выделить измеримые различия). Подобная ситуация определяет дополнительное использование информации или применение других критериев. Например, при распределении финансов можно увеличить премиальный фонд, что повысит удовлетворенность персонала, а можно депозитный счет, что приведет к увеличению капитала. И та и другая альтернативы имеют положительный момент для субъекта управления, однако в результате применения данного критерия количественное значение может оказаться одинаковым, что затрудняет выбор альтернативы.

Следующим критерием, определяющим модель выбора, является критерий «аддитивной свертки» (или взвешенного среднего) [9, с. 226]. Применение данного критерия предполагает определение значимости показателя развития объекта управления в количественном выражении от нуля до единицы. В практике управления данные оценки называют весами. Например, при определении места для открытия торгового представительства показатель «наличие развитой транспортной инфраструктуры» может иметь значение 0,8, а показатель «цена» – 0,4. В данном случае выбор будет сделан в пользу альтернативы с развитой транспортной инфраструктурой. Указанный подход выбора альтернативы является достаточно распространенным в управлении планами и применяется при распределении ресурсов. Выбор осуществляется по наилучшему значению комплексного показателя, который является интегральной оценкой полезности альтернативы. Следует отметить недостаток применения данного подхода, который состоит в субъективном отношении при определении оценок (весов) важности показателя и возможной ошибочной оценке при недостаточном уровне информации о влиянии внешней среды и тенденциях развития отрасли. Это может привести к неэффективному решению, что скажется на показателях развития объекта управления.

Еще одна модель предполагает выбор по «главному» критерию [8, с. 72]. Данный подход строится на приоритетности одного из показателей, наиболее важного, улучшение которого и является основной задачей решения. Применение указанного подхода к выбору не предполагает оценку и анализ других показателей альтернативы, несмотря на то, что они способны существенно повлиять на развитие объекта управления. На практике подобный выбор реализуется при оперативном управлении в условиях ограниченного времени. Так, при оказании строительных услуг важным является показатель безопасности. В моменты, когда имеется определенная угроза наступления чрезвычайной ситуации, для ее предотвращения применяются все доступные ресурсы и методы в ущерб другим показателям объекта управления (дополнительные траты на средства защиты, потеря времени в связи с дополнительными мерами безопасности). Для построения эффективной системы принятия решений целесообразным является определение допустимых ограничений остальных показателей, что позволяет суживать выбор при серьезных последствиях на состоянии других показателей альтернативы.

В качестве отдельной модели можно выделить выбор по упорядоченным по важности критериям. Ее использование основывается на выстраивании показателей по важности [4, с. 67]. Затем последовательно решается задача выбора по главному критерию. На первом этапе выбор осуществляется по наиболее важному показателю, в дальнейшем из оставшегося множества альтернатив выбор осуществляется согласно второму по важности показателю и т.д. В результате реализации указанных этапов множество альтернатив выбора уменьшается, а последняя содержит наиболее оптимальный вариант развития объекта управления. Такой подход предполагает установление порога допущения значения показателей, что обеспечит поэтапный выбор нескольких альтернатив.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение критерия «эффект – затраты». Его применение при осуществлении выбора предполагает определение двух интегральных характеристик объекта управления [4, с. 75]. Первая характеристика отражает сумму затрат, связанную с выбором определенной альтернативы, вторая направлена на отражение предполагаемых эффектов в результате реализации альтернативы. Применение данного подхода опирается на анализ частных показателей и отнесение их к двум комплексным группам – затраты и эффекты. Выбор осуществляется в пользу той альтернативы, которая характеризуется наиболее оптимальным сочетанием затрат и эффектов.

Рассмотренные критерии и модели выбора могут быть применены лишь при возможности определения важности показателей развития объекта управления. Следует отметить, что на практике встречаются ситуации, когда приоритет показателей установить трудно или вовсе не представляется возможным. В таких ситуациях выбор делает-

ся в пользу альтернативы, которая лучше других по всему набору характеристик. Это предполагает проведение работы по систематизации показателей. Тем самым определяется два этапа принятия решения [9, с. 248]. На первом этапе из множества альтернатив отбираются те, которые по отдельным показателям являются более привлекательными для выбора (оптимальные решения). В дальнейшем при использовании дополнительной информации с учетом собственных предпочтений из оставшихся отбирается новый набор оптимальных альтернатив либо выбирается одна альтернатива. Главные показатели не определяются, а весь набор частных значений рассматривается как единое целое [6, с. 182]. Применение этого подхода можно охарактеризовать как принятие оптимального решения, которое учитывает все аспекты развития объекта управления.

Еще одной особенностью рассмотренных критериев и моделей выбора является принятие за основу возможности оценки полезности альтернатив для объекта управления. Следует отметить, что на полезность альтернативы в различных ситуациях может влиять большое количество факторов внешней среды и условия, в которых принятое решение реализуется [10, с. 454]. В определенной степени субъект управления применяет инструменты прогнозирования и моделирования (сознательно с применением формального инструментария или нет) для определения состояния показателей внешней среды, а также другие условия, которые вместе создают определенную ситуацию влияющую на реализацию решения. Тем самым принятие управленческого решения происходит в условиях наличия той или иной степени неопределенности. Например, в контексте управления субъектами малого предпринимательства данное понятие предполагает нехватку или неполноту информации о воздействии факторов внешней среды [11, с. 23]. Именно измеримое воздействие неопределенности на способность осуществлять свою деятельность можно определить как риск [11, с. 25]. Вследствие этого первоочередным условием развития является способность субъекта осуществлять прогнозирование и управление рисками при принятии управленческого решения [11, с. 64]. Если в результате принятия решения возможны различные альтернативы развития объекта и известны вероятности их возникновения, то деятельность по принятию управленческого решения осуществляется в условиях риска; если неизвестна вероятность возникновения того либо иного события, то принятие решения осуществляется в условиях неопределенности. Однако данный тезис необходимо скорректировать. Для повышения управляемости объекта вероятность наступления события необходимо оценивать, например, посредством экспертных оценок. Методологически принятие решения в подобных условиях опирается на инструменты теории игр [12, с. 18]. Важным компонентом является информация о состоянии внешних факторов и о тенденциях их изменения. Ключевым компонентом модели принятия решения в условиях неопределенности и риска выступают именно альтернативные действия субъекта (стратегии его поведения). Сочетание указанных компонентов определяет множество альтернатив и последствий решения для объекта управления [12, с. 27]. При принятии решения в условиях неопределенности и риска осуществляется подобие «игры», в которой субъект управления выбирает такие альтернативы, которые максимизируют пользу при определенном состоянии внешних факторов. Вероятность наступления определенного события фиксируется в матрице в сочетании с альтернативой, которая приведет к событию [12, с. 46]. Таким образом, основным критерием для выбора выступает максимизация выгоды. В данной ситуации он предполагает выбор той альтернативы, которая при наступлении неблагоприятного события позволит получить максимальный эффект (либо минимальные траты) по сравнению с другими альтернативами. Это своеобразный выбор в расчете на гарантированный результат. В случае если субъект ориентирован на стабильное получение результата с минимальной степенью риска, выбирается альтернатива, значение показателей которой с учетом всех возможных событий и вероятностей их возникновения является наибольшим по сравнению с другими альтернатива-

ми. Например, если при определении путей распределения финансов с учетом валютной ситуации и тенденций развития отрасли наибольшую полезность (гарантированную) отражает альтернатива, предполагающая пополнение депозитного счета, а не развитие мощностей, то выбор будет сделан именно в ее пользу.

Выбор субъектом управления определенного критерия, следовательно, и модели осуществления выбора определяется ситуацией, в которой применяется решение, целями и ожиданиями самого субъекта. Следует отметить, что выбор может быть сделан не только в пользу одного из критериев. При определении альтернатив может сложиться ситуация, в которой улучшение одного показателя сопровождается ухудшением другого. В таких случаях говорят о задаче принятия решений в условиях многокритериальности [4, с. 82]. В данной ситуации подразумевается наличие нескольких целей и критериев, которые направлены на улучшение одного показателя либо комплекса показателей объекта управления. Следует отметить, что указанные критерии ограничивают сам выбор, ориентируя деятельность на достижение желаемого. С учетом идей Г.А. Саймона в отношении основных целей деятельности предпринимателей [13, с. 54] проанализированные критерии могут не только применяться в отношении максимизации выгоды, но и быть направлены на реализацию устремлений (достижение удовлетворительной выгоды) субъекта управления. Это определяет корректировку принципа максимизации в рассмотренных критериях в зависимости от устремлений самого субъекта принятия решения, что является показателем временной ориентации функционирования субъекта хозяйственной деятельности. Если он ориентируется на стратегическое стремительное развитие, продолжение интенсивного осуществления основной деятельности, то выбор будет сделан в пользу максимизации. Если же субъект ориентирован на получение краткосрочных или стабильных результатов – в пользу удовлетворяющего поведения при определении критериев и принятии управленческого решения.

Заключение

Применение рассмотренных критериев определяет рационалистический подход к деятельности по принятию управленческого решения и характеризует ее систематизированность. Устанавливая правила выбора, критерии формирует его сущность.

Содержание определенного критерия определяет оптимальность альтернативы выбора. В случае принятия другого критерия, рассматриваемая альтернатива может стать неприемлемой. Это определяет необходимость применения нескольких критериев при принятии управленческого решения, что повысит его эффективность.

Применение критериев при принятии управленческого решения ориентирует субъекта управления на измерение значений различных параметров и характеристик объекта управления, позволят субъекту сделать обдуманый, направленный на эффективность выбор. Это дает возможность избежать структурных конфликтов и противоречий в результате принятия решения. Определение критериев характеризует временную ориентацию функционирования организации. Если субъект ориентируется на стратегическое развитие и быстрое развитие организации, то выбор будет сделан в пользу критерия максимизации. Если же субъект ориентирован на получение краткосрочных или стабильных результатов – в пользу удовлетворяющего поведения. Тем самым само управленческое решение может являться показателем ориентации развития организации.

Рассмотренные критерии являются универсальными и применяются вне зависимости от наличия формального подхода к анализу альтернатив. При принятии управленческого решения в том либо ином виде субъекты используют данные критерии. Применению критериев предшествует определенный объем работ, направленный на формирование набора альтернатив посредством моделирования показателей объекта управления. Определенные компоненты моделирования есть в поведении субъектов управления даже при отсутствии формального выражения в детальных подсчетах. Имен-

но данные компоненты диктуют здравую логику, которая и определяет модель поведения при принятии решения.

Сделанные выводы обладают как эвристическим потенциалом, так и практической значимостью. Результаты могут служить основой для проведения эмпирических социологических исследований, направленных на изучение модели осуществления выбора. Использование данных материалов позволит проанализировать саму сущность решения и создать основу для проектирования рациональной модели осуществления выбора, которая должна соответствовать особенностям экономического поведения и уровню социально-культурного развития, что позволит повысить эффективность систем управления в организациях. Это определяет необходимость дальнейшего анализа управленческого решения и модели осуществления выбора в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гараедаги, Дж. Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами: платформа для моделирования архитектуры бизнеса / Дж. Гараедаги ; научн. ред. Е. В. Кузнецова. – Минск : Гревцов Паблишер, 2011. – 480 с.
2. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас : пер. с нем. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
3. Эфиндиев, А. Г. Социальная организация Российского бизнеса: теоретико-методологические подходы и их реализация в эмпирическом исследовании / А. Г. Эфиндиева, Е. С. Балабанова // Социс. – 2012. – № 5. – С. 58–69.
4. Ветлужских, Е. Стратегическая карта, системный подход и KPI: инструменты для руководителей / Е. Ветлужских. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 204 с.
5. Ostrom, E. Trust and reciprocity: interdisciplinary lessons from experimental research / E. Ostrom, J. Walker. – New York : Russell Sage Foundation, 2003. – 424 p.
6. Внедрение системы сбалансированных показателей / Horvath & Partners : пер. с нем. – 3-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 478 с.
7. Сорина, Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность : монография / Г. В. Сорина. – 2-е изд. – М. : Канон+, 2009. – 272 с.
8. Браун, М. Г. Сбалансированная система показателей: на маршруте внедрения / М. Г. Браун : пер. с англ. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 226 с.
9. Саати, Т. Л. Принятие решения при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети / Т. Л. Саати. – М. : ЛКИ, 2008. – 360 с.
10. Sagie, A. A Cross-Cultural Analysis of Participative Decision-Making in Organizations / A. Sagie, Z. Aycan // Human Relations. – 2003. – Vol. 56, № 4. – P. 453–473.
11. Дамодаран, А. Стратегический риск-менеджмент: принципы и методики / А. Дамодаран : пер. с англ. О. Л. Пелявского. – М. : Вильямс, 2010. – 796 с.
12. Erhun, F. Game Theory in Business Applications / F. Erhun, P. Keskinocak. – Stanford : Stanford University, 2003. – 65 p.
13. Саймон, Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении / Г. А. Саймон // Вехи экономической мысли / под ред. В. М. Гальперина. – СПб., 2000. – Т. 2 : Теория фирмы. – С. 54–72.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.11.2016

Shcharbinin S.N. Criteria for Management Decision Making as a Basis for Determining of Choice Model

The article deals with the analysis of criteria for management decision making. The research objective is to consider the principles of criteria as a basis for determining of choice model at management activity. The object of this research is the process of the management decision, and the subject is the criteria for administrative decision as the basis for the choice model determination. The topicality of studying management decision making issues and choice making in management has been shown. The factors impacting on forming and using of criteria have been determined. The primary decision criteria and the models, based on them, have been analyzed. The main approach of criteria forming has been presented as an indicator of temporal development orientation and organization functioning. The article contains the rationale for the application of several criteria in the choice alternatives making.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *С.Ф. Бут-Гусаім, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 30.05.2017. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 16,74. Ул.-выд. арк. 13,85.

Тыраж 100 экз. Заказ № 222.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.